

Юрий
ГНЕЗДИЛОВЫХ

ЗАХВАТ

РОМАН

Юрий Гнездиловых

Захват

«Пробел-2000»

2010

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гнездиловых Ю. Г.

Захват / Ю. Г. Гнездиловых — «Пробел-2000», 2010

ISBN 978-5-98604-217-6

Книга предназначена тем, кто любит свою родину, какая она ни есть, и кому гражданам не важно какой национальности, живущим у нас, либо за пределом страны мил великорусский язык. Роман охватывает время, когда королевство Швеция без малого век граничило с Великою Русью – межгосударственный рубеж проходил, подле новгородских земель по рекам Луга и Лавуя. В основе произведения документальный материал. Действия и страсти бушуют как на территории Швеции (деревня Калинка – от нее получил название Калинкинский мост нынешнего С.-Петербурга, штад Ньюен, городок у Невы, шведская столица Стокгольм), так и в сопредельной стране (Новгород Великий, Москва). До половины персонажей романа – тени исторических лиц. Нашествие поляков на Русь в так называемое смутное время оставило в художественной литературе отечества существенный след. Этого не скажешь о “помощи”, оказанной русским шведами в начальный момент польской интервенции, в итоге которой государство лишилось некоторой части земель. Произведение “Захват”, синтетическое в некоем роде, восполняет пробел. В нём правда и писательский вымысел сомкнулись в одно. Материал познавателен и, с тем наряду интрига от главы ко главе развивается весьма динамично. Преследуя конечную цель расширить кругозор любознательных подачей того, что кроется в седой старине, автор (в лексиконе XVII века: “работник”) наделил персонажей мыслями, в которых живут признаки текущего дня. Произведение, к тому ж развлечет множеством забавного свойства, чисто игровых положений. Питерцам откроется вид местности, в которой возник город на Неве Петербург (форзац: шведский план устьев, 1643 года). Кто-нибудь, листая страницы, вольно и невольно задумается, кто-то всплакнет. Каждый, кто привык заниматься чтением получит своё.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-217-6

© Гнездиловых Ю. Г., 2010

© Пробел-2000, 2010

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Юрий Гнездиловых

Захват. История отечества:

Северо-Запад, XVII век

© Гнездилов Ю. Г., 2010

© Пантюхина Е. С., 2010

* * *

Часть первая

1

Всё-таки не Красные Горы, но и здесь хорошо; нравится на устьях Невы. Граждане иной разговор. По-своему красиво, ну да. Видь по сердцу, сама по себе. Только вот земли маловато, пахотной, а так благодать. С некоторых мест, как женился, перебравшись к Неве, чуждое сперва необычностью своей окружающее, да и народ любят все больше и больше. Там сопки, в Красногорье, у доменок, плавильных печей, – вообразил селянин, выйдя за ворота усадьбы на гусиный лужок, – тутотко, у невской губы, около – вода и вода; было-че, подступит по осени, и даже зимой чуть ли не под самый порог. Плавали однажды; а то.

Ёлочка, – увидел помор, влажная от павшей росы, далее тропа, к портомойне. Справа, кое-как различимые в саженном репейнике – подросты осин, слева, на пути – развалившийся, негодный челнок. Вершин, погрузившись в себя, думая, спустился пониже, дабы не свалиться на скользком, в мокредях замедлил шаги. Приостановившись на спуске, обернулся назад.

Что же из того, что ее, воду по таким как теперь, нынече утрам не видать? Позже налюбуюсь, днем; да уж; несусветная рань, – думал, оставляя за лодкою придворный лужок. – Выглянет. Явился туман.

Чувствуя, как в легкой сорочке, уходя в зипунок, латанный, по счастью на днях тратится избное тепло, Вершин огляделся окрест. Вон только что покинутый дом, створ полуоткрытых ворот. Больше ничего, пустота. Изгородь еще разглядишь, ближнюю, отметил мужик. Скрылась в непроглядном туманище Калинкина весь.

Волгло припахивает деревом, горой топляка – вытянул его из воды на берег затем, что мешал женству полоскати белье; слабенько повеяло гарью с тлеющих за речкою мхов. Днем этот, тянущийся по временам в сторону жилищ запашок спорит с духотой разнотравья, – шевельнулось в мозгу Вершина, когда ощутил. Эк-к его, по всей Калганице! Уймище, мамаева рать, взявшая на приступ дворы. Тут всё, под городом сливается вкупь, запахи – отдельный пример. Чаша подступает к жилью, воды к огорожам полей, в море, одесную и слева от губы, сплошняком плоские, как блин острова. Только деревенские избы не желают сойтись – видимо, страшатся пожаров; пыхнет на какой-то усадьбе – и пошло, по дворам.

Густенько же!.. Все чаще туман. Дважды заволакивал Мью, петляющую в царстве ольхи да непроходимых болотин одаль, на Первушином острове, потом затопил ближнюю реку, Голодушу. Осень на пороге, считай. Неводная клеть на мысу, черная не так, чтобы очень временно, в стадах облаков, тянущихся вверх по реке, выглядело в сером безмолвии, чуть-чуть отдалилась и как будто плыла, призрачная, – видел мужик, в сторону незримой губы, дедкину деревню, повыше – Речку, на Романовой речке полностью вобрало в туман.

Жениных родителей не было, когда перебрался на море, в тридцатом году. Теща, старикова хозяйка баяла: представились, в мор. Стало быть, Колзுவ, Оким, временно невидимый – тесть; укко, вообще говоря. Укко, по-чудски, по-чухонски, али как там сказать, более правдиво: *старик*. Теща, соответственно: *акка*. Ну заволокло старика! Ни взвидети дедулю, ни укнуть. Также, нипочем не докликаться до жениной бабки.

Некогда в заречье, на остров простирался мосток; лавушка, иначе сказать. Рухнула, почти целиком. К противоположному берегу тянутся, едва различимые, в рядок, столбушки. Ягоду имали в низах, клюкву, да иное, морошку. Сеном кое-кто занимались, ходили косить. Там, плахи перехода снесло – пали, от нагонной воды. Часть бывшего настила, под берегом, с пяток саженей пристанкою служат; сгодилося. Рядом, – углядел селянин – лодочка долбленая,

венха. – «Людие ижора и водь, знаем по себе, русаку исстари что сводные братья, – подержал на уме, – ладно ли не ведати молвь тутошных жильцов, поречан, тем более в семейном кругу. Тако ж, за Невую – поодадь, в городке немчуры да около, вещает Оким на чуди белоглазой женился... Откуда прознал?... Русичи. О немцах – молчит».

Тихо, на реке... Лепота! Всплески над водою, под берегом; еще и еще. Рыбы – хоть руками лови. Глаз радуется! Будто стоишь где-нибудь в родной стороне, одадь от плавильных печей. То, что не видать окружающего мира – пустяк; взвидится уж, на свету. Лай? Толсто брешет!.. Койра, стариковский кобель. Рядом, на колзуевой Речке. Видимо, проснулся Оким. Что это ни свет ни заря, труженик надумал встать? Спал бы, во обнимку с Колзуихою, аккой, так нет. Станные дела. Ну и ну... Встал, так встал.

Сызнава над берегом тишь; облаки летают, низко. Всплесков не слышать. Хорошо! Вслушаешься в это безмолвие – почуется звон; правда что. Как будто поет, скраденная мгою, река.

Сносное, считаем житье. Сыт, любим. Родина, какая ни есть!.. Даром, что немало чужих, свеев – до суммы не дойдет, – проговорилось в мозгу с тем как, прозревая туман мысленно оглядывал край. Терпится. К тому ж городок, где обосновались находники отсель не видать. Одадь от чужих, за Невой-матушкою – та же земля, некогда великая, Русь¹.

Вообразив Койру, стариковского пса Вершин оглядел бережок; выше, за невидимой тропкою к подворью и лугом, низкое в седой полутьме, все еще виднелось жильё. «Низкое – отсюда-от; кажется приземистым; ну... Взлаяла Варварка? У нас!.. Можно ли равнять с волкодавом, – пронеслось на уме; – ростом не взяла... Да и так. Ласкова, нисколь зверовидности; дворняга дворнягою» – предстала очам домохранительница тощая сука с парюю щенят сосунков. Надо бы слегка утеплить к осени ее конуру. Выходцами на днях занимались, уже не скрипят. Славное крылечко! Над ним сокол рукотворный, братеников, не сам прибывал, крылья по аршину, вразлет. Эх, Варварка: выбрехнула так, что ее с берега почти не слышать; как бы, отработала корм. А, нет, – исправилась: погромче брешок... Вновь Койра, или где-то еще, выше стариковской избы.

Ну лаище! На весь околоток. Брешут как на стаю волков, невидимых все чаще и вяще. Старостин кобель...

Понеслось! Там, переметнется на Лигу, к Стрельне – и пошло, и пошло вдаль по лукоморью на запад, в сторону Копорской губы. Кончится, исшедчи на нет подле развалившихся доменок, плавильных печей;

Вряд ли занесется на Водь: даль дальная, – подумал, вздохнув: «Более пятиде... шестидесяти верст! О-го-го».

2

Из веку в век на Красном Вершины копали руду, плавили ее, для купцов, – а пошла Вольская земля под свеян, сгасли домны; свейское железо дешевле; лучше ли, оно или нет сие положение дел, с промыслом – иной разговор. Железоделы разошлись, кто куда. Он, Парка, в прошлом подплавильщик, подручный выбрался на невские устья... Палка, по давнишней поре; Павел. По-родительски: Кречет. Бывшая хоромина Васьки – брата – приютила, ось тут, местные чухны, ижеряне переделали имя – Палку перезвали на Парку. Свыкся; не обидно итак.

¹ В соответствии с мирным договором 1617 года земли, о которых рассказ стали территорией шведов. Швецию тогда называли Свеєю, народ говорил: *свей, свейский немец*; то же, равнозначно: *свеянин*. Заколотив русским окном в европу, захватчики приневских земель вынудили нас, при Петре I восстановить, выразимся так, справедливость. К выходу в Балтийское море плавали с языческих лет. Пушкин, автор «Медного всадника», увы не имел для справок большинства документов, напечатанных позже. То есть, говоря языком великого поэта: окно за рубежи не впервой, не заново пришлось прорубать.

Васька, при его основном, крестном имени на прозвище Сокол. Ну и, сообразно сему приколотил над жильем, сверху самодельную птицу сокола, на взлете; ну да: сходно, прибавляют коньков. Знак первовладельца избы, в общем не мозолит глаза.

...Нетуты в хоромах под соколом Соколика, Васьки – выбежал, в тридцатом году. Жаль... Несколько; не так, чтоб – до слез. Мало ли чего ни придет в голову кому-то из местных – недоброжелателей, врагов, – мелькнуло у Парки: вот еще: украл, отсудил; всякое плетут, бредухи. Староста, завистник речет: в кости выиграл. Ага; даже так. Истинное проще простого, – заключил, у воды: как-то, ненароком наследован, покинутый, дом. Славное, однако жилище, – не курная изба старосты, посельского; ну... Въехали на двор – по-людски. Так распорядился Господь.

Мысленно витая под соколом, *наследник* шагнул к выдолбленной собственноручно, невеликонькой лодке.

Ай да Василек; молодец! Может пригодиться праправнукам, рубил на века. Брёвна – толщиной в пол-локтя, основание – бут; яко ухитрился набрать эдакую тьму каменюг? Дом – крепость. Да и внешне баской. Окна оправлены подзорами: резные цветы, птицы в окружении рыб. Южные оконца стекольчаты, другие в слюде. Каждому захочется: видь – дух захватывает. Ровно дворец. Главное, имеется печь. Кровля из берёсты – скалы, новая с недавних времен. Издали посмотришь – избу рыба чешуя устилает; кажется, особенно в дождь. Сокол, сообразно сему аки на сиговой спине; истинно!.. Добычу когтит. Как-то, приблизительно так.

Где он, Васька? Выбрался. Куда-то ушел. Чается, браток на Руси – плотничает, будем считать, либо занесло на Стекольну, за море, в столицу свеян... Нету, – чересчур далеко! Ежели поверить купцам Сокол, изошедчи на устья из родного села, с братьей корабельщиков сплыл к Выборгу; поближе. Зачем? Странно. Неужели пришло в голову мехами заняться? – тамотко, вещали, на финцах набольший по возрасту, Фрол... Якобы – скорняжный делец... Он же, породительски: Птах. Первым упорхнул из гнезда. Вслед старшему братнику сшел, выселившись младший – Васёк. Мало ли куды заотправился. Осталось гадать. Цел ли он? Быть может, погиб. Днесь иноплеменник в сородичах, пока-месть живой, именно – ижора Оким; Колзуев на изотчество дак.

Этот поселился на устьях чуточку позднее, чем Сокол – ранее Колзуевы жили где-то на источинах Систы, в общем, недалече от Гор; уккино семейство, считай выходцы из Вольской земли. Родичем является, тако же не венчаный Петра, шурин, по словам старика – злостный одинец. Ну и всё. Там же, за Романовой речкою витала его, пётрина родная сестра, ставшая в дальнейшем супружницей, – мелькнуло у Парки. – «Выкладка доступна уму, – пробормотал селянин: – Четверо людей пришлецов, еже не учитывать баб».

Ой ли? – усомнился помор. Сем-ка испроверим! Ну да: сходится, подумал крестьянин, делая повторный подсчет с помощью сгибаемых пальцев.

Четверо – включая в число новоприбылых мужиков прихвостня заморских владык старосту, проклятого Инку; Немцев на изотчество, пес, даром, что природный русак. Староста пришел из лифлянтов. Дважды – перебежчик!! Ого. На-ка ты, припрыгал назад. В прошлом, обретался в неметчине, такая знатьба. То-то и словет на миру, в сельниках, позаочи Немцем. Чается, сошел в зарубежь, скрылся от великих долгов; тысячи, возможно загреб. Шурин говорит, по-иному: сдернула с насиженных мест бывшая у них, под Москвой – в дальнем зарубежье – война. Немец лишь, единственно: прозвище, а так-то не немец; в молви околоточных – Немец. Эдак назовешь перелёта, чтоб ему пропасти – надует... Привыкнет, холуй. Ниую, по имени требует его величать.

Инкино жилище пониже: за наволоком, чуть в стороне от вешал рыболовных сетей; не видимо вдали, за мыском. Как не знать: слева от реки Голодуши – салма, по-ижорски: пролив, обочь, на морском берегу, ветхая – курная изба. Что ж, что Калганица в туманище, – а внутренний зор? Взвидится и так, приглядишь: ветлы, бузина из-под стен, мало не до самой стрехи,

около забора – хлевок... Схожие на очи слепца, волоковые окошки: то, что под стрехою – для дыма, нижнее – глядеть. Ох-хо-хо. Это называется кров? Дым, было-че валит из обоих! Около щелей, по стенам, черные – наросты грибов; сажею оваплены-от.

С Немцевым (пока не пришлось, к счастью применять кулаки) с некоторых мест завелось противостояние... Брань? В общем, приблизительно так. Не только из-за дома под соколом – пустошит, наглец нашенскую заводь на Мойке, рыболовную тоню. Вот еще иная доука, – думалось, когда подтянул к пристани, притоп-ленный, чёлн: Немцу приглянулась жена. Коло портмоенки, враг зырит на нее, блудовски... Пробовал вступать в разговор. Не то, чтобы особо тревожит, но таки неприятно. Что это еще за дела? Мог бы для того, что ему собственная женка не любитя получше найти. В городе положим, не тут. Около – раз, два, и обчелся. Мало ли в кружалах блядей. Как же по-иному: Нейштат! Пристань с кораблями, торжок. Сыщется ужо, в кабаке; запросто... Чем толще, тем лучше. Попка, говорили за так жалует иных молодцов – даром... за какой-нибудь грош.

Даль; пристань за Невою, во мгe, около мостов – корабли;

Штат;

Староста, с гулящею девкой, рядом пограничный острог, – вообразил селянин: «Знаемо; бывали разок, в прошлом на реке Лавуе, – вскользь проговорилось в мозгу, частью изреченное вслух: – Рядом – примерещилось; ну». Этот неудачник поселский, староста однажды вещал: брат, Васька выбежавши, дескать не сам, – женке норовил. Каково! С тем, что, по свидетельству сельских, сказывали, не был женат? Враль чистопородный, раз так... Многие на Русь переехавши – за Лугу-реку; тысячи, гуляет молва. Инка, иноземец, нахал – гость непрошенный, коли заведет кто-нибудь о нетчиках спор ставит ся как первый знатец. Можно бы подумать, что он родственник любого из них. Якобы; на деле – трепло. – Вершин, убирая черпак пренебрежительно хмыкнул. – Всякое плетет, пустобрех; чуть ли то ни всё целиком – разнонесуразные враки... Терпится, так будем считать. Он же, лиходеи – зачинательник подобных бесед. Что ему за дело, казалось бы до них, перебежчиков. Таки неспроста, с умыслом затеиват речь. Было, при нечаянной сходке наверху али тут, коло портмоенки брякнет: «Вздумал? Или, може – силком?» Сиречь понуждает убраться. Из такой то избы? Nate вам!.. Готов, побежал. Дай час на задницу порты натянуть.

Бегают не только на устьях, – промелькнуло вдогон: – Давече, рассказывал в штате коробейник, гуляй: выехавши трое туземцев пашенных крестьян кореляк. Добрые, однако серпы в тамошней сторонке выделывают!.. Лучше б, как встарь было-че, железный уклад – косы, топоры, наковальни, малые не так, чтобы очень, да и те же серпы в Красном продолжали работать.

Вспомнив Красногорье, мужик полуобернулся назад, в сторону незримой губы. – «Каждому роднее – свое, – проговорилось в мозгу: – Эти, кореляки снялись, к Ладоге как будто, – а сей? Инка не торопится вслед. Ясное как день, почему: жаждет, в нарушение прав любого человека на двор, приобретенный по-честному, да хоть бы и даром хапнути чужое добро; как не так? Зарится на лучшее, пес. Мог бы потрудиться как следует, на совесть – по-братски с тем, чтобы построить взамен лучшее жилье самому.

Что-то затаился, шатун – глаз не кажет... Видели третьёводни одаль в стороне, за Романовкою; позавчера... Шкоду замышляет какую-нибудь, враг учинить. Станется, пожалуй. (Чур, чур!) Как бы ни надумал, завистник подсадить петуха, к соколу, – мелькнуло в душе; – дабы поменяться имуществами, скажем хоть так, чуть витиевато, по-братски. Может оказаться, подумывает выместить зло на человеке достаточном, за худший удел... Вспыхнет на глазах, под стрехою как подвешенный сноп...»

3

Где он, Сокол? Пишет ли, по-прежнему в книжки? В Красном, у пылающих доменок, бывало, томясь неразнообразием жизни вписывал туда привиденья, ночное; случалось, туда ж – виденное им наяву. Бавился, по-своему тем, что увековечивал сны. Часом, растолкует какой-нибудь... В мечтанья впадал. Мыслимо, пустился к Неве, чтобы созерцать корабли – эво их околь городка! Может, собирался лодью строить – руки золотые, и мог, также, на чужом корабле, в кормщиках, да просто и так, сарою, матрозом уйти в плаванья, стран повидать; норовом зело любопытен. Мог переселиться на Русь... К Новгороду? Дескать, вещал: древняя столица Руси. Мало ли куда устремился? В нетчиках, и весь разговор. Плавал бы себе на здоровье по морю, подобно купцам, да притчи, как бывало у доменок, вернувшись читал. Мог бы заниматься торговлею, под штатом и дате, а не то, как сосед взялся бы горшки обжигать.

Съехавши для всех неожиданно, глаголовал люд... В ночь, лунную. Бесследно исчез! Как произошло, почему? Достала до кишок немчура? Всякое возможно итак. Мало ли причин изойти? – множество, примеров не счесть. На Успение, четвертого дня пристав Олденгрин, в чужаках – свиец долбанул по спине, можно бы сказать ни за что... Как бы, указал направление пути в зарубежь. Далее, пока торговал ножницы в железном ряду, штатские (нельзя исключать: люди базаряне соотчичи) украли колпак. Прямо хоть кричи караул!..

Штад, Нюен, – представляет помор даль за поворотом реки: русич – престарелый слепец, с теменью в глазах... Поводырь... Обочь – коробейник, гуляй: долог, наподобие штатских воинов, складная сажень ростом, в бороде седоватина, у сорокалетнего, чуть-чуть кривоват. Сбоку небольшая лопата, в кожаном влагалище; ну. Сицевое де, говорил носит опасаясь грабителей; оружие дак. Во изобретатель!.. ага. Бывши по суконный товар, чтобы таковой продавати на корельской земле. Дешево купил, повезло. Как не так; так бы не совал песнярам, походя какую-то медь.

Гусельника выставил вон, с торга околоточный пристав. Он же, разгоняя народ ахнул бердышом по хребту. Еле устоял; каково! Древком, на великое счастье. А, достань острием? Ссадиною, как бы платил песельникам, щедрый богач. Штатские! И даже в Песках,² пригород – рукою подать, в Спасском приложили кулак... Делатель какой-то, из тамошних, на смольном дворе³. Свия. Будь готов ко всему.

Позже, как шагали на пристань с коробейником, Федькою, под звон с колокольной (люторской увы), раздалось: «Эге-ге-гей, Настасья, хотимая моя...» Песня – о покинутом крае, отчинах, откуда пришел. Что его к Неве занесло? Пел так, что временами казалось: шепчет заблудившийся в соснах ветер, нагоняя печаль. «Был дом как дом, справный, – сообщил вездеход: всё перевернулось вверх дном. На Тихвин поглядеть бы. Хоть плачь. Снег, купола-звоны недалекие, Настя»; песенная, так понимай. Сетовал на злую судьбу. Жаль, тихвинца. С другой стороны, кто его заставил прибыть? Сказывал, роняя смешок, деланный: давно перебрался – в пору, как еще не бывало придорожных застав.

С коробом гулять не хитро, – изговорил про себя в мыслях о знакомце крестьянин, осушив челночок, – взял бы, вездеходина серп!.. Али потрудились на пойме, у болотин литовкою, когда сенокос. Вот-ко-то с чем не хотят знаться разменяй отчизны. Видимо, хотелось нажать более того, что имел с промысла в родной стороне. Выбежал – и с носом остался. Дескать, выручает гроши. Думается, правдой сказал. Федька, по сравнению с гражданами штата – ничто...

² Название *Пески* восходит ко времени жизни новгородского князя Александра (Невского). Известно по документам XV–XVI вв. и все еще живет в языке очень пожилых петербуржцев.

³ Откуда, очевидно идет известное любому из питерцев название Смольный.

Яко бы, осенний листок, втоптаный в дорожную грязь. Выбьешься ли в лучшие люди на чужой стороне?

Мытарю плати за товар, дабы разрешил продавать, приставу – за пропуск на торг, за городом дань корчмарю. Всем – выложи; хапучие-от; каждому чего-то давай. Тут еще, прямые разбойники – шалют, по ночам; правда лишь единственный раз, купчик, налетал на шишей. К счастью, отбилсЯ от них. Выручил копальный снаряд, – припоминал селянин, мешкая грести за реку: в сшибке отлопатил начального и дал тяголя. Если б ни лопата, изрек – сделали б, до смерти; а то; не было бы Федьки в живых. Летось, в позапрошлом году, баял, обобрали какие-то, в ночлежной избе, сонного вблизи Коломяг – выкрали одиннадцать талеров... Повсюду грабеж.

Мало, что его, бедолагу, странника изъела печаль – выяснилось, терпит лишения. Почто выбегал? Что б ни возвратиться назад? Жалко дурачка, фалалея – и, с другой стороны, чувствуется некая злость. Мог бы ожениться, под Тихвином, наделать робят. Как же – по-иному? Вот-на: шастает поодаль от родины, в корельской земле, с коробом да песни поет. Горлом выражати печаль, думается так, не натужно, проще, – потянул бы семью! Вместях, – промелькнуло у Вершина: – и тяжело, и в радость. Вечное, считаем соузничество... Як на цепи. Нравится все больше и больше, – думалось, как вспомнил жену; больше – лучше. Впрямь-таки: железный союз! Но, а что касася пристава, обида пройдет. Свыклись, не первый тычок. В гавани все чаще и чаще пристают корабли, даже иногда в октябре. Кое и когда понаведатися в штат не грешно; да уж; поработал – доход. Шланты!.. Но и было, подчас выгорбишь серебряный, талер. Мелочь, по великому счету... Двойственное; как для кого.

4

Лай, сызнава, – отметил мужик. Что он разоряется, Койра? Може бы, вернуться назад? – нойко, на душе. Да и пусть; нече занапрасно тревожиться. Ну-ка споем.

– Эге-ге-гей, Настасьица... Вестимое, так. – Чуточку встревоженный, Парка оглянулся на двор, с тем недоуменно похмыкал, и, забравшись в челнок затынул слышанную давече песню. На душе полегчало. Венха, миновав портомоенку беззвучно сплыла к низкому, с горбиной мыску.

Зримее рыбацкая клеть; дальше, за домушкою старосты – морская протока, в русичах словет: Калганица. Так же называют деревню, селище – Калинкину весь.

Позже, на обратном пути до дому бельнь поразвееся, кружение чаек выдаст на морском берегу признаки утопленных вглубь рыболовецких сетей, Воина – пришлец, захребетник Деевых, по сути бездомный, да Фоки Негодяева младшего, по кличке Пердун; порядочные, в общем-то люди; хорошие. А вот у него, Парки – нороты, явилось на ум; верши, по-иному сказать. Всякожды зовется; и есть, знаемо название: морды.

Так себе – ловушки, не очень; тяжелы на подъем. Некогда наплел из прутков околдворной лозы, стлавшейся на горку от пристани, под самый забор. Начал заготавливать вербины-те – вицу для дела и потом, через год вытербил вовсе тальник... Снова кое-где прозябает, тянется из мокрой земли. Выдерем ужо, недосуг.

...Вот сельник переплыл Голодушу, собираясь в ключах перед зеленцом на пути, гривой камыша поворачивать.

Да где ж островок?.. Вонде! сажень в десяти; около. Не сесть бы на мель! Кончилась река Голодуша, – промелькнуло у Парки; – слева, сажень в сорока, чайтельно – устье Мьи; далее, позадь зеленца, гривки на подводной земле, по-за островком – Калганица.

«Горюшко!.. – припомнив разносчика вдругорь, на воде буркнул деревенский; – а нет?»
Надо же: прилез, в немчуру! Ладился обратно – никак; схватывали де, говорит, около самой

Лавуи. Дернуло ж его, легкоумца, рек невразумительно, вскользь как бы для себя одного: сунулся, блажной не туда, делает не то и не так...

...Дескать, мол: чем больше, тем лучше – не совсем по-людски... Странные глаголы!.. А то ж. Как его, Галузу понять? В енти бы края – с карабином, сказывал гуляйко, – а те вумкнулось припрыгати с коробом, шатун, скоморох. Яко сам себя обокрал, договорилось тишком. Так ведь... Верно. А, с дугой стороны (двойственное всё, на миру) – кто его, к Неве залучал? Вроде, наострился уйти, Ладогою-морем – с попутчиками – в третий након. Дай бог теляти нашему да волка изъести. Доброго пути! А чего: станется, уйдет. Поглядим. Полно, вещевал дуролесить по чужой стороне – кончилось, уелся, браток зрением родных палестин. С этим, распрощались, на пристани. Взошел на корабль, с Волхова, сукно продавать. Чаятельно; будто бы, так.

Две, стало быть загадки: одна связана с убийством Сокола, другая: почто вздумалось при-быть торгашу; тако же, считай – неотгадка, – молвил про себя, в шелестке шоркнувших о борт камышин. – Двойственное, как бы явление. Забавная вещь!.. Противоречия – на каждом шагу, всякая такая борьба; то же, приблизительно – жизнь. Что же то, скажите на милость в животе человеческой одно одному не противоречит?

Вспомнив сукноношу, приятеля мужик развернулся, и, вобравшись во мгу канул, за кормой зеленец; «Уйма островков безымянных», – проворчал селянин.

Левая. Заходим, рукав. Правая обточина суши, пронеслось на уме, вящшая – позадь Каласара; к полночи от Рыбного острова; ее не видать. Далее, за правой обтокою прибрежья Невы... Брех?

Лают!.. Вроде бы... похоже на то. Вряд ли, – усомнился гребец лая донесется до Мьи; да и не мешает учесть: все-таки-то – лес на обочине, довольно густой; звуки приглушает ольха.

С тем, вслушиваясь в лай поселянин подобрался к рассохе, образующей остров; правая отока, за наволочком тут же нашлась, по знамению, видел мужик; чем тебе, оно не примета древо, заградившее путь. «Скоро на подсеку идти, – проговорилось в душе. – Ну-ко мы ее оплывем, падину. Ишь ты разлеглась. Напомнила, так будем считать. Мало не совсем позабылося в реке, на плаву; да уж, так... Поблагодарим за подсказку.

Главное, – подумалось Парке, обогнувшему ствол: – пожога, но никак не затон с мордами, ловить карасей; вящшее – подсечная пашня. Оную кормилицу землю штатские в оброк не положат, прячется от глаз немчуры.

Кукиша – бурмистрам... своё! Вырубишь поодаль деревья, и покаместа сохнут где-нибудь в медвежьем углу, за трактом в направлении Нарвы, можно позабавиться с детушками, али – к Неве, с тем чтобы, когда повезет выгорбить, по случаю талер. Ну и, разумеется всласть убогаториться женой... Любит. А чего? – по-людски. Старосте б такую, как Найда. Снег сходит – паливо затеял на нивке, будущей – костер до небес. Далее, на пепел пожарища приходит косуля (ввергнута в подполье) – соха...»

Скрип; веслышки, в рогульках-уключинах роняют капель;

Изредка – долеты брешков.

«Лаются? – И, нет, не слышать... вроде бы...»

Тем временем чёлн выплыл к месту, за которым вот-вот взвидится, заброшенный кол, ез, – определился гребец; жерди над водою, с пяток, в прошлом – переход за реку; лавушка над Мойкою, Мьёй.

Как, обыкновенно бывает у крестьян, деревенских: перегораживают речку плетнем, к запани, прижатой ко дну с помощью осиновых кольев проймочка, повыше – настил, к рыболовительной кúрме, встроенной в прореху мошне, выразимся так, подступать; вот тебе и вся недолга; кол в речице, что то же: закол, ез рыболовецкий – готов.

Бают деревенские, встарь некто ижерянин Селуй нивку на Первушином острове, у еза орал. Заилило ее, в наводнения, песком закидало – ну и, с тех пор не было на Мойке сохи.

Токмо лишь, коса приходила, в пожню Омут, да еще чуточку подальше, в Коломну; веска, говорят пожилые сельники такая была...

Сгинувши; была, да сплыла – в море, понимается; но. Так же, полагаем снесет рано или поздно закол званием Селуев мосток. Летось, в позапрошлом году мало не совсем развалился, чаятельно, сам по себе. Да уж; водяной не при чем... Эх бы, – промелькнуло у Парки на него поглядеть! Слышали, бучал, из-под кладок: «Го-од от году – все хуже и хуже». Правильно изрек, молодец; в том, что приключалось худое в сельниках винит горожан.

– Трутни, паучье иззаморское, – озлился мужик. – Землями владеют... Захватчики! У-тту, немчура. – С тем, проминовав по дуге в несколько аршин омут, венха занырнула под жердь, шапку сдернула; трухлявый конец, рухнув долбанул по спине.

Подарочки!.. Ух-х ты ж; водяной! Штатских порицает – а сам?!

Вершин, про себя чертыхнувшись, вытянув колпак из воды вновь перекрестился, вдругорь.

Нравится не так, чтобы очень. Дык перехвалил, сатану. Это называется: свой? «Предатель, – бормотнул, – перелётчик. Господи, когда же успел, враг переметнуться к чужим?!.. То же, приблизительно: мир; пакости подобного рода-племени на каждом шагу.

Как не так? Только приспособился к новому чему-то – шаррах чем-нибудь таким же, как жердь. Больше то и некому; ён!» – произвел ось на уме.

Страхивая легкую оторопь, мужик поглядел в сторону прибрежных кустов: глубь, коловорот в тее – закрутень, – увидел гребец. В ямину никак перебрался – к лучшему, так будем считать, сообразил селянин. Устроился... Обжил омут.

Граждан порицай на здоровье, чудище, однако своих нечего зазря обижать. Лучше бы, – мелькнуло у Парки перебрался в затон, выше по течению – к мордам, впугивати в них карасей. Ладно уж; спасибо на том, что не погубил, сатана... Лёгонький удар, пустяки.

Далее Селуевых кладок, рухнувших по старости лет, – вообразил деревенский – заводь, рыболовная тоня с вершами, Селуев затон: свая, заколочена в брег, ивушка, склонилась к воде так, что не увидишь ее полуобнаженных корней; ветви, отягченные листвеи, чуть-чуть шевелясь тонут кое-где на вершок или полтора или два, около подводной листвы носятся, снуют по верхам тысячи подросших мальков. Заросли кругом, на версту. Колышется поодаль тростник, распластанные в бурой воде, взъерзывают листья кувшинок; белые порядочно всплыли, первыми, – отметил мужик, сходно поведению граждан, склонных даже там, где не надо вытворять новизну... Дочери, однако давай желтые кубышки; ну да; любит водяными цветами этими, лилеями бавиться. Пожалуй, нарвем; «Чад ты мое поновное!» – мелькнуло в душе.

Вспомнив на мгновение дочь, любимую не только подружьем, женщиной из племени водь, набольший семейства, большак с некоторых пор, улыбнулся.

Что б ни уступить благоверной, женушке, явилось на ум: дщерь – *Ягодка*; родное итак; собственная девка... И, – нет: общая с подругой по жизни. Ну и, сообразно сему: что *Ягодка*, что *Марья* – одно; нетути семейной браньбы. Все-таки-то есть на земле, готовой захлебнуться во лжи, да войнах за чужое имущество, да многие деньги, талеры-те что-то хорошее! – мелькнуло в мозгу: лад – полюби, – а тут те, окрест, в жителях деревни – борьба... Всем – самого-пресамого лучшего, чем больше, тем лучше; лучше уж, сполна ублажить отроковицу-ту, дочь;

Як тебе такое, отец: с ног до головы обвешанная отроком, Ванею хвостами купавок – представала русалкой!.. Бабоньки такие, как будто бы, глаголет молва; жены водяных, понимай. Грех, не грех? Видимо нечистый попутал девку-ту, крещеную дык. Право же; с другой стороны, радость никому не заказана, говаривал тесть. Бавится, и ладно – дитя; лучше бы сказать: отро-чница: стукнуло четырнадцать лет. Вящая отрада – Иван... Ой ли? – усомнился мужик; двойственное всё, на миру! спорит... очень-очень двойное... Противоречия – на каждом гребке.

Думается так: почивают, ладушки. Постель, по словам Найды (верится, пожалуй не очень) отдает по утрам Зорькою, – придумал супруг; – именно... Да нет, молочком. Только что доила, во тьме – знакомо... Парное итак.

Найда не словенского племени, – на четверть вожан-ка; тож переселилась к Неве. Яко бы, на устьях теперече вторая отчизна. Третьей батьковщине, отечеству никак не бывать; лишнее – стремиться куда-то, к лучшему, не худо и так. Сходят ли к добру от добра? Терпится, и ладно... Живем.

...Есть родины большая и малая, – неслось на уме: – Вящная отчизна распалась, по воле судьбы в некоторый год лихолетья и, раз так получишь малая – не меньше былой, матери Великой Руси. Радуйся тому, что имеешь. Мало ли? Такое – предать? Что же происходит кругом? Не только незаможные, голь, да кое-кто мужики средние-те, да поперег лавок деланные, – Васька ушел. Что б ему, на устьях ни жить? Дом – лучший в Калганице! А то. Сказывают, землю орал, Обуховщину-ту. Заросла⁴. Подле Голодуши, рядом – несколько полетов стрелы!..

Бегают, как наш коробейник, тихвинец возможно затем, что хочется побольше иметь – Русь, будто бы, по слухам урезанная в ходе войны с ворогом на целую четверть все-таки существенно больше родины, отпавших краёв. Лучше ли – отдельный вопрос; двойственное; кто говорил: бедная держава, иной хвалит, неизвестно за что. Всякожды, по-разному баяли; понятная вещь: всюду наблюдаем соперничество. Кстати сказать, можно бы оспорить все что ни происходит на людях, кроме непостижного разуму простых мужиков, сельщины природных явлений... Кто-то говорил: зарубежь уменьшилась на целую треть. Староста, похоже... ага. По-разному вешали; вот вот: каждому – свое подавай. Мнения сельчан разделились надвое...

«Тоска и тоска!.. Что ж еще? И, с тем наряду, как бы, ощущение виновности», – мелькнуло в душе.

– В чем? – проговорил деревенский, пропуская гребок. – Да и не понять перед кем. – «Что же происходит внутри?»

Воноко Селуев затон, рядышком – рукою подать; около березы да елинок, – увидел помор. Слева некрутой бережок, шелюга-та, незримая одаль, сажень в тридцати – ракитина – и после чего вплыл, на повороте вовнутрь полностью открывшейся взору более широкой воды.

«Ловля не сойдет за границы, к русичам, Селуев затон, – останется. И город, к несчастью. К счастью, – промелькнуло у Парки, – Неенштат в стороне; вот именно: верстах в десяти... По-старому. А ныне, рекут: в миле от родного гнезда».

5

Бр-р... Знобит. Ну и холодина собачья! Потому – на воде. Да и кой-когда ветерок... Терпится, – подумалось Вершину.

Слегка развиднелось.

Встало в окне зелени и проплавляет порыжелую мгу, временно не яркое, солнце.

Точно золотой! корабельник! – подивился пловец; с тем, что – наградная деньга от самого государя, данная в досюльные годы некоему тестеву предку – оберег; от бедствий хранит.

После того, как Найда родила близнецов, Марью с Ванею старуха вожанка преподнесла внуке нарочитый поклон. Да уж, получается так. Заповедала на шее носить. Не только золотая монеточка, – особенный дар: женщине, продляющей род; в том состояла нарочитость. Ясно, почему – корабельник: на ём суднышко. Вверху, по дуге вытиснено несколько слов; как не знать...

В позапозапрошлом году, в темь от наводнения спас (в подпол набежало – пустяк), Зорьку-ту, заблудшую одаль, в чаще от волков уберег; всякое такое, ну да. Подлинно, волшеб-

⁴ Отсюда, между прочим, идет название *Обуховский* мост (через реку Фонтанку) нынешнего Санкт-Петербурга.

ный корабль – вещий, – промелькнуло в душе; – силою великой чреват. Истинно; ужели не так? То же, напрямую касается хозяйки заречья, тещеньки (вдвойне повезло!) – также творит чудеса... Первая, на весь околоток чародеица; ну. Кто б еще с такою задачей справился, возмог исцелить Марью от былой немоты? Укко, старикан говорит: вылечил какой-то испуг; вряд ли то. Да как вам сказать. Может, прав. Мелочь, по великому счету, главное: в гробу немота.

...Больше ворожила под соколом, не то на лугу... Вскидывает руки, трясется. Вслушавшись, было в заклятия – по коже мороз. Часом, ворожеица взвояет по-дурному как есть, волчески, Варварка – себе; али то, с поджатым хвостом кинется стремглав под крыльцо. Как не испугаться? – и сам, было-че порою сбегал. «Как смотрят, блещут и светят луна и солнце – выговори, лапса, дитя малое по всем сторонам!» Это лишь одно заклинание, а сколько других? С тысячу... Не менее ста. Годы напролет волхвовала – и, таки удалось в некоторый день, помогло: до пяти лет с какими-то неделями взор девки оставался недвижимым, Ягодка едва немовала, наподобие тех, кто по своему воровству, схваченный теряет язык, с тем, благодаря волхованью стала говорить, по-людски... Может, на Исакия? в май? летом? Да никак, на Илью! Плакали, от счастья; ну да.

Вновь листья шевельнул ветерок. Желтые кубышки раскрылись; только что, недавно густая коло езовища, белынь таяла все больше и больше. Воноко, в просвете берез кажется поклон, корабельник – оберег... Исчез, не видать; временно в шельюге застрял. Выберется-от, не впервой.

С этим, в дрызготне, у мерёж, расставленных в рядок за ракитою слегка унялась вызванная лаем тоска.

Две, три ловушки... Опростал – погружай... Скрылась. Под ногами вскипает; часом, в синевато-зелено-белой, шевелящейся каше («Скользко, черт возьми!») – краснота; «Спорится», – мелькнуло в душе. Три, четыре... Пятая. Ужо победим!

Вдруг – то ль причудилось («Шлепок-шепоток рыбьего хвоста о сапог? Язь?» – предположил рыболов, мысленно витая в дому) некто, за ракитою вымолвил: «Спеши!»

Водяной? Вряд ли, – усомнился ловец. Чутьockу тревожит брехня. Эво их еще, за шельюгою невыбранных верш! Лаем поопосле займемся. Некогда, – мелькнуло в сознании, подумаешь: лай – все-таки не город... И там, знаемо не меньше собак. Дескать, говорят обыватели: чем больше, тем лучше. В набольших собачьего племени приятно ходить?

Дабы развернуться у морды сельник потянул на себя росшую вблизи камышину; хрустнуло; с верхушкой в руках, ладвочкою стебля мужик, чуть ли не упав, чертыхнулся. «Против, – подержал на уме: – та же, понимай живота: ходные спотычки, препятствия и тут – косяком... Свичное, не стать привыкать. Редко всё идет по задуманному, чаще – не так. Хочешь получить удовольствие, какой-то успех, труднодостижимый – борись; бей да бей. Даром ничего не дается, нетути бесплатных удач. То же: окружающий мир; как не так? Вечные завады – помехи в действиях, повсюдная ложь, драки то и дело, в рядах... Противления... Измены друзей. Что ни говори – опровергнут как-нибудь, по-своему речь... В штате, да и тут, иногда – склоки, воровство, зубоежь».

Стебель, но уже без метелки, зрилось деревенскому, всплыл.

Тестюшко!.. Без шапки остался; как бы, – сопоставил мужик: смахивает... Корень, в земле! Укко не желает сорваться – что ему Великая Русь? Также, нипочем не уедет за море, в столицу свеян. Дескать, приглашали; ну да: шуточно сказал, понимай. Любится на устьях сидеть, в пригороде. Крепенько врос! Даже и не корень... ага: непоколебимый валун. Так же, приблизительно думает подруга по жизни, – промелькнуло в душе: норовом – едины... Кремень!

Видится, стоит, на колодезях, – припомнилось Парке: по воду пришла, на ключи по-за огорожею, в низ: бренчала на расшитом подоле, яко у росийских молодок в красногорском краю – короновиный чепец, долгий, до земли сарафан. Даже и теперь надевает материно амы;

да пусть; полюби – родное итак. Понизу передника звоны-бубенцы-погремушки, всякие, в рядок, еже есть образы каких-то зверей... Вольская порода – с чудинами; отсюда пошло, якобы название: *чудь*.

Как-то углядел, на Покров: плавала околь портомоенки, в чем мать родила. Двадцати шти годов – старый! – закручинился он, Парка, скрывшись от ее наготы. Впрочем, невзирая на возраст позже, заотважась женился.

Вот еще, такая чудина: собирались обрить; Найду, разумеется; но; перед выхождением замуж. Требовал старинный обычай, видите ли-от... Возбранил. Еле удалось отстоять. Что это еще за дела: косы под лезье от косы! Так бы, не вмешайся – тю-тю...

Дальше – легче. Втайне от свеянских попов, по старине окрутились, тут же на подворье, под соколом. Венчал иерей, ныне многолетний старик житель деревеньки за бором⁵, отставленный от служб Онкудимище (у Спаса пред тем, в пору лихолетья служил). К вечеру Ыванова-дня, постного – считай, через год любя родила близнецов. Далее, в черёд волхвований акки, чудодейственных дочь, Марье избыла немоты.

Ну-ка полезай-ка в роток, Ягодка (гулять, так гулять!). Покалывал, вертунью усами, вскидывал подчас, дрыгоногую, да так, что летит выше головы; хорошо!..

Радость никому не заказана. И тут же, рядком, с прозеленью, как бы в глазах, рысьими казались – жена. Вскинешь – и еще, и еще. Нравилось возиться с робятами; на то и досуг. Бавилися часом, в низке. Помнится; такое – забыть? Ну-уж нет, – проговорила в душе: противу хотения; но. «Не выйдет, ничего не получится», – изрек в пустоту, выразив наумное вслух. – Даже и теперь... По-людски! Это вам не землю возделывать, пашню орать; именно; чем легче, тем лучше.

...Лучшего не будет, по-видимому... Дочка визжит, радуясь полетам, Иван, помнится, в одной рубашонке, до коленок завидует: ну, тять, покачай! Пожалуйста, чего тебе стоит; как-то, приблизительно так. «Ручики, отец поломаешь: девка, не охапок травы! падает!» – вопила жена. Гневалась порою настолько, что переходила на крик – с тем, зелень проступала в очах, сузятся, а чуть приласкай – сызнава глаза-васильки. Так-то вообще, приглядишься как следует, они голубые, но и можно сказать: с некоторой блёклостью синие, как та бирюза. Рысь, кошка дикая – смотря для кого; старосте, посельскому – зверь.

Так ему и надо, врагу; кто ж еще?.. Поможет, часком; Зорьку-ту, пропавшую одадь, в заболотьях привел. Это называется: враг? Двойственно!.. как, впрочем всё-всё, что ни наблюдаем окрест, видимое нами; ага: спорное, – подумал рыбарь, действуя у дальних мерёж;

Ранее, – мелькнуло у Парки, – даже у пылающих доменок, в тяжелом труде горюшка особо не ведалось, а тут, в чужаках исподволь пришла живота, которая не снилась ночьми... Да уж, так.

Реяли над морем каявы, ласточки носились у дома с деревянного птицею, то дальше то ближе, часом скуповатое, солнце, оживляя низок берега, в сторонке от лоз высветит, бывало на платье любы дивовидных зверей, маяльники-те, погремушки, да, иное взблеснет в низке жемчугов-маргаритов даренный с рождением двойни бабкою супруги златой⁶.

Много ли с тех пор изменилось?.. к худшему, – подправил не вдруг мысленную речь селянин, вообразив бережок, сызнава поросший лозьём. В нетчиках *все хуже и хуже*, – лучше! Получается, врет житель омутка водяной. Странно; у кого научился? Ветром занесло? Как-то так; выглядит вполне по-людски, человеческое, будем считать: как правило, и даже в селе, под городом... повсюду – обман.

⁵ Отсюда, очевидно пошло старинное название улицы *Боровая*, нынешнего Санкт-Петербурга.

⁶ Скажем от себя, для сограждан терпеливых (воистину; и чтение – труд): эта невеликая часть воспоминаний соответствует времени, когда королева Швеции – Кристина II обрела полновластье. 1644 год. Ранее державою правил глава Опекунского Совета граф Аксель Оксеншерн. Единовластно, не без отдельных ограничений стала управлять королевством достигнув восемнадцати лет.

...Эт-тот корабельник: монетка!..Только-то; игрушка, для женщин!.. Даве, пополудни жена чистивши корап, талисмант. Моечной золою, в тряпье... Коло портомоенки. Ну.

«Всё, так всё; выбраны, – подумал рыбарь в некоторый час: – Не тое; мало, не совсем по нутру. Так себе – улов. Да и пусть. Верши кое-где дыроваты. Эво их наставлено!.. тьма. Более десятка, двенадцать. Можно бы, на мелях добавити – чем больше, тем лучше; прибыльнее... Снова – трудись?хлопотно мерёжи вязать! Лучше отказаться от жиру. Долгая морока; вот, вот: как-то не совсем по-людски – людие стремятся к занятиям, которые легче и, единовременно прибыльнее; так повелось. Каждому – чем больше, тем лучше, лучшего... и – сразу... Как так? Лучше, самолутшего: даром, – шевельнулось в душе, – прочее, похуже – врагам... именно: чем хуже, тем лучше;

Но, да и затон маловат. Лучшего не надо. Живой, сыт, любим. Старосте б такую жену!..»

От-т тебе и свейская власть, хаемная нищими. Вздор! Лучше ли – московский хомут? Сказывали, русь, корабельщики залужских земель, в селах урожай – пополам; исполу работают хлеб. Равенство де, молвил купец Марко – ладожанин. Как так? Где уж там, оно – справедливость. Якобы; на деле: грабеж. Это бы еще ничего – исполу, бывает похуже: кто-то в закрома, по сусекам, яко бы, вещал коробейник, русич засыпают зерна менее довольного, с треть. Прочее – владельцу земель. Две правды, получается; но... каждая, в отдельности – ложь; не исключено, что нелживого, не в том, так в другом даже на Руси не бывает.

Во как на боярщине жить!.. Поданный коруны – не то, в лучшем положении: тут сельник облагается данью сносной для прожиточных бондов, сеятелей-от, земле-тружеников средней руки; туточко терпимая дань, впрочем далеко не для всех; разные поскольку. А там? Полный произвол, самосуд. Нечего срываться за Лугу-ту, к Великой Руси... Но да человек – не скотина, ко всему привыкает; к голоду, побоям. А то ж. Где они, права человека на довольный кусок? Нету, при таком дележе. Трудно, если не невозможно лучшему из лучших сословию залужских людей, правозащитникам в судах на Руси лаяться за разные правды!.. Можно посочувствовать; ну. Две правды – больше, но и, с тем, ни в одной истина, коли говорить правдою, а не по-собачьи: полная, для всех справедливость даже-то и не ночевала; по-нашему, постольку поскольку на Руси, да и тут каждому – своя правота...

...Все-таки, однако – живут. Да и не уйти, от бояр. Слыхом, разрешаются выходы, на Юрьевый день, осенью, когда большинство пахотных людей обмолотятся, и то для таких, что не записались в крепь, не барщинных, – а так, не уйдешь. Это как попасть в кабалу, грамоту, согласно которой должен отработать горбом те или иные долги. Лучше уж на свеинах жить... Каждому – свое получай.

Белая береза пестра: с белью чернь. Вслед за огорчением – радости, – звучало в душе. Всякожды случалось, по-разному. Хорошего больше. Доброе частенько не видится, коли попривык жити не имея хлопот – дар воспринимаешь как дань. Чуть что не нравится кому-то из подданных, встают на дыбы. Станется, пожалуй: потом как-нибудь, в грядущем учнут, взявшись за руки шататься по городу, сомкнувшись в ряды, так что и водой не разлить, с воплями «Долой! Не согласны! Против! денег, денег давай! Больше, сразу!» – все еще впереди... Незачем винить заморян – знай, трудись. Тут родина, с могилами отчичей, к тому ж не старик – можетя стоять на своем даже и в такой животе, – проговорилось в мозгу с тем как, на обратном пути взвиделась цепочка жилищ. Можен потрудиться за трактом, в поле от зари до зари, в штате – за Невою, на ловле и... чего уж таить мысли от себя самого: всё еще, по-прежнему конь пахотный в постельном труде.

Вершин, озираясь помешкал прежде, чем пуститься к жилью.

Разом хорошо и не очень... Чересчур по-людски. Все противоречит, как будто бы, одно одному. Яко бы: гроза надвигается, не то пронеслась где-то невдали Калганицы. Странное какое-то всё, – проговорилось в душе. Что ж то происходит? Изба с птицею на взлете, под соколом на месте, целехонька, над нею висит, медленно смещаясь на павечерье, в сторону моря – к западу – прозрачный дымок. Печь, стало быть давненько затоплена. Чуть-чуть разбредясь, мирно пощипывая травку, на придворном лугу кормится семейка гусей... Больше бы! У самых ворот, в полном одиночестве кур, клёванный, заморыш – петух. В общем, ничего примечательного, думалось Парке, свычное, и даже – баран, выломивший часть городьбы.

Дивное в другом: от крыльца, только что спустившись к земле мчит, простоволосая теща, одадь, позади животинных выпусков, едва различима в сереньком безмолвии – Зорька: странное не в том, что без пастыря, а то, что ушла с выгонов, собака в кусты! В бор тянется? Не менее странно: рядом, у причала – посельский, староста, похоже вблизи где-нибудь, шатун почивал. Смотрит по-хорошему, ласков; первым, дружелюбно витается, – отметил мужик. Чуждое какое-то все, кажется враждебным. Вот-на!.. Что за ощущение: страх? скорбь душевная? С чего бы?.. Да нет: видимо, причиною страха, или как там сказать, правильнее: то, что не выпался, – итожил рыбарь.

«Здравствуй!.. Соизволил приветствовать... Расщедрившись; ну; как бы, – промелькнуло в душе рыбника в ответ на привет. – Прежде побеседуем с тещею – несется, в низок. Вскрикнула чегойтось; вдругорь. Что бы это значило?»

– Гм... Чо тебе? Ах, рыбы. Потом; после, – проронил на ходу, с полуоборотом назад – и, пообещав поделиться быстро, на едином дыхании взлетел на лужок.

– Хювяхя хоомешта, – выговорил, – доброе утро... Як ты говоришь: не совсем?

– И; нет. Сопсем-сопсем, хозяин не топрое.

– Чегойтось не то? Акка! Не томи, отвечай... Медленнее, не лотоши... Як тебе, такую понять? Ну-к.

«Пришлые! Так вот почему брех, лаище в туман, по дворам жителей, на всё лукоморье, – догадался мужик, вслушиваясь в тещину молвь: – Бает, на родном языке, знаемом не так чтобы очень, слабенько, с трудом разобрал: в селище нагрянули, в темь сколько-то заневских, свеян. Четверо ли? Впрочем, пустяк. Более существенно: штатские, бурмистры; ага: сыскивали, дескать следы тех, что укатили за Лугу-ту, затем чтобы вкупь с розысками править на них, выходцев подворную опись. Будто бы, вещал коробейник свеины затеяли своз беженцев обратно. Как так? Из-за рубежа?! Ну и ну. Выдумал. С другой стороны, сицевому – как ни поверить... То же, полагаем, в наход сыщиков свеян, в полутьме взбуженный, глаголовал тесть – видимо старуха не лжет, перевирая подчас кое и какие слова.

Друго заявили; впервой шастали в минувшем году. На-ко ты, опять нанесло. Высадились на берег, с лодки, да и ну – по дворам. Больше, заявляет Колзуиха пытали про Ваську – Сокола, куды упорхнул, спрашивали де, у крыльца, в Речке про какого-то Гриньку, местного, быть может в действительности. Кто он такой? Этого ни в естях, ни мертвым, ни же, стало быть в нетчиках никто не знал. Или же, карга перепутала – повыше, рядом с выгонами Гринькина пустошь. Далее кустарников – Деевы... Постой-ка, постой...

– Медленнее, акка!

«...Могли, тако же хватиться менялы, пеняжника именем Гришка, но ведь то – на Песках; одадь... и, к тому же скончался, в позапрошлом году. Жаленько не так, чтобы очень; именно... не свой человек. Ну, а что касается Васьки, Сокола – понятная вещь: больше-то и некому выбежать; пытали о нем – *хаукга*, у родичей суть: ястреб, сокол; приблизительно, так».

Судя по старушечьей молви, путанной – вещали по-своейски, переводчиком был кто-то из людей ижерян; трудно ли доспеть, при желании заморскую речь? Али же, вполне допустимо:

растолмачивал наш кто-нибудь, русак – горожанин. То есть, получается: дед, укко чужаков понимал.

Кто бы это мог растолмачивать? Неужто? Гуляй? Нетука; вестимо, не он. Даром, что умел говорить мало ни на всех языках свейский отчего-то ему, сказывал разносчик не дался. Кроме того, тихвинец, гуляй не похож на переводившего речь. Песельник, Верста (горе луковое!) чуть посветлее, будто бы то: истемна-рус, виденный старухой – черен; *мушта*, говорит кочерга. Эк-к ее, вдругорь скособочило! – скорбит поясница, посочувствовал зять.

– Ну-ка повтори, да помедленнее, с толком: не стар? Нос – крюком? Это у кого, у толковника? – прибавил мужик. – «Надо ль, – промелькнуло у Парки, – сказывать такие подробности – неважное». – Всё?

– Нетт. Коре, Пааво.

– Горе? Отобрали – чего: серп? оберег? Не понял. Корап?

«Жолото-корапликка оти!.. лайва... оти, оти, проп-пал!.. оти» – донеслась до ушей истина, которую зять все же кое-как уловил, вслушиваясь в тещину речь. Выкраден, – мелькнуло в сознании заветный поклон, оберег, врученный жене в час как родила близнецов! Так! Так, так, не иначе. Лайва, безо всяких сомнений сиречь: наградная денъга, златочеканный корабль.

– Кут оти, старая?! – воскликнул мужик. – Отняли, да отняли. Кто: писарь? крюконосый толмач? Во наговорила!.. отстань.

«Оти, оти... Взяли, да и всё; уволок... Хапнувши какой-то наглец находник на деревню, из ратушных людей, бургомистровых, а кто – не прознать, – думалось как шел на колодези, пониже двора. – Бестолочь какая-то... ну; что с нее, старухи возьмешь?» – Виделось: в траве, на ключах, неподалёку от малого, который кипит, в белополотняном уборе, водьском разумеется, с вышивками – любя, Что это надела передники? Ах, праздник, забыл. Акка заморочила голову, так будем считать. Вототко вдругорядь склонилась, пятится, – отметил супруг. Там же, в стороне родников, неподалёку Иван, Марья – для чего-то присела... Встав, переместилась в низы. «Думают сыскать корабельник, – промелькнуло в душе: – вкупь... соополчась воедино; тешатся надеждою, цел».

«Подсеченная яблонка я, бедная, кручинная, немочная» – чуёт супруг с тем как, перебравшись за пряслица у репной гряды, быльником спускается в дол; «Выкосить бы это бурьянище, мамаву рать!..»

– Высмотрел-таки, на грудях, вор, – проговорилось в низу.

Ойкнула; послышался всхлип.

«Надо же ось так подгадати, – донеслось до ушей: – Лотка, из нее чужаки. Ой горюшко. С Ыванова дня, целый в сундуку пролежал. Вовремя схотелось надеть!.. Нешто, если даже и выронил в поспехе найдешь в эттакое, по пояс былье? Всё-таки подходим: а вдруг? Юммала поможет, господь нашенского роду... И тот... Оба. Помогите, не оставьте, иже еси на небеси!» – Голос временами срывался от наклонов, подчас, еле уловимая одадь, саженьях в сорока слышалась чухонская речь.

– Акка говорит, чародеица-та: все пропадем, ежели не сыщется оберег, – звучало в низу откликом на мужнин вопрос: – Як произошло? Невзначай... вдруг. За руки надумал тянуть – в лес... в чашу-ту, придворную... сильно... силою.

– Как? – Вершин, – зачем?

– Да уж: не по ягоды, Цвет, – проговорилось тишком в сторону того, кто внимал: – так... Блуд выдумал творить насильством, – проронила хозяйка нехотя, потупив глаза. – Вырвалась, Черемухин Цвет. Ну и, во отместку содрал, чтоб ему пропасти, врагу. Понял? Наконец-то внялось?

«То-то и пошло по деревне лаище, собачья брехня, в темь, – сообразил селянин; – думалось, на Мье: пустяки, вышло, на поверку: беда. Право-но дурак дураком! Нет бы возвратиться к подворью, с плавней Голодуши назад! Расхлебывай теперь кисели... Да уж, так».

– В Речку собиралась лезти, на носу именин. После послезавтра, вот-вот. Чаялось, братеник подточит загодя тупые ножи... Нетути, пропал!.. И секач. Тоже затупившись; ага... Нет бы – самому наострити, Веточка Черемухин Цвет.

Высказавшись, Найда притихла, сызнова склонилась к земле.

– Толку-то. Ишши, не ишши... Тшетно. Уволок, негодяй, шшоб ему пропасти. Дай срок. Я т-тебе... Годи, скорохват, – молвила, привстав: – Не уйдешь. Я т-тебе таки посажу де-нибудь потом, нападателя в глубокую воду. Али же – убью... все равно.

Станется, пожалуй; прибьет... Чаятельно, всё необычное – в порядке вещей, даже, временами убийство. Это ж как понимай: женщина! – дивился мужик, в легкой оторопи. Ну и дела!.. Думается, впрочем: утопит.

Мокрое внизу на вершок, с ходками в росистом былье, амы потерпевшей, хозяйки сузилось в каком-то движении, – отметил супруг, подле рукава, у подмышки взвился разорванный шов.

«Хрупкая? кручинная? Гм. Стренутся – пощады не жди. Экк смотрит бешено, несчастная женушка, – подумалось Парке: – Нате вам чего наблюдается: не женщина, – рысь; кошка дикая. Глаза-то, глаза: будто собралась нападать – с прозеленью; именно так. Гневается. К счастью, отходчива: слегка приголубь, лютую, – представил на миг, – очи – васильковая синь... То же происходит вокруг; воистину; всё-всё переменчиво, не только глаза».

Несколько бренчалок внизу левого передника, чесяряттит, крайних оборваны, един погребок (чищенный, – отметил супруг) только что нашелся, в травье. Худо, что пропал корабельник!

Видимо, когда отбивалась от кого-то из пришлых, лодочников – предал гайтан, купленный, по случаю дешево, казалось в торжке, новенький на вид ремешок. Не выдержал ухватки, ну да, – вскользь проговорилось в мозгу. – Новое бывает похуже проверенного временем старого... Зачем покупал? Сдуру; получается, так.

– Лутше бы бы срезало им голлову! – роняет жена: – Выя разболелась, в крови... Нетт как нет!!

– Сыщем, – неуверенно, муж: – Где-нибудь найдется, – изрек, чуть ли не потрогав свою. – Шея-та? Пройдет, не горюй, – молвил, приголубив; – а то;

«Синие, так будем считать», – произвелось на уме.

Двойственное всё на миру, спорное, дробится на части, верное соседит с неправдой, мечется туда и сюда, в противоположных подчас, можно говорить направлениях, – подумал супруг, – правда с оговорками – ложь.

Подсеченная яблонка – так, сходится; куда бы ни шло. *Кручинная* – опять-таки верно; не противоречит случившемуся: горе, считай... Лучше бы сказать, полуправдою: прямая беда. С *Веточкою* малость не то.

Пень, кой там – веточка, – мелькнуло вослед, в знании своей виноватости: вернулся б – и всё, не было бы жениных слез. Чужало ведь сердце, – ан нет, все-таки уплыл, недотыка. С песенкою!.. Во скоморох; в точности такой же, как Федька, – мнил, вообразив Нюенштад. Именно... И кто она есть, кстати говоря беглецу в худшее от лучшего, Федьке песенная, скажем хоть так, сушая под Тихвином бабонька по имени Настя? Но, да и вполне допустимо: не было такой в животе – выдумал большое ничто: песельник; Баян, да и только!..

Умница, с другой стороны: все-таки получше иметь (больше ли – отдельный вопрос) бабу в голове... Хм... не то... нежели ходить по блядям. Главное: всегда при себе! Так, в среднем, – рассудил селянин.

Терпится покаместь; ништо. Пень, так пень. Важно ли? Авось прорастет. Выправимся, чуть поопосле. Как-нибудь; достанем корап... Веточка и пень, при таком взгляде на неважный успех розысков у дома, в будыльнике, по сути – одно. *Веточка* и *Веточка*; пусть. Нравится, и ладно, раз так. Не сопротивляемся-от. По-нашему: хоть как называй... И не переспорить. Своё! Это вам не то, что Настасья! – Вершин недовольно поморщился, припомнив градок. – Слезная, покаместь жена (всё пройдет как-нибудь потом, образуется) – и лучше, и больше. Разве что, в людском понимании (да ну их к чертям, насмешников): жирку маловато. Как ее, такую понять? Противоречия – на каждом шагу: есть есть, казалось бы; чем больше, тем лучше!.. Пробовали как-то заставить, силою – встает на дыбы. Умеренность в еде соблюдает – большего не хочется; но. Как-то не совсем по-людски. Чуть что не надобное любе – отпор. Словную борьбу ненавидит. Лучше уж, в таком положении со многим смириться. Выгоднее, как бы... И то: чем больше на тебя нажимают, тем сильнее отпор насилию, вообще говоря. Как не так? В чем-то уступи, не воюй.

«Нам... всем пропасть! – Ям-ма волчья! Слышь? Акка говорит: не к добру. Надо же такому страстись... Ведает» – услышал супруг.

– С кольями на дне, понимай? Вылезем, – отвечал муж. – Как-нибудь найдется; эге ж: выкосим будыльник – и все; мало ли бывает потерь, – молвил, зазирая в глаза спутнице по жизни, а там – горечь затаенная, скорбь, их заполонила тоска! Слез не было, как будто – иссохли, канула недавняя лютость. Где она, небесная синь? Так меркнет васильковое поле с наступлением сумерек, представил, вздохнув; яко бы – заросшее озеро, иначе сказать.

Чем больше вращалась Найда в его жизнь, тем незаменимее злилась. То бишь, по-иному, – подправил мысленную речь селянин, со временем все чаще и вяще виделась как часть самого. Что ж, что не бывает в миру незаменимого, мелькнуло у Парки – в целом, приблизительно так. То же, очевидно как день, в отношении его как сожителя, с ее стороны свойственно еговой хозяйке; женина словесная любовь – всякие, там разные веточки в порядке вещей: женщина, не баба-яга. Не Старостина женка... вот, вот: можна угодить как мужчине кое и когда в любовном; ночью – для чего бы и нет? Оба они, вышло не так чтоб давно искренне друг в друге нуждались;

Эта, – промелькнуло у Парки обоюдная нужность представляет собой, как бы, двуединую волю – и теперь надлежит внутреннее, силу желаний вытратить на внешнее; так... На определенные действия.

Ужотко найдем! Станется, хотя и не вдруг. Выручим поди горевальницу. А как же еще? Женина беда и его, мужнина, бо всё – пополам. Свойственное миру стяжателей никак не пример. Где уж, там делиться по правде, поровну, – хватают, себе чуть ли то не всё целиком... Да уж, так.

Хоть из-под земли добывай! Лучше бы, – явилось на ум: сразу же пуститься всугонь, берегом (за околицей – тропками), чтоб след не простыл. – Так тому и статья, – изрек, чуточку подумав; – и то.

– Скрылись – а куда потекли? акка? – вопрошал селянин, встретившись нечаянно взглядом с тещею (старуха, серпом скашивала подле колодезя, у вётел бурьян). «Дурища, – мелькнуло у зятя: стебли – хоть секи топором сей чертополох, на забор»; «Пяйваинен алла... хозя... шалмакси» – достигло ушей нечто не совсем вразумительное.

Парка: – На юг?

– Да. Там. Под солнышко поплавали, салмой, – вторила для ясности Найда, вяленько махнув рукавом в сторону избушки посельского, который (с двумя порядочных размеров язями), крадучись вернулся домой.

– Как вы говорите: проливом? протокою? Да? К Лиге, понимается так. Или же на Стрельну, к сородичам, – вещал селянин. – Гад-дина!.. Не выйдет, шалишь. Только бы нагнать, сволоту!.. Я т-тебе, наглец. Не уйдет.

«Достали до печенок, проклятые, – подумал в сених, нашед на перевернутой кадке оружие, капустный секач: – Дело ли ось так выжратися, по-штатски, по-матерному!.. Дык сорвалось. При женщинах! Куда бы ни шло: где-нибудь в рядах, на торгу... На пристани, в конце-то концов. Ай нехорошо получилось: дома! – промелькнуло в душе чуточку смущенного Парки. – Ну и допекли, немчура!.. лодочные, так понимай».

Всугонь! – заторопился крестьянин, бросившись вослед, побережьем. Только что, недавно уехали; раз так, не уйдут – но спустя некоторый час, на бегу вперся в непролазный ивняк; поздно, нипочем не догнать, – сообразил в кустарях.

7

Кто ж сволок?

Надо бы еще расспросить старосту, посельского – Немца и, быть может видал что-нибудь Прокопий, сосед – знаемо, глазастый мужик... Даже чересчур, по словам Ксении, еговой жены. Да и не мешает затем сунуться на Речку: а вдруг что-то присоветует родич, набольший семейства – Оким, косвенный свидетель того, что произошло на ключах, ибо-то живьём наблюдал кое и кого горожан... косвенный участник, ну да.

В сущности не так чтобы очень зельная потеря; двойственное. Кто не терял то или иное добро? – тщился приспокоиться сельник, возвернувшись от старосты, с пролива ни с чем, и, передохнув на крыльце тронулся в заречье, на Речку.

Только-то: изъят корабельник, – думалось как шел по тропе в сторону соседней избы. – Да уж, получается так; но. Бляшка, украшение женское!.. Не так; не совсем: дар – за боевые заслуги. Мужество и честь не пустяк, редкостны теперь на Руси... бывшей, – промелькнуло в сознании, – что, впрочем не важно, да и не последнее – верность. Токмо лишь единственный раз, помнится в руках подержал; впрямь; как не жаль? С мыслями о прошлом остались. Куды их девать? Сокол бы, наверно вписал оные в карманную книжку; в сонниках бы-от прижились.

Были, вещал укко рати мимоходом, из Нова-города на Полну-реку, также Сестрой нарицаемую, дабы вернуть долг свейским немцам за их находы на Ъжору и Водь: жгли крепости на финской земле. За море пускались, по льду, али же то сплыли в ушкуях, то бишь, получается в каторгах, какие теперь плавают вблизи городка. С русью, во главе соплеменников ходил воевать некоторый уккин прапрадед. Славу и богатство достали, отомстя вероломство, и напротив Ругодева, у Нарвы-реки щит делали, красно говоря, по-васькиному – русский запор, к немской нарови, на тех же дверях: возвели крепость Ъвань-град⁷; *нарва*, как известно любому – поперечная стяжка поверху стоячих досок, скрепа на дверном полотне.

Так что никакая не мелочь, в сути – наградная деньга. Шутка ли: награда за подвиг! С тем, что украшение: знак доблести былых поколений. Знамение славы прапрадедов – колзуи-хин дар, золоточеканный поклон ставши родовой святыней. Можно ли такое предать? «Корабелник-от Ъвана Василевича» – видится надпись, тиснутая вскрай ободка; далее: «И сына Ъвана». Верность – имение существенное даже теперь; ценится во все времена.

Вообразив женщину с детьми, у колодезей, старуху и Немцева, мужик поместил рядом тихвинца Галузу, разносчика, с которым на днях виделся в заневском градке, русича с лопатой и с коробом; рядок невзначай выплывших вблизи от Романовки, представших воображению знакомых людей чуточку спустя замыкает смутно представляемый Паркою – безликий – толмач.

«Ён?» – произвелось на уме.

Кто же-таки есть истребитель ихнего покоя и счастья?!

⁷ Основана в 1492 г., что, в общем никакая не новость.

Вряд ли похититель монеточки – торгош, коробейник. Собственно не кажется, – точно! Федька-от – едва не святой. Совестьлив, не жаден; ага. Что ему якшаться со штатскими? Гуляй – в стороне. В городе и так доплетна пискающих перьями крыс, водятся свои переводчики. Федюшко, гуляй тот же деловец, из простых, что и, предположим сапожник, – вовсе не из племени лодырей, отпетых бездельников гуляющих людей; даже попрошайки – трудящиеся, делают деньги чуть ли то не в поте лица, можно бы сказать, на жару. Так ведь получается, ну; меж песняром и гулящими громадная разница, – подумалось Парке. Но, однако для нас лучше утруждаться рыбалкою да сеять зерно, нежели тачать сапоги.

Впрочем, к неудельной гурьбе виденных в минувшем году странников, шатучих людей тихвинец, давнишня беж с родины, гуляй-сукноносец некоторым боком подходит: в общем, ни забот, ни хлопот... Птичка божия. Зачем перешел? Ну его, не наши дела... лишнее, – мелькнуло в мозгу.

Время, как мы знаем торопится. Заглянем вперед:

Происшествие у дома под соколом еще обсуждалось, обрастая подробностями, кои подчас больше походили на вымысел, как вдруг по селу стала разноситься молва, давшая немалую пищу для иных размышлений, связанных с возможною в будущем не только в деревне полною свободою слова – но, однако и тут нужного, увы не нашлось. Ни, тебе достаточных признаков, примет похитителя, досадовал Парка, ни, тем паче узнать имя негодяя захватчика в миру не далось.

«Ровно ничего не видати! – словно растворился, наглец. Сходно пропадает песок, прячется в глубокой воде», – с горечью сравнил селянин, силясь раздобыть в езернице маловразумительных толков снадобье от мук в голове. Слыхом, на прошедшей неделе, через несколько дней после посещения им, Паркою градка на торгу в кровь измордовали за что-то переводчика Стрелку, русича, бежал от своих; скрылся за рубеж, в королевство от несправой гоньбы?.. Якобы – несправой; небось что-нибудь таки натворил. Врет староста, – подумалось Вершину в кружке поселян, временно досужих. Вот-на. Глупости. Отколе узнал? – дома по неделям сидит. Некие вещали: Матвей выбежал, спасаясь от казни, заслуженной, так будем считать. С дыбы вероятно сорвался, полагает Прокоп.

Руки приложил, по словам видевших руду перелёта свеин – всеизвестный мздоимец, ликом зверовидный секирник рыночный солдат Олденгрин; тот же наблюдатель порядка, что ударил его, Вершина цевьём бердыша.

Сказывал, де оный русак, пользуясь дарованной свыше, генерал-губернатором свободою слова, битый держимордою приставом, что с неких пор в селах по всему губернаторству на местных людей, выбежавших из-под свеян чинят поголовную опись для того, чтобы их, нетчиков назад обращать. Как?? Почто?? Дескать на Москве или за морем, в столице о тех, кто перебежал от свеян будут вести переговоры. Надо же такое затеять – ярмолочный торг! Ну и ну. Что же, что какая-то часть сельников ушла до Руси? – кто-то, через те же границы перебрался к Неве. Как-то не особенно верится, что будут обменивать, но все же... а все ж... Дыму без огня не бывает. Дело ли – меняться людьми? Чай, не скот.

Вершин не бежал разговоров, даже кое-что из вещавшегося в узком кругу сельщины, досужих людей, в мыслях о дурном происшествии просил уточнить. Как-то, услышав от соседей, что на Марьином дню, также переписана Лига сызнова утратил покой. Думалось: наверное те, кто уворовал корабельник; веска, почитай – за околицею, около Стрельны. Рыскали – рукою подать, около, в какой-нибудь миле! Как бы то, оно ни сошлось.

Ён?.. Кто ж-таки польстился на оберег? Матвейка – толмач?? Вот не знал. Судя по словам вездехода, Федьки – губернаторский писарь. Тихвинец, гуляй на него, помнится рукою казал. Ён, не ён? «Тля! Клоп скакучей! – веря и не веря открытию, озлился мужик. – Вытворил прямое палачество. С другой стороны, вроде бы и сам виноват: песенку тянул, недотыканный, – а кто-то, меж тем хапнул родовой талисмант.»

(Сиречь, оказался *не в лучшем*, как теперь говорят, лукаво, непростом положении; красивая ложь).

Видимо украл писарек, он же, на поверку – толмач, – предположил селянин, – казанный в торгу перебежчиком Галузою... Так! Сыщется, раз так, по приметам: черен, борода капитонска, стриженная, сошкой – нос. Чается, найдем, в городке!.. Тот, не тот? – вслушиваясь в толки селян, соземцев и теряясь в догадках мысленно казнился помор; худшее, что сам оплошал. Ну, а что касаясь слухов, сущих по всему околотку – правда, почему б ни поверить. Не далее как лонишней осенью – и год не прошел сие проходили по избам некий писарек – гражданин, староста и давешний пристав; «Мастер на любую послугу!» – промелькнуло у Вершина, когда вспоминал;

Пристав занимался иным: «Назовись-ка ты, рыбак да оратай королевским солдатом!» – призывал мужиков. Петру, одиноца, бессемейного таки улестил, – а потом шурин в латники идти отказался. В мире несогласных прибавилось... Ага, возразил. Денег маловато назначили; как будто бы так. Больше – лучше.

Сколько же их есть, перебежчиков? И чем ни житьё? Родина – и пряник, и кнут. Нечто наподобие; но; так ведь, на поверку. Ей-ей. Главное, – подумалось: дом, печь – сердце пятистенка, большого и, вдобавок жена; незачем за Лугу нестись; отчина превыше обид. Как-нибудь потерпим захватчиков, заморских людей; право же. Зачем беготня? Жив – живи. Малое, что водится в доме, коли есть таковой, в сущности – не так-то и мало. Ну, а поглядим за рубеж: рай? Золото и прочие вещи, лучшие на взгляд обывателей – смотря для кого. Чается не больно уж сладко за границами Соколу; чего упорхал? – вкралось в размышления Парки. Вряд ли захотелось отправиться по жирный кусок; было-че, нахваливал в Красном, книгочеюшко хлеб, смешанный с древесной корою... пылью, в недород. Ох-хо-хо. Надо же додуматься, умнику: оставил, бегун чуть ли не боярский дворец!

«...Ну-ко, – рассуждал селянин, от слаби на ходу спотыкаясь кое-где за Романовкой, – послушаем дедку: грамотен, в речах не лукав. Мнение хозяина Речки, – думалось как шел, – не пустяк. Эх бы докопаться до истины!.. Да кто же содрал?» – С тем, Парка обернулся назад полюбоваться наследством, медленно спускаясь в низы, недоуменно похмыкал.

Птица, рукотворная – памятник; ну да, о себе. Скрылся, неизвестно куда!.. Впрочем, говорил о Персидах. Де она, такая страна? Може бы, сие королевство, или как там сказать, правильное-от – баснословье? Выдумка писателей книг? – предположил селянин, стукнувшись о створку ворот. Впал в ходе размышлений о брате в слишком глубокую задумчивость, за что поплатился, – но, таки ухватил чуть не ускользнувшую мысль. Нет бы усомниться в написанном, – связалась в одно прерванная нить рассуждений, – Васька (далеко не простец!) в книжную Перейду поверил. Туточки, на устьях пришло в голову ее повидать. Словом, обуяло мечтание, поддался на блазнь. Чем же то еще объяснить ставшееся? Именно так. – «Горюшко – читателям книг!» – проговорилось в душе; Парка, сожалея поохал. Истинно, – пристроилось к выводу: «Инако зачем было бы сходить со двора?»

Позже, за воротами думалось:

К тому же, как встарь братец, полагаем вступал с кем-нибудь из местных разумников, таких же как сам истовых читателей книг в длившуюся месяцы прю. Вздорили, по делу и попусту, возможно, дрались. Худо заканчивали спор! Надо полагать, зачинателем ученых бесед чаще оказывался Васька. Судя по его словопрениям с двоюродным дядей поводы для ссор добывал с помощью безвестных писцов тех же, растлевающих ум, читанных по дурости книг... Слаб выдержкою; именно так. «С чем бы то еще побороться?» – баивал, скакун, суета, бросив незаконченным дело, нужное лишь только ему. Так себе, считай – дел овец... нужное для дома, напротив дельвал вполне по-людски, что впрочем-то, само по себе, как-то – не совсем по-людски. Что выбежал? Затем, что не смог сколько-нибудь долго не ссориться? Возможно

и так; вроде бы. С другой стороны, противостоявшего Васке в спорах драчуна собеседника могло и не быть; правда что.

Почмокав губами в смутном понимании шаткости вторичного вывода, мыслитель вздохнул;

Вспомнилось куда и зачем двигается;

Вслед изошел более досадливый вздох.

Вряд ли-то, – сказалось в сознании. Житейское – вздор: люди!.. Погрыземся помиримся. Причину бегов надобно искать в сокровенном. Видимо, себя самого чем-то изобидел; ну да. Жительствова в полном довольстве, да еще без жены, которую довлеет кормить – маялся разладом в душе. До переселения – лад, после такового – разлад, – вывел в заключение Парка.

Выбежать, положим-то – выбежал, – а там, на Руси? То же; от себя не уйдешь. Без родных мест будет ли покой на душе? В общем, не сиделось – и деру, выбежал, – а как, почему – неисповедимая тайна. Подлинных причин не доведаться, – мелькнуло вдругорь с тем, как приближался ко всходцам, чуть повременив у крыльца. Также, не узнать почему держится за дом Онкудимище, отставленный поп. Звание одно, не жилище. Даже у по-сельского лучшее; ну да... Не совсем; лучшее – без печи? Ну ж нет. «Все же, хоть какая-то есть», – пробормотал селянин. Мается в такой конуре, что ее поздно разбирать на дрова!.. гниль. Мало ли кругом, за деревнею покинутых изб, – думая, повел бородой в сторону колодца мужик; праздных – своеземцы разъехались. Дома как дома. Нечего стыдиться: ничейное. Возьми и вселись.

Что ж-таки, оно происходит? – в общем, не взирая на лица, – уточнил во дворе мысленную речь селянин. Чем переселения кончатся? Возможно от них будет кроволитная брань. Господи, абы не война. Чур, чур! Не надо – лишнее. И, с тем наряду могут ли вернуть перебежчиков переговоры? Да и состоятся ли? Блажь. Бабушка надвое сказала... Двоица! опять. Вот так так; чаятельно, всё на миру – двойственное, – хмыкнул мужик; делится, само по себе... Ну, а коли все-таки будут, завершатся ничем. Всякое глаголют в миру. Должное случиться – одно, приемлемое – некий успех задуманного нами подчас, в действительности – нечто иное. Полаются, за чарочкой водки о делах, посудачат – и на том разойдутся; дескать, мол не наша печаль.

...Сходят не единственно бедные, что, в общем понятно, – в диво: изошли за рубеж уймища середних людей. С пашни окормлялись; Балда плотничал, не хуже, чем Васка; лучшие подчас выбегают! – говорили в градке. Также, кое-кто появляется (неважный пример, впрочем): Федька, вездеход – коробейник... Староста деревни... Толмач. Ровно челноки веретенные: одни – за рубеж, сельщина, в погоне за лучшим (с голоду? Возможно и так; разные бывают имущества), иные сюда. Что носятся? Убей, не прознать. Бегают, и всё, кто куды.

Столь же непонятно зачем вздумалось выпархивать Соколу, – приправил к речам, в мысленную кашу помор. Чайтельно, сей перебрался из родных палестин к городу не сам по себе, сиречь не по собственной воле; нудил переехать пример старшего из братьев; ну да; первым улетучился Птах, он же, по-крещёному Фрол, – проговорилось в мозгу среднего из Вершинных братьев с тем как, покидая крыльцо вшагивал в пределы сеней. К Выборгу подался и там будто бы, в корельской земле (финская? – и так говорят, в городе), спознавшись в рядах с некоторой знатной литвинкою пробился в купцы. Рухлядью пушною торгует. На тебе! ага, меховщик. Видели егоый корабль. Был набольшим у домничных выделок, теперь, говорят видевшие в шкурах доспел. Выскачка считаем; ну да. Ну и ну! Вот бы подивился меньшей.

...Жил в Красном, с дядею, читателем книг тронутый ученостью сын Лебеда Федорко – Жеравль, их с младшим неразъятого братства, Соколом двоюродный брат, столь же неумный читатель всяческого рода житий. Васка прирастал к заразе от кого-то из них; в среднем, получается-от... Важно ли? Скорее – от дяди.

Лебедь отличился в трудах, может быть единственно тем, что по недостатку иных сколько-нибудь стоящих навыков порою носил в Кут, железоделам еду. Сын чаще появлялся у горнов; больше помогал языком. Сей Лебедев потомок, Жеравль первым упорхнул в зарубежь.

Видимо, прочтя Околипсис⁸ предвосхитил грядущее: годка через два (три? четыре?) в третью и в четвертую домну стали забегать барсуки... Далее, с единственной книгой, а было четыре, али, кажется пять... Много! улетучился Птах, вслед – Сокол. Выехали, обще – с детьми, женками, понятно как день, да и кое-кто с батраками человек пятьдесят.

«Де же ён таки подевался? – прозвучало затем в недрах стариковской избы: – Ук-ко! Ук-ук!» – в неверии, что тесть отзовется вяленько покликнул крестьянин, выбираясь долой.

Оба записались в нетчики, – мелькнуло в мозгу: вслед за корабельником – сей. Больно уж, того, чересчур; этого еще не хватало! Сыщем, усмехнулся пришлец, вскидывая взор на хлевок. В естях, не прикупился к нетчикам, похоже на то. Кажется, сгребает назем... будто бы. Да, именно так. Хочет на Обуховой пустоши землю поднять.

– Ба! гостюшко! Явился помочь?

– Здра-авия! Изыди, Оким... Неа. Поглаголати, ук. Трудишься? устал? Отдохни. Годь мало, на часовинку дельничать – успеешь, с говном.

Кто именно унес корабельник *гостюшко* и тут не узнал. (Сказанное – сушая правда. Это, при известном условии, скажись наяву, мог бы подтвердить усомнившимся и сам потерпевший. Сколько продолжалась беседа нипочем не доведаться, поскольку прошло чуть ли не четыреста лет; ведомо, что сельник без надобности лгать не любил).

«Втуне протаскавшись к сородичу, – мелькнуло в душе Парки на обратном пути: – Труженик, умеет читать – грамотен, а в целом – не наш; токмо для себя – молодец. Ровно ничего не сказал по существу, грамотей... Али же не смог уловить главное за множеством слов? Мусорные, больше итак!»

8

Был день, склоняющийся к раннему вечеру. Пожалуй, идти!.. Как там, в поле? Да и по-за трактом, в лесу требуется нечто свершить.

В мыслях о дальнейшем крестьянин обогнул озерцо, вышел к заболотной тропе. Вон прячется в кустах Дубовица, слева, по незримой с низов, тянущейся к дебрям дуге речку обступили домки. Прежде, до захвата земель свеями сия деревенька, Телтино была многолюдною, не то, что теперь: только и всего поселян: Обернибес Николаичев, по слухам – литвин, да много-летний старик отставленный от служб Онкудимище, с приемным Юрейкой – пристал на морозное поветрие, да кое-когда встретишь одичалых котов. Отрок, иереев приёмыш промышляет рыбалкою, а поп огородничает. Было, когда ржицы, али даже – на праздник творогу, мяска принесешь на полуживое подворье; почему бы и нет – людям и себе самому, сельщине с коровой и лошадьё во нрав, хорошо.

Ветхонький домик Онкудимища, который вот-вот явится у нарвского тракта под вечер похож на вертеп околоторожных разбойников, – сравнил пешеход: стража заповедной земле! – кажется, особенно под вечер с дороги зловещим; разве что какой-нибудь шестник запоздалый, храбрец переночевати зайдет... Как там, за неделю отсутствия: созрела ли ярь, главная кормилица – рожь?

Что это: да где он, борок? Вырублен, у самого тракта, но таки не исчез, договорилось в мозгу, с тем как мимолетно порыскавший туда и сюда, чуточку встревоженный взгляд выхватил подсказчику ель. Воноко; сосновый подрост. Рядышком, в полете стрелы. Дале, на таком же примерно, небольшом отстоянии проходит большак, нынче, по-новому: тракт – тянет в направлении Нарвы, к павечерью, то бишь на запад: оному початок у церкви Спас Преображение, в Песку. Там же перевоз в Неенштат; с милую отстояние дак.

⁸ Правильно: «Апокалипсис». Труд Иоанна Богослова, содержащий пророчества о неизбежном конце мира, созданный в раннюю пору христианства.

Вершин обращает глаза в сторону поповской избы: «Эво избекрылась! Хх. Валится... Для робких – зловещ; дом как дом: с печью, – промелькнуло в душе. – Надо бы, пока не упал в некоторый день – подпереть. Так же, помаленечку, вниз клонится в Песках, у Невы церковь, заколоченный храм».

Около избы чернолесье: ольхи, попережку с окрепшим за лето подростом осин, подле, закрывая окно – купы бузиновых кустов. Далее, нетронутый – бор. Издали посмотришь: домик старца отставного попа чуть ли не по крышу зарос. Это бы еще ничего, – ниже стариковской избы ольхи кое-где – во дворах.

Помётная считай деревенька, брошенная. Ох-хо-хо-хо. Заросли-замуравели приморские веси так, что позади, например той же Телтеницы, рекут, в прошлом (в позапрошлом?) году в речке поселились бобры! Нате вам... Преследуя вепря, староста набрел на плотину и хотел пожить, но не тут-то и было: якобы, со слов Онкудимища изведаль отпор от пасынка – и вслед, по своей черной, завистливой природе, злобствуя подпруду сломал. И бобры, после совершения им этого злодеяния ушли, как сходят разоренные люди.

Спрятались от глаз, не видны не только с довоенных времен сущие околь деревеньки, – думал, оказавшись в бору: под чертополохом подчас – одаль – не видать большаков! Даже кое-где зарастают, говорил вездеход Федька вековые пути, торные дороги-те, в прошлом – тракты из Корелии к Нову-городу, но этот большак все еще весьма оживлен: реденько, а все же снуют, аки в старину ездоки, думалось, как вышел на тракт. Всякие; подчас, говорят мимо стариковской избы, слепенький – протащится лирник, видели гурьбу скоморохов... Нищие... Порою, пройдет полчище наемных вояк. Далее Тентулы, на запад, в сторону Копорья и Нарвы (свейские – не часто, на Дудорове): финские избы, кое-где, на песках по сторонам большака есть постоянные дворы. Вон крөг, кружало сборщика таможенных пошлин Крига, в коем дозволяется бражничать с утра до утра, званием Червлёный Кабак, он же, по-инакову: Красный, там же, при дороге корчма, тот же, понимаем: кабак – новый, говорят на деревне; «Странно!» – шевельнулось в мозгу.

За траториями, к Нарве – кавгалые, сказал бы Оким, дальные поселки у взморья местного ижоры Автосева и горстка иных, чуточку правее, к губе, полуразоренная – Стрельна.

Так же безотрадно и тут, – воображая на миг жалкое попово пристанище подумал крестьянин перейдя через тракт: – Бор кончился; правее пути – крөг, закамышелый кустарь, еле различимая – топь. Дале, за Червивым болотом труднопроходимая корба, вставленная в черную грязь; остров небольшой высоты. Темно-голубая стена взрослых на особицу елей, починаясь вблизи гложущего ныне распутья, Росстаней (избушка стоит все еще, пустая, рядом) тянется на южный восток. В сутеми елового леса издавна, по слухам живет, кормится поганками нежить: высохлые (как понимай? снечи – предостаточно)... дивья, леших доплна, кое-где шастают искатели кладов – некие не люди, не звери, одаль, в заболотьях – кикиморы, понятная вещь: прячется, на спячку ведмидь... В южной стороне – подосинники; вестимое, так. С голоду – грибы как грибы.

В пакостное это урочище, глаголет молва были в позапрошлом году трое стариков иже-рян, с некою (неведомо) ношею, – припомнил мужик. Хаживали, дескать туды ублаготворяти лесных данием поминок – даров, то есть приносили поклон. Правда ли, оно али вымысел – осталось гадать; двойственная правда итак. Простительно, пожалуй... эге ж; как, – проговорилось в душе, вскользь, – на посиделках не врать? Мелочи; куда поважнее басен: помогло али нет дание поминок, даров!..

Тракт; За большаком клонящееся к западу солнце; Над заболотьем, синеватая – мга. Вершин, обозрев окружение, опускаясь в низок, тропкою, слегка призадумался: идти, не идти?

Где ж мета, у которой надясь выбрался, обутым на тракт? Кстати, не мешало бы вызнать что это решил задержаться около, повыше кустарника вон тот человек.

Судя по котомке и посоху в руке – богомолец. В общем ничего подозрительного, кажется нет. Воноко еще пилигрин. Этот, молодой, в камилавке – шапочка такая, носили в раньшие годки поджидает старца, своего сотоварища, который отстал. Точно, – успокоился Вершин, покидая большак; в среднем, получается: два сорокалетних мужчины (двоица, опять двадцать пять!) Ладно уж, терпимо – не двойственность, – явилось на ум. Оба пешехода – паломники, и тот и другой. Редкая весьма, вымирающая ныне порода шестников – калик перехожих, но, однако, поднесь можно повстречать таковых. Чаше, говорили третьёводни, под час посиделок ходят по эстляндскому тракту, нежели в корельской стране.

Корба, за болотом растет, ширится, узрел селянин с тем как, отойдя от обочинных кустов лозняка, тропкою вбирался в низы; «Сосенок – раз, два, и обчелся», – вскользь проговорилось в мозгу; тянется, по кочкам следок; оный кое-где пропадает – и тогда на пути через проходимую хлябь к острову, сухому ведет череда сломленных в минувший четверг, все еще зеленых ветвей.

Сказывали, где-то у леса, рядом или, может в самой корбе, в ельниках недавно исчез некто иноземный купец. Сунулся, по пьяному делу – и прощай. Утонул? Бесы, говорят заманили. Силою... Эге ж: по-людски... Воем, в неимении воинов с мечами, солдат. Или же, купцу померещились в болотине талеры, мешок серебра. Не исключено и такое; почему бы и нет? Жаль, что не проверишь догадку. Помнится, Прокоп утверждал, клятвенно, раздумав креститься (дескать заболела рука), что на острове – за осинником, южнее, где он, врушка видел, на рассвете шишиг, якобы имеется клад. – «Взял бы, пустомеля и выкопал», – мелькнуло вдогон;

Ужасов порою наслушаешься, – думалось Парке. Разных, поелику народ веси разнороден; ага; то бишь, одинаковых нет. Чаше о хозяевах корбы носится худая молва. Что уж говорить о проезжих, коли в заболотной трущобе, слыхом пропадают свои! Как-то, по словам своеземцев той же деревеньки Автоевой за трактом, в лесу канула, ушед по грибы двоица крестьян русаков.

Долгое время он, Парка не заглядывал в сутемь, позже, заотважась вошел. В одночасье кое-что из молвы, связанной с пропажами сельских жителей вполне подтвердилось, даром, что дикихвинных нежитей, шишиг не видал.

Суть в том, что в заостровье, незримый за многосаженными, потолше купцов елями стоит березняк, с коего в безбрежную даль непроходимых болот ящеркой змеится гряда, рекомая чухонцами Коврой; сельга, поясняет Оким. Так себе – гряда; поясок, тянущийся в топь, на версту. Эта, неширокая сельга вадила-звала на восток. В Русь. Ну и, сообразно сему где-то за Гавриловой сележкой – Луга, рубеж. Худо ли, оно – затаиться в дебрях перед тем, как бежать? Мыслимо, суюдоу снялись, – предположил селянин, думая о тех кто исчез.

Осенью он, Парка вырубил на сельге деревья, вытербил нижний кустарь, долгие стволыны посек, выжег всё это, позднее – вспахал... Днесь выпала работа серпу. Справимся ужо, не впервой.

«Слышь, робь: Юрейко-то, попович в лесу ноги костяные видал, человеческие; подле – кафтан, выговорил как-то в кругу сельщины; «Воистину так. Человеческий, Прокоп, не собачий» – молвил для ушей гончара (оный не поверил, сосед). Чаятельно, бесы подвергли, противу охоты веселью: воем заманив, пояснил в дебрь – защекотали, до смерти. Далее накинулись вороны, обьев добела».

Извод его, нелепу возьми, Парку, молвили крестясь мужики; скотское поди-ко надьбал отрок, не людское костьё, – с тем, неустрашимые одаль, проверять не спешили – знается, никто не ходил в сторону гряды, за большак. С пользою брехати не грех.

...Зачавкало, почуялась вонь; кончился бродучий следок. Далее, заметно подсохшая пошла ручьевина с редкими клочками кустов. Бывшее досель одесную – справа, предзакатное

солнце стало поворачивать к западу, отметил мужик, и теперь некое подобие тени, образуемой телом, вытянувшись по-за ручей кажется направление в дебрь.

Чу – пение! На тракте?.. вдругорь? Вылетит какой-нибудь злыдарь, гадина с лицом добряка – и всё, и пропадай, ни за шлант...

Сельник, замерев уловил робкий шепоток рогозы.

Кончилось?

В безмолвии квякнуло;

«Тишь? Бесы-те?»

С провалом ноги, вымочив штанину взлетел пахнувший болотом пузырь. В елях, за ручьем – тишина. Чуждых, с подвыванием звуков не было, как в прошлый приход, паки же – спокойя в сердцах, полного, чуть-чуть постояв думал, набираясь отваги перед тем как идти в сумрачную чашу не случилось.

«Здра-авия вам, лешее дивье!» – крикнул в худоватый подлесок – и затем, без сапог, которые у самой протоки, саженья в десяти заблаговременно снял, храбро устремился в ручей.

Вот берег; позади, за спиною, чуял, подымаясь от грязи, черной, как везде на болотинах, смердят пузыри.

10

Сушь! твердь!

За гниловодьем – иголье, падшее с еловых суков. Свет, смеркшийся под пологом леса кажется наполненным призраками, точно идешь в некотором сказочном царствии, порою обманчив, – подивился мужик. – Тут корень, там, неразличимая в папороти хрястнет валежина... Трухлявые пни. Где-то за шишижьим гнездилищем рыдает загоска, даром, что пора кукования давно отошла; «Противоречивое, спорит», – пронеслось на уме.

Вот, словно поперхнувшись козявкою кликуша примолкла; продолжает вещать. Долго! – пробираясь чащобою отметил ходец, слушая кукушечий зык. О, да не одна – переключка; подлинно. Вступила вторая... Двоица, опять же... Да пусть.

Сызнава окрест тишина. Что-то за спиною, во тьме чащи продолжительно скрипнуло, быть может обвис ранее надломленный сук. Робко щебетнула пичуга. Из-под ноги прынул, испугавши косач. Тетерев!..

«Иде же валун?? Около; куды ему деться? Вот-ка он, чуть в стороне – выискался идолокамень, саженья в десяти. Знаемо; видали, не раз. Он де затаился, подмошник», – встроилось в сознание Вершина, когда углядел в порослях искомый горбок, виденный минушею осенью, и то не весьма выпуклым, единственный раз. Глыбища поболее той, что расположилась на Мойке... у еза... подле омутка с водяным.

В светлое время дня этот исполинских размеров камень, почитаемый нежитями иссинябур, в темь-сумрак представляется черным; невдали – полукруг: вкопанные кем-то из местных жителей чухонцев шесты... Легкий смрад... Поверху еловых жердин с клочьями отставшей коры виснет, распадаясь на части-половинки от сырости гнилое тряпье.

Тишь, полная – вблизи, по кустам ни наималейшего шороха, – отметил ходец, в следующий миг ощутив нечто наподобие страха.

«Да уж: ну и ну толстопуз!.. Так себе; не так, чтобы очень; право... А, с другой стороны – больше позаречного камня; вдвое», – сопоставил мужик, встав неподалёку от глыбы, не спеша к валуну.

Если бы позадь оказался некоторый путник с дороги, мнимый очевидец того, что происходило в лесу подле валуна в лишаях он бы, наблюдая за Паркою решил, что пред ним вытесанный из древостойны чудской истукан; выглядело именно так. Встал, как говорится столбом.

Время не стояло на месте:

Вот сельник, продолжая разглядывать единственный раз виденное им, да и то к вечеру, шагов с тридцати капище⁹, смурной, повздыхал, вспомнив старичье ижерян; («Вернулись», – промелькнуло в мозгу). Трогаем, – решил: вперед! Как-нибудь.

Шажочек, другой... «Что эт-то? Никак подвернул ногу-ту... свою... Ааа! кость», – сообразил селянин, вскрикнув на четвертом; да, так – чуялось, к биению сердца, слабенький, призывулся хруст.

Вглядываясь в кривший поляну папоротник, Вершин пригнулся: боже, пустая голова! Череп!.. да, к тому ж человеческий, – промелькнуло у Парки, не видевшего в призрачной сутеме козлиных рогов; так бы, на свету не вскричал.

«Оссподи, помилуй! Вдвойне, думается нам согрешил;

С отчаяния к бесам прилез; что же то сие в самом дале, как не ихинный храм? Святилище, ага... Невзначай мертвую главу раздавил. Худо!.. не совсем хорошо». Дважды, получается: вор; именно. Кругом виноват... Дык наполовину, отчасти; оберег пропал – и пошло, под горочку, одно за другим. Ну и получай по заслуге. Дважды провинился; и тут, натекошь, в медвежьем углу. Господи, повсюду – плати!.. Впервые, неизвестно за что, невинный получил по хребту подле омутка с водным. Жердиною досталось; эге ж.

Найде норовим угодить, так бы ни за что не прилез. – Длани его рук, чуялось крестьянину взмокли, слух, от тишины обострившийся, отметил мужик с некоторой долею страха, вглядываясь в темь уловил несшиеся где-то над елями от бесных жилищ тонкие, вразброд голоса; «Мучайся теперь, на распутьях, – подержал в голове: – Стоит ли? – подумал, вздохнув. – Или возложить, наконец? Надо и нельзя; пополам... двойственность... Всё то же, всё то же! Спробуем? А вдруг повезет. Акка говорила: они, бесы-те – отродья нечистого, не так, чтобы очень чистые (а что на миру чистое совсем-пресовсем?)... бесы-те, что те же собаки; могут, ублаженные взятою на след навести. Примут на съедение дар – сыщется, так будем считать. Акка, ворожея права, потатчица; добром за добро нежитям явился платить – по совести, не то, что иной платит за добро по-людски... Справятся; и, с тем наряду, видимо нельзя исключать полностью, что сил не достанет. Череп сапогом проломить, скажем для сравнения – проще. Скушают – вернется корап. Есть же то, в конце-то концов полная, для всех справедливость. Поровну разделим успех, по-честному... Да как вам сказать: ежели как надо сработают заказ, не за так, все-таки-то – слава не им, – оная пойдет на верха, к Господу Иисусу Христу, надомевшему так рассудить. Ладно уж. И так нагрешил...»

Боязно? Не так чтобы очень; робкого десятка жилец в эдакую глушь не зайдет. – Вершин, продолжая стоять на половине пути от черного как поздняя ночь в медленно густеющем свете идола крестьян староверов, настроенный по сути на подвиг обернулся назад, вообразив на мгновение, что возле шестов кто-то произнес: «Приступай!»

«Что ж, почнем! Ан не для того же прилез, чтобы до утра колебаться, – пронеслось на уме. – Ну-ко выбирайся помочь, лодырь, захребетник... ага. Пристроившись, удобно».

– Ишш ты. Будет, поработай чуть-чуть, – молвя, усмехнулся мужик.

Сняв со спины короб (лыко, а порядочно тянет!.. едево), крестьянин извлек из пестеря посильную дань, тощего как смерть кочетка; «Не жадные, достанет на всех; не каждому – чем больше, тем лучше. Лучшее, поскольку не много едева: сожрут – не подавятся... немного не так: в меру – не совсем по-людски».

Но, да захотят ли принять? Предаваемый съеданию кур – синь... заклеванного выбрал; эге ж; сходное: страдатель за правду старец Ларион, в городке, жаждущий управы на власть, закрывшую молитвенный храм... На ногу слегка припадал... кур; петел жертвенный. К тому ж кое-как наспех, неумело общипан – действовал на заднем дворе за кладбищем негодной посуды – битая, тайком от жены. Главное, чем петька хорош: заклан вовремя; ровнехонько в

⁹ По лексикону Берынды, 1627 г. «капище: Поганская церковь».

полночь. Акка подсказала, не сам. Средненькое, в общем достоинство, не так чтобы очень. Как бы то еще, полусонный, с хлопотами соль ни забыл!.. Тут; в естях, разумеется; но. Загоди в карман положил, новый совершенно, без дыр.

Думая о том, что впотьмах внешность не имеет значения, мужик подступил к месту жертвоприношения ближе, обернулся к шестам и, поколебавшись чуть-чуть возложил дар за будущий успех предприятия на идоло-камень:

– Натё-ко вам. Едево, есть. Со-ольки... Без такого – не есть. Пожалуйте к столу, господа. – «Не вероотступник ли есть? Нету», – промелькнуло в душе. – Разве только самую малость: тушку, да и то кое-как подобием креста осенил. Кушайте, – звучало в тиши.

«Грех, – договорилось в сознании, когда отступил, – нашивать греческой веры человеку дары, кланяться идолу нежитей, но, с тем наряду веры ни на чуть не убавилось, так будем считать. Вдосталь нагрешил – троекратно!.. Ради безутешной супружницы – Всевышний простит. (Кто-то говорил, на Неве: можно что угодно оправдывать, идя к своему). Чаем, возвратится-таки оберег, пропавший корабль... Дай Бог!.. Получится? И ты помогай чем-нибудь, по-своему, наш... иже еси на небеси. Оба, получается так... Ихнинный – похуже; ну да».

С тем – прочь, остерегательно пятясь.

«В горочку!»

11

Да где же исход?! Там, неподалеку от жертвенного идоло-камни чудских, на свету в мыслях путался, теперя – в суках... Те! Галятя, бесовское племя! Скушали небось, целиком (без головы), с потрохами, да и ну шаловать. С жиру, еже есть, понимай, по-человечески бесятся, – мелькнуло в мозгу. Это, по-людски – благодарность? Даже по лесам, попопалдь штата не найдешь правоты. (Как не посочувствовать Парке – в нынешнее время получше с положением прав живого человека на лучшее, в дремучем лесу: можно услышать голоса некоторых правозащитников, имей коробок с песнями седой старины). – Водят, – промелькнуло у Парки по горам, по долам где-то невдали от пригорка, знакомого, подле опушки то туда, то сюда!.. Гм.

«В-висельники!.. Ч-чёрт подери! глаз выколешь в такой темнотище», – осерчал селянин – и, через пяток сажений, тотчас же открылся просвет.

Выдрались! Подлесок; ну да. Жив, стало быть... Похоже на то.

Вершин облегченно вздохнул, выйдя на опушку отер вымокший, в царапинах лоб.

Виделось: Правее – болотце, маленькое, можно пройти около, вблизи камышей, в горочку – пошел березняк; далее, на версты идет сплошь непроходимая топь. «Выбрались. Видом: предполье. Сжаловались, вывели-от... бесы», – проворчал селянин;

Камни, на ручье... Сухостоина. Левее – бугор. Важная примета! За ним, сразу же – начало гряды, определился мужик; в дальности, казалось крестьянину коровьего мыка.

Наскоро, шагая от зарослей в прямом направлении, закончив обзор сельщина, опушкою леса приспустился к ручью, преодолел буерак; взяв несколько правее оврага повернул к седловине. Скат; чуточку повыше отлога, узенькою лентой – песок;

Миновав около брусничника дуб, Вершин, сокращая дорогу пробежал сухостой, переместился в низы, чуть не заблудившись в долу, медленно пошел на подъем; вот, перескочив неизвестную досель водомоину забрался в кустарь и затем вышагал, почти наугад, к еле различимой стезе. Кажется, на верном пути!

«Ночь, не ночь?.. Светленько... Неполный простор. Сельга – в рукотворном раздолье», – промелькнуло в мозгу с тем как поглядел на восток, вообразив на гряде копны подсыхающей ржи. Ночь – так себе, – явилось на ум: ни в штате базарянин-купец, ни дома полноправный оранж; более похоже на день. Ладно уж; немало и так: видь нравится, сама по себе. Ну и, разумеется хлеб радует, видомый заочно, в мыслях, тем не менее – свой. Станется, добудем; а то.

Земь! Ковра! сельга, – ликовал хлебороб, шествуя уверенной поступью к началу гряды. Гарь! Полюшко!.. не так чтобы очень, с толком, по-немецки возделанное;

Во комаров: тучами, – подумал орарь, следуя знакомою тропкой в койвисто – в березовый лес. – Да уж, так; стоит лишь в каком-то движении немного замедлиться, особенно под вечер... но, впрочем всегда, и в солнечную пору-ту, летнюю – обсели... сожрут. Сходное, в деревне: собаки: не могут не кусаться... ну да; чуть ли не совсем: по-людски; свойственное миру животных. Лаются, чем дальше, тем больше, войны затевают; эге ж: об руку – и сила, и слабость; двойственное!.. Вроде бы, так.

Одаль, впереди – над болотиною блёкая синь, около – темнеют побеги, молодые, у пней; смуглы потому что, нетронутый – лесок затемнил, застит распростертый над елями, откуда пришел гаснущий все больше и больше, – рассудил на ходу, в сутеми, – остаточный свет; как бы – живота человечья, – сопоставил мужик. Далее, на вспаханной гари, черные (к чему дожигать?) зубья – обгорелые пни.

Как-то в прошлогодней траве нашед берестяной туесок с полуистлевшими слипухами грязных листков. Если бы, допустим кленовых, так об чем разговор: вытряхнул, и делу конец, тут же, оказалось: бумажные, – припомнил мужик, выйдя низовиной к землянке. Видимо, листки потерял Васька – Сокол, уезжая на Русь. Простительно: живой человек. По-своему забавился; ну. Что же из того, что братеник (плотничал, однако!) – читатель, да и, также – писатель? Васька, при своей увлеченности чтением книг тоже из породы людей.

Оные листки, не кленовые, скорее всего выпали из книжечек сонников, – мелькнуло в душе. – По-видимому (не непременно) листвие – братеников след. Попервоначалу, беглец, правился еловой чащобиною, там – на бугор... Далее – по нашей косе.

Проночевав, сельник подымается вверх.

Крутоват склон, ветристо на Гавриловой сельге!

К полночи, за трактом – градок, вообразил селянин, к южному востоку, на полдень – многоверстная топь.

Смятая онóмнись дождем, рожь на полполета стрелы в западную сторону вызрела, почти поднялась, ниже, у воды – зелена; вроде бы... Да нет, не совсем – больше половины считай (больше – хуже)... пятнами; вон там соловая – обочь недозревши обилье, ржица – желтоватого колеру, отметил мужик, да и полегла основательнее. Пусть полежит. К полудню, считаем подымется в тепле, на ветру. Нижнее, зеленку над берегом, у самой воды, мыслится сожнем поопосле, так через недельку, другую, – рассудил хлебороб. Незачем особенно сетовать на то, что послал Боженьке Бывало, сгниет... Рожь как рожь. Главное, цела. Коробейник баивал: в корельском краю дескать, по низам кое-где колосовые – овес, рожь, да и наверно ячмень, полба (еже только ее, эту разновидность пшеницы где-нибудь в Корелии сеют) – вымерзли... Пропало обилье. Летом!.. На початку иулия, вещал. Ну и ну.

Ррожь! Нива!.. Не чужое, – своя; собственная-от. Не украл, – выстрадавши, хлебную данницу в потах, многотрудную – хребтом заработал. Вот-ка он; есть урожай! цел, – проговорилось в душе забравшегося вверх очевидца и, единовременно в теле зрителя, набравшемся за ночь требующих выхода сил.

Надо же: красиво, и шкода: в море колосющейся ржи, колеблемой шолоником (ветер, дующий с Шелони, от Новгорода, знал хлебороб) – синие цветы васильки, – виделось крестьянину, – лён, отголубевший немного ранее, местами – овсюг; «Эк-ко!.. Дармоеды пристроились; но. Тут как тут; нахлебнички», – подумал орарь, исследуя наветренный склон;

Южный. Уточняем для тех, кто будучи на устьях проездом ни сельги, ни тем более нивы, поскольку заросла не видал.

«Русь!.. Та же совершенно. И встарь с южной стороны повевало. И с полночи, так будем считать. Ровно ничего не меняется с тех пор как пришли свеины-те. Во чудеса!.. Ровно никаких изменений? То же, да не так чтобы очень. В естях кое в чем перемены. Просто и легко. На виду

истина-та, в чем состоят оные... Видать – в голове: одаль, за болотом градок, полный чужеродных людей. Сложно, а, с другой стороны явность, не видома одаль, новое – доступна уму; двойственное, так понимай... тройственное, бо Нееншан, коего к великому счастью нашему отсель не видать, временно незримый – ничто. Да уж, так.

Отчины!.. Простор, тишина. Тёпленько, вернее сказать с холоду нисколь не трясет; зябко, да не так, чтобы очень. – С тем, обозреватель полуденного склона поёжился. – Продолжим обход нивушки, – подумал орать, медленно-премедленно двигаясь на южный восток. – Ладненько! А что впереди?»

Справа, на подветренном скате, виделось – южнее гостинца, тракта, забиравшего чуть севернее острова к Ньюну, – отметил скользком, походя крестьянин стоял тот же, что и в раннее время, вековой березняк.

Русь!..

Кто-то за Невою-рекой, в штате-от – в чужом городе рассказывает: Инкерманлянтя, – неслось на уме:

Даль светло-голубая, с растаивающею в позаостровьях белёсоватиною... Дымка; эге ж. Небо, синее... Цветы васильки. Уймище! Такой же окраски глазки, женины, – сказал про себя, шествуя по гребню косы, вновь не торопясь оглядев призрачную даль, окоём.

Чудасия, сказал бы случись обок, наблюдательный, брат: море васильковых очей! – вскользь проговорилось в душе: – Вот именно: мудрец. Каково? У-уу выдумщик! «А-а; краснотай», – молвил на каком-то шагу, не сообразив по своей (кажущейся, впрочем супруге и некоторой части селян, неведомо каких) простоте, что, по существу изобрел это краснословие сам.

Полюшко! Подсохнет в колосьях, в жите – возбудятся кузнечики, – явилось на ум. Рано... Да никак почалось – вот-ка он, первой изок!.. встал. Добро утро! Легко на помине, ага. Снова застрекочет-запрыгает, бездельник. Потом; к полудню поближе. Вот, вот... именно. Изки верещат позже, в разогретом жнитве – радуются жизни своей, – вскользь вообразил селянин, пробуя сломать каблуком зубообразный торчок подле обгорелого пня. – Можно позавидовать... Ну. Тварь божья. Ни забот, ни хлопот. Есть – есть, питается. Чего же еще? Прыгает, в свое удовольствие, да ровно гуляй, тихвинец напевки поет. Люди, с голодухи, на устьях медленнее, знаемо скачут.

В общем-то, внизу и сверху с житом вполне благополучно, – а чего же вон там? «Вечно-то у нас – по-людски: ежели не врем, всё одно где-то, по-иному обманем; равенство... бесовское-от. Как бы; приблизительно так. Сходное и тут, на косе: только-только вздумал порадоваться виду – брехня; то бишь, по низам – у воды, лучше выражаясь: не то. Ну-ка испроверим, немедленно», – придумал орать, медленно спускаясь в низы.

12

Вепрь! Точно, убедился мужик.

В дальнем краю поля, чернотой – свинороина... О, ч-чёрт!.. и еще. Рожь поистолочена, взбита. Вонде, сажень в десяти, справа от калечных берез, нетронутых – рубеж, под горою – виснут кое-где в зеленях вырванные с корнем пучки... Вытоптал, собака – и в лес.

Во злодырь! Целую неделю трудов скурвило, не меньше... ахти! Ладно б (не особенно впрочем): Зорька-та, корова слизала языком, не беда, – ухнуло под хвост кабану. Жаль.

Кажется, что всё это было (небыль?), – пронеслось на уме склонного впадать в размышления о жизни оратая, на вид простеца с тем как приспустился к низам: – поле, ощущение холода, цветы васильки... Облако. И даже – разбой, вытворенный у разнотравья, около берез клыкачом. Яко бы пошло повторяться. Ну и ну чудеса! Ей-право. Это ж как понимать? Что это: следы сновидений? Полусон-полуявь; сон разума, похоже на то. Кажется, что было; ну да: види-

мое разумом – блазнь. Ну и пироги в решете! Нивушка и все, что кругом, зримое – давнишняя быть? Нечто наподобие будущего? Прошлого? Хм... Заблудишься, постольку поскольку разные, считай времена. Не было? Да как вам сказать!.. Что ж-же то сие, переключка будущего с небылью значит?!..

«Можно, при желании думати (нисколь не влечет): в некоторой степени сам – прошлое, хотя и живой... вроде бы, – мелькнуло в душе: Надо же такому втемяшиться!.. почто привнеслось? Як сицево, такое, что ум воспринимает в дубьё сельнику, простому понять? Странное – на каждом шагу: кажется, что грива ось там, около землянки, где шире вдвое: голова, без волос, выстриженных наполовину... Вовремя поставлен предел вырубкам все дальше вперед, к вящему; хватает земли. В меру; ограничил потребность. Незачем давиться, по жадности; немало и так.

Дело ли – глаза не продрав толком, поутру – задавать эстолько работы мозгам? Не было, и пусть... Недоспал? Или, в тихоте – переспал? Все-таки-то: як понимай сице наваждение? Гм. – Сельник, напряженно раздумывая тронул висок. С лихом набралось чаровства. Бесы напустили? Да нет... вроде бы. Хоть як понимай; путанное всё, на миру!

Видимо, сие ощущение в прошлом небывалой бывалости (что странно звучит... важно ли?) когда-то и было где-нибудь в каком-нибудь прошлом, на Великой Руси, но не в королевстве, как тут, в ком-то из крестьян, деревенцев и, предположительно будет сказываться в ком-то другом. (В полную страду? На косе?!...) Как бы, при таком рассуждении вперед ни залезть, в будущие жители края. Голову пощупать – как раз: бред!.. Впрочем, любопытная мысль. От бы то, ее приспособить к надобному в жизни труду! Всякое бывает; авось, как-нибудь еще народимся, дважды, или, может быть, трижды... Ой ли то – чем больше, тем лучше. Стоит ли? Что лучше, что хуже в будущем – отдельный вопрос. Эх бы поглаголати с Васьюкою, читателем книг! Можно бы. И, разом – неможно: выбежал... К тому ж, недосуг».

Зверь. Кат, палач. Той же нападатель, ворюга, чтоб ему пропасти налетчик! – сопоставил помор вепря и того, кто унес оберег, когда подступал к виденному издали.

Хлеб – та же, понимай живота, – проговорилось у Парки. С помощью братеника проще, но за неимением оно сие кое-как можно поместить в голове. Грамотен, поэтому проще – Лебедевы книги читал. Нетути пообочь, так сам... Неук, да еще и, к тому ж трудности не любим; ага. Умное не просто дается... Чисто по-людски – молодец; да уж.

Человек, селянин в сущности является тем, – произвелось на уме, что ему дано, для семьи, рода своего совершити ценен рукотворно вещественным, говаривал брат. Песельники да скоморохи, больше половины – не то: меньше, рассудил селянин, медленно, в настрое ума, требующем сосредоточенности следуя в дол, к месту происшествия.

Рожь, мать-кормилица, – подумал, вздохнув тако же, как лапти, порты, книжки – всякие, мерёжи, дома тож – человеческая жизнь. Ясно, не в прямом понимании, но, как бы: отродье... Перевоплощенная плоть. В общем, приблизительно так.

Сколько положено трудов!.. Уйма. И теперь – наяву кажется!.. осталось признать: лопнула неделя; тью-тью; вычиталась, ровно медяк с прибыли, в торговом ряду, али же карманник стащил.

Тоже хорошо; не своя. Бог дал Бог, как говорится и взял... парюю кабаньих клыков. Дни – кроха человеческой жизни; малое; о чем тут жалеть? «Мелочь, но таки неприятно, – призадумался жнец: – Яко бы, так скажем: скончались. Как-то не особенно полюби, да хоть бы и день чувствовать себя мертвецом. Задумаешься тут!.. на часец. Но, да и такое не важно. Дикий кабан, выкравший неделю из жизни (собственной – не так-то и мало) в людях, на миру – полбеды... осьмушка наберется едва ль... с четверть. Можно ли прожить человеку не имея потерь? Всякие бывают... и здесь. Общая потеря чего-то, в сущности большое ничто. Да и со своею потерей, собственной можно смириться. Хуже потолки обилья – горюшко супружницы; но. Приняли, ай нет петушка? Тощ, – вообразил на мгновенье жертвенного петела, – синь... С тем,

высокомерный гордец – собинно, в сторонке гулял. (Сходное в миру: самобытность – розни петушиной сродни). Так себе; петух как петух. Только-то и ценного в нем: заклан вовремя, ровнехонько в полночь; как же. И еще хорошо: сам – без головы – побежал. Странно получилось!.. как так? – Вершин, озадаченный гмыкнул. – К жертвенному камню пустился, как бы, у ворот передумав. Чем передумывал – неясно; мелочь. Да не все ли равно? – скажем, сгоряча удружил».

Чувствуя, что так говорить, даже про себя не годится потому как грешно, Парка недовольно поморщился, поймал на ходу, подле свинороин лягушку, выпустил хохоток и, позабыв о раскаянии тронулся вверх.

«Чаем, наведут на обидчика, – подумал вверху: – Тощ? Важно ли? Поклон как поклон!.. В сумерках – умеренно синий».

Кто же-таки все же содрал: некий переводчик? гуляй? писарь? – промелькнуло у Парки чуть ли не в пятнадцатый раз. – Впрочем, сукноносец не мог. Сам, дурья голова пострадавши. К свейнам забрался, колпак!

Вспомнив злключения тихвинца помор усмехнулся. – В бранники едва не попал... в пешие. Сумел отвертеться. Дескать побывал, на коне, воином, в литовскую брань чуть ли не у самых европ; где-то у Смоленска велась. Накушался де, воин, а тут – что и от кого боронити: гавань? Чужаков – от своих? В чем-то, разумеется прав. Что ж к сельскому труду не пристал? Чо не согласился докапывать, за крепостью ров? – можно бы, за деньги наняться. Видимо, не то на уме. Торговать – не целину подымать, с коробом – значительно легче, – промелькнуло в душе. – Видели таких, не один... Разве от земли уйдешь? Коробейничество сущий пустяк; именно. Легко рассуждать!.. Всякая работа – не легче.

Пользуясь часами прохлады сельник, без единого роздыха убрав полосу, вызревшую близ верховины, ровной приспускается в низ.

Вот выделился зеленоватый клинышек невызревшей ржи; «Добрая считаем, годится», – пронеслось на уме; ниву расчлняет прогал; связан очередной, вроде бы уже восемнадцатый, – подумалось Парке, али девятнадцатый сноп. «Нижнее обилье – потом, после», – проворчал на ходу, выразив наумное вслух: – Полюби? Ну як, не устал? Терпится? Ну ну, говори.

«Ж-жвик-к» – чуялось в какой-то наклон нечто наподобие хруста, переломившегося наполоам, «Хррык»; Вершину явилось на ум, что слышанный вдругорядь в пучке, срезанном почти без натуги, просто и легко изошел («Отповедь, считай!») – от серпа.

«Верно говоришь, побратим; поехало!.. И вещи подчас могут по-людски вещевати... Рыком, получается; ну. Важно ли? Куда поважнее сицевого делу катиться, в горку и под горку, по-разному. (Все – разное дык)... Два десять снопов хорошо, больше – лучше. Сотню бы иметь, до темна. Двигается, идет по предвиденному. Что там – кабан. Вздор, мелочь... Жизненное. Брат говорил, в молодости: вся живота, дескать – вереница потерь».

Весело поигрывал серп, точно пригвожденный к руке, вьевшись рукояткою в длань, думалось иное, скользком; есть хочется, не хочется пить; даром, что работал подчас нижние посевы, у берега – дышалось легко;

«Ж-жвик-к... храп... харрап...»

Жен чуточку, гляди затупился, труженик, – отметил в низу, но еще все-таки порядком востер – поживает какое-то времечко без помощи-от... надобной не так, чтобы очень... брата своего, не в пример более тупого;

«Жвик-к... жвик-к»... брата, понимай: оселка.

Добре! Наконец – господин! Около – ни свеев, ни старост. Волюшка! Поодадь стрекочут, прыгая в колосьях изки. Подлинное всё, настоящее! Устал? Не совсем; терпится; позднее – на роздых. Час – к полдню. Тё-ёп-ленько... Восстали кузнечики. Да сколько же их? Тьма... тьмущая, – несло в голове. Кое и когда по жнитву слышен перешепот колосьев – падала

окрест, на урочище, – казалось жнецу, шепелевато шевелящаяся ближе к вершине от шальных ветерков, как бы недозрелая, тишь.

Поле-от – по праву своё! Не барину-боярину корм, работаемый в поте лица, по-честному, обилие – в дом, семейке, – ликовал хлебороб. Это вам не то, что искать за морем больших калачей. Жизнь как жизнь. Отчина не всякожды пряник, временами – сухарь. – «То-оже хорошо... По труду... Легче ли дается живот, скажем, на Великой Руси? Да и за морями, у немцев, слышали – не паточный мед... не сахар, – промелькнуло в душе, частью изреченное вслух: – Нетрудная работа – не труд». Что же из того, что порою, в городе нарвешься на плеть? Изредка... По чистой случайности. Бывало и так. Бьют всюду, говорили купцы; принято де так, на миру, так – везде. Видимо, таков человек... По духу, по еговой природе. Господи, куда ты смотрел? Больше – по верхам? на луну? Прости меня, Создатель, раба грешного, создателя пашни. – «В горочку давай, шевелись», – пробормотав, селянин.

«Хррап... Жвик-к... жвик-к» – отвечивал, по-своему серп, как бы в подтверждение слов.

Жаль, да ничего не поделаешь: не долги часы утренней прохлады и свежести – приходит жара;

Вот полдень.

Подсказал посошок, воткнутой повыше землянки утром, на пролысой земле. Труженик, в сорочке навывпуск видел, наблюдая за ним самую короткую тень.

Времечко летит как стрела, – сообразил хлебороб. Столь же скоротечна и молодость. Ушла, не вернуть. Мало ли? – под сорок годов! Стар... Несколько, не так чтобы очень; в некоторой степени; ну. Полупожилой человек.

...Жил, в Красном не тужа, по-людски; можно бы сказать: с удовольствием, – подумалось Парке, ощутившему зной даже у берез, наверху, – не рыпался куда-то за лучшим; одумался; получше сказать, правдивее: отец пригрозил только за одни разговоры о таком посадить в доменную печь, на денек. Далее, в тридцатом году – поехало-пошло-покатилось к лучшему само по себе, просто и легко, как по маслу... По щучьему веленью, ага. Но, да и братеник помог. Действовали соополчась, как бы-то – в едином строю. Не было бы счастья – несчастье, можно бы сказать помогло. Странно? Да не так, чтобы очень, всякое бывает в миру. Словом получилось удачно, – рассудил хлебороб. – Даже, перебравшись на устья кое и кого кое в чем, просто и легко превзошел: дом, лучший посреди калганицких, с пашнею (наврал: не своя), дети, разумеется собственные (то же; наврал, – общие), подруга – жена. То бишь человек – состоялся, ежели так можно изречь. Можно. Для чего бы и нет? Вроде бы, во всем преуспел; воистину. И так, – пронеслось в сеятеле, – будет всегда. Что же из того, что пропал оберег? А что изменилось? Жердью долбануло, на Мье? Вздор! Ухнула неделя? Пустяк.

(Вспомним поговорку о жизни, годную на все времена: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся»; касается любого из нас. Вот именно; судьбу человека подчас определяет, увы, какой-то непредвиденный случай. Сказанное, в первую очередь касается Парки. Но, да попридержим коней; то, что переменит судьбу, сложившуюся, в общем удачно – далеко впереди).

...Как ни состояться? – неслось некоторый час на уме: жизненный успех – налицо. Главное, в земном бытовании, по-нашему: радость... И, наверно – любовь; то же, по-иному: хотение; и так говорят. Лучше – одинакая хоть, общая, когда у людей разных, мужа и еговой жены воля к таковому хотению друг дружки едина. Сицего, так скажем, добра – взаимности хватает, не мало. Да уж, получается так. «Мой!» – проговорила однажды осенью, в припадке любви... Помнится; и год не прошел. «Ну-ко шевели бороною... в горку», – произнес, отдохнув, медленно-прямедленно;

Ышь... сильно сказано! Владелица-от. Правильно, с другой стороны. С этим, со взаимною хотью, – продолжал рассуждать, трижды поплевав для порядка в сторону плеча обстоит лепотнее, скажем хоть так, нежели в домах поселян, уж не говоря о семье Карлы, губернатора

края, даром, что – владелец, хозяин скотного двора, за Чернавкою, где доит коров. С дюжину никак; племенных! Сам!.. С помощью крестьян, батраков. Мается один, без жены – за морем, собака живет. Изредка, по слухам, что правда: осенью, в предзимье наведается в штат, как в тюрьму. Добрые надои – не всё... Мало; маловато для счастья... Ну, а что же – еще? Вот. За неимением благ, имеемых владельщиком, Карлюю с такого имения не худо иметь, тако же спокой для души. Сиречь благодущье; да, да: удовлетворенность имеемым, – едва ухватил чуть не ускользнувшую мысль. Тож есть; имеется...

13

– Им-меется!

«Жж-вик-к-сс...»

– Чо? Як? Ой ли, говоришь, побратим? нет? В естях, – проворчал поселянин, откликаясь на скрип. – Этого добра, благодущья, поплюем чтоб не сглазить, слава тебе, Господи хватит.

Вновь произвелось «Тьфу-тьфу-тьфу».

Благодущие суть внутреннее благополучие, довольство судьбою, – подержал на уме, думая о жизни помор. Так? Вроде бы. Оно достается, наперво – трудами в сердцах... Также, ломовую работою, когда настанет время собирать урожай. Истинно. А больше – ничем. Благодуществовать может любой... даже генерал, губернатор, – да не на голодный живот. Всё есть для радости: и хлеб, и любовь... дом, дюжина (поменьше) гусей... печь.

В жар – птицу!.. А ленивым – жар-птицу: ешьте, на здоровье; ну да; ежели, конечно уловите, – мелькнуло вослед с тем, как перед внутренним взором выплыл коробейник, гуляй. Федькина душевная стойкость, о которой твердил как-то вездеход в городке, в сущности пустые слова. Противу кого, для чего волится ему устоять? Бродит, со своею лопатою да песни поет. Лучше бы, не шаря в заоблачьях порылся в земле. Стоит покопаться; ей-ей. Стоит потому как в лесу, подал ее осинок с шишигами, закопанный – клад, ежели Прокопий не врал. Мог бы прогуляться туда. Просто и легко... А не так?

«Жжж...»

– Нет? не так? Не понял. Просвети, побратим. Али не хватает мозгов?

«Ну, – договорил про себя: – Видимо ужвикался, туп. Только в собеседники гож. Вуюстрим; на что оселок?»

Брат сказывал: вселенная, земь держится на трех несказанно крупного размера китах. Столько же, как васькиных рыб, троица – опор в бытии: радость, православная вера и, конечно любовь. Эти нутряные имущества, – плутая в словах, яко в дыриватой сети, порассуждал селянин, все более тупея умом в пылу однообразной работы, – думается нам – триедины; разное сложилось в одно. Встарь, будто бы – у домен – сие сказывал двоюродный брат. Федька; лебеденок, эге ж. Видимо, в таком триединстве наилучшее – радость, талеры не каждому – бог. Радость – потолочная балка, матица, в крестьянской избе... Вот как? не сравнить с калачом? Даже? Ни с какой стороны?

«Жжж» – отозвалось под рукой.

– Правильно изрек... молодец.

Но... Так почему же – бегут? Он, Парка не какой-нибудь там прыгатель, бездомный кузнечик, – шевельнулось в мозгу, нетути особенных поводов удариться в скок. Нам – свое... Хлеб, собственный всему голова.

«Кто их разберет, перебежчиков? – задумался жнец, медленно-премедленно встав. Исподволь тупеешь... ага: можно бы сравнить: сотоварищ, чуточку подправленный, серп».

Сказывался, в первую очередь полуденный жар; «Зной – пекло адово!» – мелькнуло в душе;

Путанные мысли о беженцах с родной стороны самопроизвольно рвались.

Что перебегают за Лугу – вяжется, понятная вещь: там – вера православная, деньги... всякое такое; а тут? Что переметнулся в корелы тихвинец – убей, не понять. Коли захотелось побольше, лучшего – иди по своё. Следовать примеру стяжателей богатства и славы, жаждущих все больше и больше лучшего, на ихинный взгляд – чуждое, не наши дела. Жив – живи; радуйся тому, что имеешь, малому. Не так-то и мало: здоров, сыт, любим. Денег никому не хватает... и не будет хватать. Недовольные – навеки пребудут. Истинно; таков человек. По духу, по евонной природе... Мало ли того, недовольникам, что нету войны!..

– Ч-чёрт, – пробормотал селянин, сбив очередного слепня.

Что это, по-нашему: власть? Владение. Достаток, ну да. Имение чего-то в дому; вот именно: чем больше, тем лучше. Вряд ли человек остановится в неумной борьбе за то или иное добро. Стало быть, понятно стремление уйти за рубеж. Там – лучшее. И лучше – права на самую-пресамую лучшую из лучших борьбу за больший по размерам кусок. Воздержимся; и тут хорошо. Сыт, любим. Лучше ли, оно – подражать, следуя за кем-то в хвосте? Лишним – подавиться? Ну-у ж нет. Лишнее... Немало и так.

...Ловят перебежчиков – сельщину, сажают по тюрьмам, в каторги, которых под городом немало... с пяток. Выпустят, иное какого бранника за лучшее, беженца – поскачет вдругорь. Что это еще за дела? – Вершин, подточив острие самодовольно похмыкал. – На тебе, нейметя, завистникам. К чужому бегут. Жадные! Гуляй не из тех – тот ни на кого из таких... даже на себя не похож. Как бы, не от мира сего. Ни, тебе – одежда, немецкая, ни есть, ни барыш... Ни, тебе... Ничто же не в радость. Это ж как понимай? Что его по жизни ведет? Якобы – всё-всё на миру двойственное или двойное, – всё – разное. И люди; а то ж. Все – разные: кому подавай меду самотечного, патоки, другим по душе вволю лососяны поест. Кто-то из крестьян почитает лакомством, единственно хлеб. Кушателей чистопородных, еже есть немчуры – свинов не так-то и много, прочие – разряд полукровок, ежели так можно сказать; там же сукноносец, гуляй. Прямо-таки диву даешься: где-то в серединке, при том, что ни на кого не похож!.. Так ведь получается.

«Хррык-к...»

– Думаешь?

...Пожалуй; вот, вот: разом на себя и на всех делателей выгоды схож. Впрочем, выпадает из ряда: ни сёмужьей икры, посвежее той, что потребляет на масленицу каждый орарь, ни мяса никакого не любит, ни свекольной ботвы, – песен соловьиных давай! Слушанием будешь ли сыт, ежели...

– Ага, побратим: ежели урчит в животе. – Страдник, утирая чело тыльной стороной ладони, встав передохнуть огляделся: «Мало ли, в такую жару?.. Пот, как пот; свичное, не стать привыкать; справимся ужо, победим. Славненько разделан угор! К вечеру, быть может остаточную рожь уберем, – проговорилось в душе. – Надо бы; хотелось бы-от». – Тень от посошка на стерне, ставленного утром, узрел: сдвинулась чуть-чуть, на восток.

Жар солнечный, слепни насаждают... Ну и работенка! – вздохнул сельник, продолжая труды. С кем тут побеседуешь, в поле? С когтем? – промелькнуло в мозгу: – Как его понять, скрыпуна? – можно лишь, порою догадываться что говорит. Даже наострив не добьешься вразумительных слов. Так себе, на шлант – остроумец. Действует умело, старается и, с тем наряду бестолочь; железо и есть. Вряд ли при таком собеседнике прознать для чего бегают с Великой Руси;

Не выйдет, ничего не получится, – иной разговор, скажем: поведение Стрелки – штатский переводник, толмач: выбежал, гуляет молва, чтобы сохраниться в живых... Взятчик де; будучи пойман за руку бежал из тюрьмы. Думается, люди не врут. (Где людие не врёт? на духу?). Якобы, висел на крюке, вздыбленный – и там, перебрав на ночь едева, рекут, кое-кто: с дыбы ненароком сорвался. От тяжести, считает Прокоп; дескать, перегруз живота... Не выдержал шкирятник; вот, вот. С тем, ноги в руки – опрометью к нашим сорвался. То бишь,

поточнее сказать: перебежал в королевство – эдак ни заморским, орде жихарей заневского штата – свеям, что живут в городке, ни же русакам не обидно... Дружбою народов пахнет, – пало на ум, как перевязал, на стерне новую пятерку снопов. – Часом трудновато понять, сельшине кто свой в чужаках.

А солнце все никак не снижалось, где-то верещали кузнечики – порою мужик, все еще способный задумываться стрекот не слышал.

«Зной – пекло адово, слепни докучают, – промелькнуло в душе; – выдюжим, не долго страдать»; «Хррык-к... Хрруп-п... Харрык-к» – чуялось какое-то время, как, переступая под горочку в напольной жаре потягивал снаряд на себя.

– Кончатся ли эти скрипки?..

«Жж-неттц»;

– Вррешь. Не т-так-к. Получится.

Дождем, пустобрех. Копен восемнадцать!.. поменьше, вроде бы. Под сотню снопов, связанные... в бабках стоят. Кончится! пол-поля осталось. Как-нибудь... Низы – на потом: чуть зеленовата, по видимому ржица в долу. Вызреет уже поопосле. Главное: сработати под вечер, – мелькнуло у Парки, – больше, чем наметил; эге ж. Справимся, пожалуй... Как выйдет. Ну и работенка! Устал? То ли еще будет позднее, под вечер, – явилось на ум. – Нетрудного труда, говорил как-то на деревне Оким, тестюшко в миру не бывает. Истинно; ужели не прав?

...Пёк солнечный, безветрие, тишь;

В плоть яростно вгрызаются пауты, – подумывал жнец: – спину то и дело терзают жала кровососов слепней, с мокрого лица, с бороды, бусина за бусиной – пот: кап, да кап – канет, пропадая в земле; «Кажинная капля – зерно», – проговорилось в мозгу страдника в какой-то наклон; выпрыгнул подальше – на сторону, в колосья изок; тож скрылся, почитай в никуда. Чуть ли то ни всё пропадает... Усталъ, – пронеслось на уме, падла никуда не девается, и даже растет; справимся уже, не впервой.

...«Жж-вик-к... Хрруп-п... Хррык-к»;

Серп, думалось давно уж не тот – важности набрался¹⁰, огруб; тоже изменился, как всё что ни наблюдаем окрест – не играл, труженик подобно тому, как было-че в прохладную рань, – даром, что недавно подточен нехотя, с трудом отгрызал, чуть порожевевшие стебли; солнце, уходя на покой, в дали, непостижные разуму, – отметил мужик, стало временами скрываться по-за верховинами елей, и тогда кое-где около сквозистых вершин пламенел, перемежаемый красным полу ободок желтизны.

...Всё!

Перевязав сноп, страдник выпрямился.

Пальцы сводило. Судорога; вскоре пройдет. Мелочи, – утешился жнец. Длани от работы пекло.

Веря и не веря тому, что наконец-то сбылось Парка, прихватив посошок подступил к врытому по самое горло в самой низовине жбанку: «Вон, – проговорил, выпуская в сторону болота лягушку, вброшенную им в молоко, дабы холодила. – Сидишь? Будет, наплескалась. Гуляй».

К пахшему не так чтобы очень псиною, а может козлом или, показалось жнецу годы не снимавшимся рубищем, горячему телу кинулись, на дух комары.

Вытерев подолом рубахи потное, в соринках, «по-жнецки»: *грязное не так чтобы очень*, пышущее жаром чело делатель зерна огляделся:

«Верится, чего там: стоят! Впрямь, бабки! – пронеслось на уме: – Пятый, завершающий сноп – кровелька звонницы, в Песках... Спас-Преображенье; ну да... вроде. Но и, можно ска-

¹⁰ То есть, в понимании Парки: отяжелел; «вага», по-старинному: вес. Употреблявшееся встарь существительное «важность» заключает в себе смысл: значительность чего-то вообще.

зять: валяной крестьянский колпак... Нужная укладка: от мокреди; порою дождит. Копен... Двадцать две? Двадцать три!.. больше. Все равно не добрал – меньше, чем хотелось нажать утречком, в прохладную рань».

Всё, так всё. Домой! – заторопился мужик, дабы не шагать в полутьме.

14

Койвисто, березовый лес;

Корба.

Деревенский – в пути.

«Як там – петушок?.. Суета! суеверие... Напрасная вера. Именно... Пустая. Свернуть? – вяленько, с ленцою подумал Вершин с тем как, побеждая преграды на путях к большаку вообразил в кустарях жертвенное место, валун: – Кстати, от елового выворота, с ломаным корнем более просторный подход».

Парка, убавляя шаги около приметы поохал.

«Можно бы... Пожалуй. А что? Далее – примета похуже... Стоит ли шагать на проверку, да еще в полутьме? – свет курвится; темнеет. А вдруг что-нибудь случится? – зверьё, лешие».

Как быть? – подержал некоторый час на уме. – Боязно. С другой стороны, ежели не сделаешь сам нужного как хлеб и вода, – поколебался мужик, – людие никто не помогут. Надо ли сбиваться с пути? Двойственное, так понимай. Съедено аль нет угощение узнаем и так, – предположил хлебоборб: – скажется, на днях али раньше як-нибудь само по себе. Сие – забираться под елины. Почто проверять? Главное: отнес, предложил. Далее – надейся и жди. Схрупают, за милую душу, рассудил селянин. Пусть, его лежит, на здоровье. Да и не мешает учести (мелочь, да не так чтобы очень): лишнее путище, с версту; менее, коли – напрямик.

То есть миновал поворот.

На подходе к опоясавшей корбу гниловодной протоке до ушей долетел слабенько отдавшийся эхом, непонятный хлопок.

«Что бы это значило? Гм. Странно; в заболотном лесу? в корбе? – подивился; – вот-на». Приостановившись в подлеске, вслушался в лесное безмолвие, подумав, что звук может повториться вдругорь. Более ничто не взбудило предвечернюю тишь.

Думательно так, в чересчур полной тишине – на свету – жнитвенная усталость сказала, – решил селянин, тронув поясницу: – ага: послышалось. Никак устарел? Ну-у ж нет – не так, чтобы особенно стар; может, так будем считать! Выкрасил для пущей басы (для прочности, положим) заход, старенький – пора бы его дальше отнести, за хлевок, только что, на днях – на Ильин-день славно распотешил жену, с ног до головок убрав около причальной доски Марью с Ванею хвостами купав, так что не узнала детей; будто бы, поймал водяных. Стар тот, которому – в пример немчура... Немец – смолоду невесело жить.

Все-таки откуда пришел этот любопытный хлопок? Ведрено – на небе ни облачка, грозою не пахнет, да и не похоже на гром. Далее, у самых вершин – западнее тракта висит, пленяемое дымякою солнце. Перед кабаком, в заболотье – никого, пустота. Чудасия! – возможно б изрек, будучи поблизости брат... Что б ему на устьях ни жить? Ладно уж, абы не пропал.

«Что же то сие означает все-таки: хлопок? Не хлопок?»

...Топь;

Кочки;

Окница, – отметил крестьянин, пробираясь на тракт подле усыхающей поверху закраины мхов, круглая, почти заросла, с черною как деготь водой;

Сломленные ветви кустов, кажушие путь на большак.

Чутьочку повыше болотины, представилось Парке за преодоленной трясиною, когда перебрел тянувшийся к лесу простор, хилым сухостоем – сосняк, еле различимая, тропка. Там, где она выведет, низами на тракт, рядом, у гостинца, в кустарнике (оседланный?) – конь.

«Этого еще не хватало! Соглядатай? подзорщик?.. Вон де! – промелькнуло в мозгу ставшего внимательным Парки в миг как углядел седока: – Обочь; невдали. Под кустом... слез. Кто бы это мог, на коне? Криг? Сам? Хозяин придорожного крога? – воноко он, Красный Кабак подальше поповской избы, подле перекрестка дорог – виден за версту... Мореход – сара, иноземный матроз? Вряд ли, – усомнился, припомнив бойкое Заневье, мужик: мало ли кружал в городу... Рейтар – верхоконный, наемник? Али то: эстляндский купец».

Можно обойти стороною, – поразмыслил мужик, дабы не раскрыть ненароком, как-нибудь нечаянно тайн, связанных с хождением в дебрь по непроходимой на взгляд обыкновенных людей, в действительности твердой болотине, а можно, и лучше – выждать, отсидевшись вдали. Вскоре неизвестный отъедет, ясно же, так будем считать, по-своему. Однако, зачем выдумал стоять на коленях? Молится? И; нет... Под кустом?? Или обронил на скаку что-то из дорожных вещиц, – предположил деревенский. Но, так поищи – в колеях! Чо там городить небывальщину, – мелькнуло вдогон: спешился, быть может затем, чтобы опростати нутро... Так?! Сел бы уж, как все – по-людски.

Вершин, продолжая шагать недоуменно погмыкал, недалече от стежки, посуху вобрался в кустарь и, не задевая суков, тихо как бесплотная тень подступил к месту нахождения конного едва ли не вплоть:

Странная обутка! эге ж. Кто? – приговорилось в мозгу с тем, как разглядел неизвестного с десятка шагов: кожа накладная – в обтяжку голеней, рекомая в штате, по-заречному: краги, желтая, в подгон к голенищам старые, с одною подковкой, медною, серпком – башмаки... Старые не так чтобы очень. Выше, тесноватый в спине, как бы ни с чужого плеча (ворованный возможно, как знать), с рубчиками у поясицы иноземный кафтан. Свиец, по всему очевидно; в ратуше такие сидят, видели единойды, в Канцах, – сопоставил мужик, вскользь вообразив Нюенштадт, – все – чистопородные немцы... Али – ремесленник, штатский, русич, разодевший под немца, делатель чего-нибудь нужного, для граждан – деляр. Или же – плясун скоморох... Шут ярмолочный? Вряд ли; не так: что бы это, вдруг: на коне?

Вот снял кафтанишко, – узрел деревенский, тронувшись, было на гостинец, до дому, под ним – безрукавка. Что это: надел на нее верхнюю одежду опять... Хвор? Зябнет? Надо же: в такую теплынь!

«Ч-чёрт!.. Достали самого! Комары; ну», – сообразил наблюдатель, зазирая в просвет ближнего, с рединой куста.

Добрая вещьца!.. барсук. В точности такие, – сравнил, с опушкою на проймах, у плеч, пошире, меховые поддевки носят мореходцы свеян.

Кто ж таков? Жаленько, чела не видать; чем-то на кого-то похож... как бы... вроде бы, – припомнив заход к жертвенному идоло-камню сопоставил мужик зримое в просветах лозы с тем, что говорили сородичи: «Шляпенка, с пером... Не было!.. Как так понимай? Тот, не тот? злыдень? – подержал на уме, взглядывая вскользь на убор, красивший главу ездока. – Ну-ко мы получше присмотримся» – и после чего, двинувшись, было восвояси, до дому вернулся назад.

То есть не одно любопытство удержало в кустах – что-то, показалось: не так; соотносил явь с тем, что приключилось в дому. «Схож, не схож? – птичкою мелькнуло в душе: – Всякое бывает; а вдруг скажется каким-то путем, важно ли, что сей – скорохват?»

Мешкал уходить за дорогу сыскивая в штатском по виду, в коннике приметы врага.

Сопоставлять – значит, помещая в рядок сравнивать какие-то вещи; то же, по-иному: сличать. Поставленное в ряд, сопоставленное, часом, несет признаки желанного сходства. Сопоставление обычно предшествует какому-то действию. Покаместь мужик действовал, бездействуя.

«Тот? вор? – проговорилось в сознании: – Чегой-то в руках... Дует на колени. Зачем? Кушает горячую снесь?»

В следующий миг селянин вообразил городского на деревне, под соколом, у самой избы, препроводил от крыльца, коленопреклоненного, каким наблюдал зрительно в просветах лозы, склонившегося яко в мольбе за лучшее, чем было житье, переместил от крыльца, в медленно тускневшей заре в сторону отхожего места, крашенного рыженьким, охрою *для пищей басы*, далее, опять же на корточках пустил на задворки с битой посудой, за хлев, сунул кое-как в огород, с луковой гряды переправил, вставшего с колен под забор и, наконец усадил *чем-то на кого-то похожего*, казалось ему в срезанный пониже двора, в колодезной сторонке бурьян; «Там-то и пропал корабельник, – пронеслось на уме. – Тот? не тот?»

Время, скоротечное замерло, сторонняя жизнь, как бы, превратилась в ничто. Парка неотрывно глядел, невидимый, кляня комаров, глядя – думал. Думая о том, что стряслось около избы, на ключах вообразил немчуру подле Голодуши опять – и когда коленопреклоненный, чужак не торопясь обернулся к тропке, где оставил коня Вершин, обуянный прозрением едва не воскликнул:

«Господи, да это же – враг!.. Тот! Матвей!

На-ка ты, – присев на мгновение, смутился мужик.

– О, да у, собаки – оружие! Ого; санапал! Видели однажды, в градку: носит крепостной голова;

Ён! – удостоверился Парка: – Нападатель итак».

15

«Эй!» – проговорилось вблизи околоторожных кустов.

«Гук? Чо т-там? Скудова? Почуялось? Гм. Пусто. На шляху – никого... будто бы, – подумал толковник, Стрелка, обернувшись назад: – Кликнули, отколь не понять. Не от кабака на лугу – даль, проминовали крещатик... Може – в заболотях?.. Не то. Или – от поповской избы, – предположил гражданин, – той, что проглянула у сосен. Гукнули где-то сблизка». – С этим, переводчик привстал.

«Вор! Ей же ей, – проговорилось в сознании того, кто шумнул, вызвав поворот головы спешенного в сторону: – Те! – приняли поклон, петуха.

Кто же еще, коли не враг? Сходится; без шапки: толмач, – сообразил чередом, в следующий миг наблюдатель: – акка и жена вестовали: штатский – нападатель, захватчик (оружным оказался! – пистолينوю, чаем грозил, двуногая собака) черняв – темен волосом, на их языке, с примесью ижорского: *мишта*, – сопоставил мужик; – то же наблюдается вьявь; строен... не особенно толст (великоросл?).. выяснится чуть погода, нос – крюком.

Бесы навели на грабителя; ну; кто ж еще. А может случайно случилось как-нибудь, само по себе. Ён! Стрелка, бургомистров толмач, казанный не так чтоб давно Федькою в торговом ряду. Выпалил в кого-нибудь кулею, завидев кабак, – предположил селянин, сопроводив умо-заклучение кивком головы. – Спешившись на полном скаку, взялся вычищать санапал; то-то и – недавний хлопок».

В чаянии новых примет (больше – лучше... досыть, – промелькнуло скользком) Вершин, раздвигая лозу вышел.

– Чо тебе? Зачем окликал?

– Так-к... Просто, – не найдя что сказать лучшее изрек селянин, чувствуя спирающий горло, пересохшее гнет. – Оберег... давай. А не то... Вживь! Ну. Достань.

– Чой-то не пойму, господине, – отозвался, поняв суть недоговорки толмач с явственной насмешкою в голосе и страхом в глазах: – Чо эт-то за невидаль – оберег? О чем разговор?

– Ах-х наглец! На-ка ты, – прикрикнул крестьянин, подступив на шаг: – Вздумал отпираться невежеством! – добавил в сердцах, вытянув скорей для острастки, чем для нападения серп. – А зрители на что? А – приметы?

Сходятся не так, чтобы очень... Нате вам, смутился мужик: не было ни шапки с пером, ни же накладных, до колен, крагами зовут голенищ; так бы, самовидцы врага в точности таким, как предстал, думается нам описали. Прочее, мелькнуло у Вершина годиться, совпало: кафтанишко без латок, срамной по невеликому счету, с рядком личиновидных застежек: женщина с мужчиной челомкаются, нос – крюковат... Бруди по вискам, седоватые, как будто бы, серьги... Не скрывая кадык, чуточку пораненный бритвою – с вершок бороды. Кажется довольно примет; насытились.

А вот вам еще, в купу новоявленный признак: глаз, левый – в синеватом подтеке, с желтью, потому что подбит. Судя по словам очевидцев, сельщины – крестьян околотка: дополнительный знак сходства присовокупил, на торгу рыночный солдат Олденгрин; так. Вор!.. Знает, богомерзкое идолище кто перед ним – то-то и отводит глаза.

– Кто же, як не ты? Отвечай! Голову ссеку, – прицепил разом с равномерно замедленной вскидкой серпа; – кончу.

– Кто кого – поглядим. Отповедь, холопу скажи... Нук-ка-ся ответствуй, собачка! – произнес переводчик с видом показного спокойствия, взводя перед Паркой, хмыкнувшим пистольный курок: – Хочешь, так придется уважить. Кто кого, – повторил, делая коротенький шаг вбок-назад.

– Ври; знаем: пистолет не заряжен, – Парка, подступив к толмачу: – выложи, покудова цел! – Враг, чувствовалось был перепуган, но отнюдь не сдавался, зрилось по юлившим глазам; пустопорожний, пистоль, дрогнув опустился к ноге. – Вздумал настращать? Не прошло. Ах блудник. Знать мене от веку не знат... Ведашь, позаочи спознал. – Движимый веселою злостью, вспыхнувшей невесть почему Вершин замахнулся вдругорь.

– Яз... Ты! но-но. Ишь хитр; непашенным сказался!.. бобыль? Якобы. А жен – для чего: так? Учтём... Впредь, в перепись – на будущей год, знай, – пролепетал переводчик с тем как, отшатнувшись назад непроизвольно издал некоторой областью тела принятый помором за треск лопнувших по узи штанцов захватчика отрывистый звук; «Лучше припугнуть поиному», – подержал в голове несколько мгновений толмач, тиснув поослабшей рукою бесполезный пистоль.

Нападения, и также угрозы предопределяют естественное даже у нас, чуть ли не на каждом шагу противодействие; где брань, там – защита; об руку шагают, века...

То, что в совершенной растерянности вымолвил конник, спешенный казалось ему ложью во спасение жизни; «Да уж, – промелькнуло у Стрелки: – Ляпнул наобум-наугад в мысли чтоб крестьянин отстал... Можно бы сказать по-ученому, по-штадтски: брехня, наглая особенно суть, в некотором роде – оружие... И тут, на шляху. В общем-то, не очень, слегка, – не погородскому наврал».

Вершин, услышав изреченное, глаголы о пашне, сказанные в сторону леса, корбы, на мгновение замер; «Вздумал, берет на испуг. Врет, глупости; откуда прознал?» – вскользь проговорилось в мозгу.

Сказанное ради острастки, *наобум-наугад* смахивало в чем-то на правду. Правда что: мужик не имел, в правду-истину хорошей земли. Как бы, получилось на деле: встреченный у тракта грабитель, Стрелка, разрядив перед тем оружие – в копейку попал.

– Нечего сказать бобылек, – вор! – проговорил переводчик, все еще под жалом серпа: – Ну и безземелен. Каков! Бедненький... Ужо изоброчат. Вздумал заниматься пожарами, бесплатно; а то ж. Выгодно, – ввернул гражданин: – подданный короны – преступник. Ловко. Ну и ну – економ. Тайное становится явным – от як, – продолжал обличать, бросив на попятном шагу: – Прибыль утаил, хитрован. Каждому бы так, без тягла. Скрылся от налога, шельмец. Ишь.

– Бонды, каковых большинство в нашем королевстве... ну да... с некоторых мест, – проронил, чуточку помедлив толмач, – сельщина – не худо живут. Кажется и ты середняк, не бедненький... Откуда прознал? От некоторых. Кто говорил? Не важно, – произнес переводчик, подмигнув поселянину, с которым допрежь нигде и никогда не встречался, как напарнику в заговоре – и, поведя в сторону Невы бороною леновато изрек:

– Надо бы, оно сообщить... в штад. В ратушу... Пожалуй.

– Зачем?

– Ну, как донесут? На меня. Кто-нибудь из местных селян. Скажут: дескать, яз подрядили (Конь – огонь! – проронил в сторону тропы) отвозить некоему бонду – тебе – жито, воровские хлеба... рожь. Сем-ка подобру-поздорову разойдемся, покуль впрямь не нанесло видаков. Бонды, поселяне с достатком – лучшие да средние люди платят поземельную ренду, – пояснил переводчик: – знаешь; в городскую казну. Як же – по-иному? А ты? «Бонды не заводят подсек», – договорил, про себя спешенный: изустную речь, как бы отхватило серпом, взвившимся вблизи от лица.

– Не был? нипочто? в Калганице? – возмутился мужик.

– Яз... верь... сородичи... Не надо! не сам.

– Родичи? Жена – не свидетель? Не было иных видаков? А Воин? А – посельский?... Прокоп? Веска-та, котора...

– Не вем! Ни воина... как-кая невестка?! – молвил, перебив городской, в страхе подаваясь назад. – Не был. От те хрест. Никогда... Чо пристал? Скудова ты сам, деревенщина? Не знаю таких.

– Осподом клянется, собака... Лжец, клятвопреступник! Отдай! Ну-ко, – пригрозил хлебобороб, мельком поглядев на большак: – Нетути, никто не увидит. Понял? Ж-живота порешу! Вживь, – договорил селянин, качнув над головою серпом. Зрилось, неприятель – опознанный захватчик подергался туда и сюда, чаятельно в мысли сбежать, взбросив на мгновение пистолину, прямой как струна, выказал воинственный вид, с тем, пробормотав не расслышанное, в сторону, сник; «Али же прикинулся тихоньким, готовился дать, силою нежданный отпор? ложь?» – произвел ось на уме.

– Врун! Не был? Все равно подавай! Вынь да выложь, – сельник, запоздало поняв противоречивую суть сказанного им. – Торопись! Я т-тебе... Считаю до трех. Рраз... ды ва... два, – мешкал приводить в исполнение угрозу: – два... два («Двойственное всё на миру» – птичкою порхнуло в душе);

Думается, что переводчика легко, без труда мог бы и не только любитель острых ощущений понять. Ложью или, скажем, не полной правдою, что также – обман, в ходе разговора, *не лучшего* (что значит: худого, языком старины) в том, как деревенский боролся, ратовал за правду – не пахло... Стрелке показалось, мужик делает последний замах.

– Вершин, не моги убивать! – проговорился толмач.

– Дам, выложу... сейчас, погоди... вот, – не попадая в карман *левою, свободной* рукою зачистил переводчик – и, попав наконец, мысленно, в себе произнес: «Гвоздь. Талер или, кажется шлант... круглое чего-то».

– Шарь, шарь! Получше, хорошенько. Так, так; сыщется, – покрикивал сеятель, – под жалом серпа.

– Ты! Но-но...

Трубка поломалась, новехонькая, – понял ездец. Выкинуть? Потом, недосуг. Что еще? Игральная кость; сухарики. Огниво, кремь... Девка откафтанная, дробь, чуть потяжелее – жакан. Господи, чего только нет!.. Выручального... Ищи, не ищи. Золото на падаль сменял: конь – так себе... Пистоль не помог. Раненный, как будто бы в голову, кабанчик – сбежал. Мог бы – «Хорошо или плохо? Мелочь, по великому счету, или лучше сказать: мог бы пригодиться на лучшее, – мелькнуло в мозгу, – страченный впустую заряд».

– Выверни побольше карман! Вываливай!.. Чем больше, тем лучше. Ну-ка поживее... прибью.

«Спробуем?.. Коняга, пистоль... Выменил... Зачем, дуралей? Нету золотишка – тю-тю. В естях – уязвленная совесть, половинка, не меньше, лучше бы – побольше... сойдет; досыть... колоток от бренчала – походя, случайно сорвал... Пыж, войлочный, деваха (без парня – пуговка, пришить бы)... Ну влип! Думай, переводчик!.. тяни».

Вершин, продолжая покрикивать уже прозревал с лишком очевидную истину, что как ни страдай нужного, увы ни в штанцах с кишнями, ни где-то еще (в поддевке, на меху??) не найдет; как быть? – соображал селянин; вот, недоуменно похмыкав с видом простеца, переводчик медленно, с большой неохотой (возможно, стыдясь некоторой части вещей, – предположил пешеход), вывернув карманы явил чуть ли то не всё нажитое в городе, что только имел; вслед зеркальцу – блеснуло чуть-чуть в свете догоравшей зари – под ноги, в чепец улеглась, брякнула вторая подковка...

Можно бы, пожалуй вести менее крутой разговор. Лучше разбираться по делу без ножей, по-людски; спокойнее; как, слыхом речет людие, истцы да ответчики в судебной избе; жен по временам опускается, клюет; не пустяк: выговори сей, нападатель очевидную ложь, выбранись, что, в общем терпимо – серп, отяжелевший (чур, чур!) вздумает еще чего доброго... недоброго; ну... склонен самовольно упасть на голову, сам по себе – доказывай тогда правоту тем, что не хотел убивать! – «Лишнее», – мелькнуло в сознании. – На Божьем суде грех смертоубийства, нечаянного, невзанарок ни воину, ни голи бездомной, ни же богачам не простится.

– Нет-ту. И не будет. Внялось? понял? – переводчик: – «Потом, чуточку позднее дойдет. С помощью... Попытка не пытка», – проронил для себя, в целом непонятно для Парки;

Спробуем, – итожил ездец, сунув пистолет, не заряженный, как знаем под мышку и не торопясь, по одной складывая вещи в карман. – Зришь? Девка откафтанная – проблядь, куля, – бормотнул в никуда, – зеркальце... Получше гляди, даб не говорил занапрасно. Вишь? Зорче, зорче! Понял? И не будет... ага; «ежели удастся задуманное», – молвил в себе.

Вдруг Стрелка замер, филином уставясь на тракт; Вершин обернулся – и понял; болью, замутившей мозги. Скажем от себя: догадался почему *и не будет*. Просто: переводчик втемяшил истину прикладом руки, то бишь, поточнее стволом. Бахнул, по главе поселянина оружием так, что искры полетели из глаз.

(Все в мире постоянно меняется, на каждом шагу. Небывалое, с течением времени – обычная вещь. Неожиданность, любая – возможна. Те, кто говорят о каком-то кажущемся или возможном в жизни, на миру постоянстве, как бы, на поверку – лжецы; свидетельство: удар пистолетом).

16

Дернувшись, крестьянин запнулся о выставленный вслед за ударом Стрелкою носок башмака, сгодившегося также *на лучшее*, и после чего кулём, не ощутив приложения свободной руки врага, толкнувшей в плечо рухнул, как подкошенный под ноги, а выпавший серп, зацепив грубую, на счастье долонь плюхнул, завершая отлет в околоторожный прокоп.

– Верно, бобылёк: не заряжен!.. якобы. Ага, получил. А, не приставай к городским. Полюби? Знай наших, – толмач.

Из вымаранной грязью долони вставшего, сперва на колени выкатилась чермная струйка – Вершин, не заметив ее выпятнил рудую армяк; думалось, течет с головы. Нет; сух. С тем, во одночасье припомнилось: пред тем как идти к жертвенному камню, за тракт вздел на голову старый колпак, валяный – подарок отца, несколько смягчивший удар;

«Пёк доменный умаливал; но. Теща упростила надеть. Думалось, порою: теплынь – лето красное. (Не так, чтобы – очень...) Яко бы: родитель помог, царствие небесно; эге ж: студова,

где мати лежит. Но, да и – вешунья, по-своему, с другой стороны. Оба, – промелькнуло в душе Парки, *получателя*, – дык. Уох-х... соополчась, помогли. Надо же! А, выброси вещь? Старое бывает лучше нового! Иде же боец? Онде, – спохватившись, мужик. О-ой».

Хлюпнуло, в канавке; толмач, виделось, увязнув по щиколотки в донную грязь шествовал, с конем на большак; вот, на полдороге помешкал чуточку, в подножной воде. Кланяется, ворог... Чему? Краги-те, подлец замарал, чается, в прокопной грязи;

С тем Парка, через шаг, через два, медленной, так скажем трусцою (наподобие тех, кто борются у нас по утрам, сограждане за лучшую старость), охая, пустился вдогон;

Пал; встал. – «Спокойнее беги, не уйдет», – произвелось на уме;

– Стой! годь, пожалуйста, – изрек на лету, в падении, споткнувшись вдругорь.

– Славно угостил? Заживет. А, не приставай по-пустому, – с полуоборотом, ездец.

Встав, сельник, про себя чертыхнулся; вспомнил на каком-то шагу громкопродолжительный брех доброго десятка собак, слышанный в туманную рань – лаище, когда отплывал за реку, в Селуев затон;

«Мелочь, пустяковина – брех, чаял, забираясь во Мью, лай-переполох на деревне как-нибудь, со временем кончится, а прочее всё, лучшее, так скажем – пребудет; свичным показалось, крестьянину, – не город... И там... Тоже; как бы то, оно ни побольше. Громче? Да не все ли равно? Мелочи. А, нет, не совсем: двоица богатых собак, видели – одна в армяке, помнится (от зельной жары) водят за собою хозяек; человеководы, ага. Кто главный в эдаком содружестве ног... душ? Проще говоря, – обобщил, потрагивая темя, – в шестерке. В набольших собаки, раз так. Борются, по всей вероятности за первое место... Важно ли? не наша печаль... Смех! Более существенно собственное – то, что стряслось тут, на Голодуше, под городом. Воистину пень; да уж; не предвидел дальнейшего, – мелькнуло у Парки. – Мнилось, на воде: пустяковина, подумаешь – брех; дескать, ни к чему беспокоиться напрасно, – ан нет. Лай кончился, как знаем доподлинно, а тещин поклон, оберег заветный скончался... Временно, так будем считать.

Жаленько! Утешимся тем, что несколько ума поприбавилось... Неважный успех. В жизни мелочей не бывает; кажется порою: пустяк, в действительности – многожды большее;

И тут сплеховал. Ну-ка поспеши, торопись, даб не оплошати втройне, – думал, устремившись в прокоп, взвидев, что грабитель, толковник ладит забираться в седло. Или же – подпруга ослабла? подтягивает? Или же... Там! Ён же – в перемётной суме, – сообразил деревенский, следуя в канавную грязь: – Как бы, околпачил полегше... Скроется, отъедет – и всё, и кончено, не дался корабль».

Первая, – отметил мужик, трудновыносимая боль глохла, не вбираясь вовнутрь ясного, как прежде сознания, исподволь в какой-то часец присовокупилась другая; «Двойственностью кажется... но. Там, – произвелось на уме, – дальше – больше станет по-иному терзать, по-своему... с другой стороны. Винен, ладо; малю восприялась брехня. – Синие, – представил на миг сеятель, глаза-васильки, женины явили укор. – Так тебе и надобно, мученику; сам виноват. Впору б ни прощенья вымаливати-от, недоумку, но – смертоубийственной казни; мелочь – поголовный удар, худшее – собачья брехня», – проговорилось в мозгу с тем как выбирался на тракт, выговорив далее вслух:

– Вынь. Видел!.. Ну чего тебе стоит, денежнику. Сжался, отдай.

– Чо? Як-к? Не брал. Ну тебя, отстань, отвяжись. Можно ли вернуть не иманное, – при-молвил ездец. – Ну-ка отпусти поводок. Ч-чо пристал?! Нету, а ему – подавай. Допросишься ужо. А, добавим... сверху, – проронил переводчик, забираясь в седло. – Верь... Больше – лучше. Як тебе еще доказати, по-иному? Отзынь, – молвил, схоронив пистолет.

– Стой!.. Смилуйся, по праву прошу, – битый, не вдаваясь во смысл, крившийся в концовке того, что изговорил верховой. – Как не прав? Сжался, нападатель, захватчик!

– Де они, права человеческие? Ну и брехун. Яко бы, – ввернул переводчик, – горе ты мое, простота в лужу пёрнул. Кто тебе такое, права оные задаром отдаст? Бейся, простофиля за

них!.. добренький. За всё, что ни есть лучшее, чем было изволь чем-нибудь своим поступишь... надобным тебе самому; як не так?

– Деньги уплачу, за поклон! Сто!.. Сорок талеров... Потом, не сейчас. Выложу, раз надо платить.

– Сто сорок? далеров? И тут насмешил. Все твое богатство – серп, роненный в канавную грязь. Нече понапрасну язатися... Ого насулил; порядочно, – изрек с хохотком, больше для себя верховой. – Просто и легко – обещать... ну; по-городски... А потом? Некогда, темнеет. Прощай. Выдумал...

– Погодь! не спеши. Дом, лучший на селе заложу!

– Собственный? чего ты сказал? – вспомнив на мгновение свой наполовину домик с видом на соседский забор, мазанку, озлился толмач: – Собинный? Довольно брехать! Ишь домовладелец нашел си: братнее жилище своим, луковое горе назвал! Всякое бывает – а вдруг Васька, перебежчик вернется? Думал о таком? Недосуг?... Али же – силком привезут в сторону, откуда сошел; запросто... И так говорят.

«Оба, – услышал деревенский, двигаясь вослед, – хороши; клин, пашня безоборочная – тож, надо понимать: воровство. Нетчикам, которы снялись – выбежали вон, воровству станется, к зиме укоррот! Деньги – земляному судье... фогту; сам понимаешь зачем. Кралю заложу, – не избу!.. Каждному бы так, без тягла».

Что бы он такого за жизнь, полную тревог ни терял, – договорилось в душе конного за тем как толмач выплеснул сердечную злость, – вягдшее, находчивость сабельного, бранника тут; в естях; именно; смекалка и есть. Но, да и гусяр допомог, тем что на изгуду предстал; песельник бродячий, шатун. Вовремя, ни раньше ни позже вспомнилось!.. Бывает же так! Обочь, подпевая слепцу высился разносчик, Верста. Обще гвозданули Тугарина, Олеша Попович. Там же, на торгу зацепил чем-то по скуле Олденгрин. Важно ли? – за каждый успех, сказывают надо платить. Так бы, помаленьку забылся гусельник, бродяга песняр... Ссадина под глазом – пустяк.

Незачем особенно радоваться; было – и нет; кончилось, тью-тью – торжество. Песенный Олеша Попович – мнимое, – а что наяву?

...Нанятый для земских сношений, с местными толковник; увы! Дом – так себе, и тот на двоих, плата – шестьдесят кругляков. Тут еще за водку расплачивайся, да за харчи. Где уж, там – жениться? Никак. Пробовали, сколько-то раз. Даже у своих, русаков стался от ворот поворот. Ну и, сообразно сему тянет снизойти в погребок... Нравится все больше и больше чарочка, с такой животы. Мелочь – иждивение, срам. – «Это называется – жисть? – проговорилось в мозгу. – Только-то всего удовольствия: считаться своим в штаде чужаков, заморян. Служащий не то, что прислужник воеводы Ензера лекарь недоучка, из местных, – больше, говорил бургомистр... Взяточник!.. И, также второй, Брюринга». – «Отс-стань наконец! бо уже теперь долбану так, что разлетятся на стороны, мозгов не сберешь! – гаркнул, обернувшись назад. – Ну тебя к чертям, крохобор».

– Сто-ой!.. висельник! Убью, – селянин. – Жаловаться буду на тя... в ратушу. Матвей, пощади. Падина, подавишься оберегом, зверь поедучей! Мог бы послужить соплеменникам, собака нерезанный... толмачит вражью. Бог тебе накажет, изменщик, оберег – чужое, отдай. Нетчиков каких-то навывдумал зачем-то, – а сам? – Вершин, ухватив поводок;

– Ну же умоляю, верни!.. Сам перебежал в королевство, скурвившись, ходит молва. Стой! Смилуйся!.. Ужели не вор? Пожалуйста, ну што тебе стоит. Мало ли уже получил. Денежник! Отдай, не греши. Бог тебе за эт-то простит.

Смолкло; деревенский притих. Конь, перебирая копытами, готовый скакать выплеснул на платье помора, чистое до встречи с толковником калюжную грязь.

– Во нагородил, правдолюб, выравниватель прав человеческих!.. Спасибо скажи. Не зверь, не кровожадный убоица... И тот – человек; стало быть: таким, на грабеж да смертоубий-

ство права, надобные им подавай? Так ведь? Ну и ну! Подивил, – всадник, с хохотком. – Ай да мы. Тайное становится явным: в действительности – суший мудрец; вот не знал. Кой, там – простота... Отцепись! Обманщик, получается.

– Ври...

– Прочь! в сторону!

«Дурак, не дурак?.. Сельщина. Не глуп, не умен. Разом простоват, но и с тем, валенок: себе на уме. Тронулись помалу, смеркается. Пора, брат, пора. Сделано – трава не расти. К городу, – изрек про себя, чуточку отъехав, толмач: – Клепиками, как бы пахнуло, сечею... литовская брань. Помнится; и тут, на шляху, в некотором роде – баталь».

– Нивку, Ротозее Иванович на память дарю. Пользуйся. Не выдам своих. Чуешь? Обернулся Тугарин... Змеевич... такой же колпак валяный, подобно тебе... на неисчислимую рать воинов, и тут же пропал – ссек буйну голову Тугарину Змеевичу наш удалец песенный Олеша Попович... саблюю... а чем же еще... кованым, – допел верховой. – Ну тебя. До встречи!.. Фарвёл.

Скрылся, не видать мужика. Едем наконец-то. Вперёд! Так себе – коняга; не очень. Двойственное; то и не то. Ладно уж... По Сеньке и шапка. Лошадь, постепенно втянувшись в черепаший галоп, медленный, чуть-чуть припадая где-то на какую-то ногу все-таки, однако несет...

Пахотная, сказывал Криг. Ровно, как лопочут, вертятся плиты водяной мукомолки, – отметил седок хлопают, разлтые к старости, большие копыта; «Чем тебе, оно ни помощник, сотоварищ в делах, – вскользь произвел ось на уме: – Даром, что столетен на вид, ёкает в скаку селезенкою, хромец, лысоват, в холке... и в длинном хвосте, чуть ли не на треть изошедшем на рыболовецкие леса, выдранным... И что из того? Важно ли? Пустяк. В остальном вовсе уж не так-то и плох. Швыдкости особой не требуется, в общем – хорош... Зверь; конь-огонь».

В штад!

Около Песков – перевоз. Плех – лодочник, знакомец из местных... (кличка? волосатый, как поп), Трифон переправит за так, либо за какой-нибудь шлант. Надо бы успеть, своевременно, в Пески до темна, – вскользь проговорилось в сознании, не то предстоит, будешь ночевать, как бездомный – где-то... в караульне, у Спаса. Или же, бывало и так – в недрах перевернутой лодки.

17

Эх, горевать – не воевать. Чем? Как? – соображал деревенский: в ратушу идти, к немчуре? Биться, несмотря ни на что – не горевать! Поборемся!.. «Куды ему деться? Возит, по всему очевидно – в переметной суме. – Парка, для начала утешась ведением, что гражданин, хапнувший святыню, грабитель знаем наконец-то доподлинно, увидев как тот скрылся, в мыслях о дальнейшем вздохнул. – Видимо придется идти, хочется того или нет в ратушу, поклон вырывать, оберег... вражью поклониться».

Трогая успевший взрасти исподволь под шапкой желвак, битый оглянулся окрест, определив на ходу место своего поражения – не так далеко, в зарослях, у самой тропы взвидел ось – поправил пестерь, худо прилежавший к спине и, чередом, не спеша двинулся отыскивать серп.

Тож – кровь!.. Под шапкою, вдобавок; не то, – сукровица, лучше сказать, выяснилось чуть в стороне от места, на котором толмач *вовремя* припомнил базар. Но, да невеликое зло, вящее, – мелькнуло у Вершина: – отъем корабельника... Ого, не пустяк!.. Среднее; болячка – пройдет.

С этим, продолжая ощупывать огромную шишку поселянин вступил в тянувшийся обочь дороги к Спасскому, оплывший с боков, к счастью неглубокий, прокоп. – Как бы то припомнить захватчику его же слова? Делом, а не только глаголами. Воистину так; «За всё необходимо платить», – пробормотал селянин, вслушиваясь в то, как звучит;

По-нашему звучит, по-людски. Платим помаленьку за собственную самонадеянность, за веру в добро, за правдоподобную ложь, сказанную в тесном кружке, дабы оживить разговор, платишь кое-чем за брехню ради своего удовольствия, когда второпях вымолвишь не очень приятный для иного глагол; ну... За любопытство – плати;

Дескать, любопытной Варваре (басенная может, как знать?), сказывала мати, во отрочестве – нос оторвали; сходное, считаем: оглядка, с расплатою (немалой!) на тракт; плата – небрежение важностью собачьей брехни, у собственного дома, в туман, – не лаею самой по себе. Золотом, иное плати!.. Главное: покой утерял; оберег исчез – и пошло...

Каждый понимает по-своему где правда, где ложь. Сильнику, в пример переводчик: правда и неправда – одно. Всякий, получается прав; по-своему. Ого правоты! Разная, положим. Всё так; просто... Проще пареной репы; каждому дороже – свое. В сицем понимании правды, али как там сказать, истины достанет на всех. Каждому – своя: хорошо: не надобно чужого имущества, – не золото дык. Вот именно: своей правоты хватит, говорил по-ученому, на Красном братеник – с лихуем на все времена; ешь, по выражению Васьки, верному, пожалуй – до пуза, – подержал на уме, двигаясь в прокопной грязи. Воистину... Не хватит – борись...

Противоречиво? Не так? Неправдоподобно звучит? Сицее не кажется двойственным, занеже в миру недвойственного, попросту нет; всё – двойственно; случись по-иному, не было бы вечной браньбы; вот именно. Ужели не прав? Как бы, в неимении двойственного, с кем бы велась та или иная борьба? Сложное – в простом: неборьба: трудноразличимая ложь, которою грешат миротворцы. Без драки за свое и чужое не двигалось бы дальше и дальше, к лучшему и к худшему разом; не было б самой животы.

Ежели не хватит кому, штатским, да и тут, на селе частной, скажем так справедливости (правдивая ложь?), более угодной – борись. По-своему, опять же; вот, вот: в полном одиночестве, сам. Выгодно, с другой стороны... «Предстателям, которые в штате», – бормотнул на ходу: – защитникам избыточных прав на большее, чем в естях имущество не надо платить...

Можно бы, да нечем, увы. Сказывают, оба (два... два!) по-разному знакомых, купец Марко – ладожанин, да Федька, тихвинец – приятель, ходак: ходатаи по лишнюю правду, наемные, за деньги старатели-те – шкуру дерут; не меньше восемнадцати талеров, собакам давай! Лучше уж по-своему действовать, поскольку: простец, в общем – ни рыбак, ни оратай. Шутка ль: восемнадцать ефимков!.. Стренутся ужо, при свидетелях, в заневском градку. Али же – самой королеве челобитную выправим, за малые деньги; правильно: чем выше, тем лучше, – вскользь предположил селянин, медленно, как цапля шагая в околоторожной грязи. Вскоре зацепившее длань орудие труда отыскалось; видел рукоятку, на треть.

Некоторый час погода Вершин, повинившись подружью в том, что упустил корабельник вкратце обо всем рассказал, тут же, *по горячим*, как выразился укко *следам* сделали на темя примочку – а через неделю, затем чтоб наперекор приключившемуся подле тропы в сторону пожоги смогла восторжествовать наконец полная, начаял мужик, в отношении его справедливость подал в городке за Невою на врага челобитье (талер – площадному писцу).

Лист, на худоватой по краю, но зато без помарок, видел покупатель бумаги – жалобу на имя владычицы земель, королевы, о которой лишь тут, на площади чего-то узнал, от справщика вполне достоверное, с поддельной печатью штада и подписями двух лжесвидетелей, *выдавших* разбой (по шланту, настоящему – дешево) немедленно снес в хоромы генерал-губернатора. Таки достучался, переполошив околоток, – думал, возвращаясь к семье. Отдал *капитонам* наместника – и то хорошо, аже по-иному нельзя. Те пообещали отправить. Новости!.. Бесплатно? за так??

Вскоре, не дождавшись ответа владычицы – заморской отписки на жалобу, как есть самоchinно, думалось в какой-то денёк грамотоподателю, Парке штатские затеяли суд;

Ладилось не в пользу Матвея, но потом, на беду как-то неожиданно, вдруг судьбы, как один захворали. К счастью, показалось истцу – сразу же за тем, как, поохав троица судей губер-

натора, гуськом удалилась вызвали к разбору иных. Странно, – удивился мужик. – Но, да и спасибо на том, что сообразили прислать более здоровых, на вид; правильно; чем крепше, тем лучше;

Ай да молодец губернатор! – пронеслось в голове, было, приунывшего Парки вслед за появлением в палате, где велось разбирательство надежных судей. Лихо, что приставил посредничать в беседах сторон с троицею новых служак нового, опять же толковника. Нанятого им накануне, русича, из местных отвел; как-то не особенно кстати. Но, да хорошо: не заставил сызнова платить за пособничество; как бы, помог.

И толмачил новоявленный, свейн, из каких-то людей второго бургомистра, не Пипера существенно хуже, часом, угождая ответчику, в ущерб ищее многие слова пропускал; вышло, ни во что не поставили его, русака. То же, приблизительно – судьи...

Кончили суждение за день. Пеню, восемнадцать ефимков – за напрасный поклёп, как приговорили в суде ставленники лжедобродетеля, принудив затем в слышанных словах расписаться под изображением льва с поднятым у морды мечом – выплатить в доход магистрата. Буде не захочет вносить пенязи, вещал переводчик, оные доправить кнутом, а коли и то не проймет взять двор, *доставшийся бесплатно* на город.

Ну и справедливость! Как так?! Полный произвол, да и только. Местных уроженцев теснят, с ненавистью глядя на свеев рассудил селянин: с тем, чтобы дома отошли к финцам за какой-нибудь шлант, выходцам с корельских земель; силою сгоняют людей; «Двор – Инке? Станется, с таковских судов!.. запросто», – явилось на ум.

Худо, что свидетелей не было; не смог залучить; родичи, узналось как ехал к городу: в свидках не свидки, прочие, утупив глаза молвили, что им недосуг. Что за невезенье! разор!.. Было и не то и не так, противу того, что вещал рыночный писатель, нотари. Свидетелей потребовал в суд главный, председатель – живьем... (Добавили б еще восемнадцать!) Лучше бы вообще не пытался жаловаться, сам виноват... Нечто наподобие сиего: струя на портки, ятая на встречном ветру. Где уж, там у нас, в королевстве, скажем поневоле хоть так полная, для всех справедливость!.. Силою добудем поклон. «Яз тебе ужо, погоди! Сам», – проговорил, уходя трижды потерпевший, истец в сторону толковника, Стрелки.

«Вот не ожидал! Почему? Чо эт-то?? – дивился ответчик, подобрав наконец, с длительной задержкою челюсть. – Чо же-тто сие означает: невиновен? Як так? Или же, вчистую оправдан? Двойственность какая-то, дичь! Право же то. Як понимай? – думал, отступая к дверям. – Ясно для чего заменили новыми предбывших судей: дабы угодить губернатору: хозяин! Зачем? Важно ль? Отвертелся, и ладно; мелочь. Не в пример поважнее сиего – зайти на кабак, с тем чтобы отметить глотком ренского нежданый успех... Прямо-таки шкуру дерут – за всё необходимо платить! По-разному; то больше, то меньше. Ну и живота: что ни день с водки на квас перебиваешься. Плати и плати, хочется того или нет... Пиперу бы так, бургомистру, взяточнику; то же – второй, Брюринга. За что посадил, Господи на шею таких?!..»

Выйдя из палаты на площадь, селянин огляделся: где же он, злочинец? Утек. След, как говорится простыл. Кроме полусонной собаки да спины вратаря, спавшего, быть может на лавочке вокруг – пустота... Кони за углом, в стороне.

Как же то теперь воевать?

Наподдав ком навоза, ляпнувшийся в створку ворот сельник сокрушенно поохал, выбрался и, постояв, хмурый как осенняя туча над Невою, поодаль где-нибудь, в конце октября от непроходимой тоски тронулся в ближайший кабак (тот же, между прочим куда только что внедрился толковник, с радости), но тут же раздумал: терпится; и с чем заходить? – выпьешь ли, когда в кошельке токмо-то всего и не более одиный как есть, чудом сохранившийся шлант. Но, да и за два не нальют; подлинно; занеже второй пенязины, попросту нет – кончились карманные деньги, в пору, как судья председатель, главный говорун, со товарищи ушли почивать (спали за дверьми, не в палате, – промелькнуло в мозгу сельника, но в той же избе) – вытратил,

в обед на харчи. – С тем Парка, спрятав бесполезный медяк, чуть поколебавшись за ратушею, подле кружала двинулся назад, к пристаням.

18

Вот правда свеев: целых восемнадцать ефимков! любских! Да отколе их ять?!.. Разве, обратиться к Галузе? Можно б... Коробейник не даст: гол. В родные палестины прилез, выразился так, на мостах. Будто бы на Охте, на ладве, баял сукноноша – в верху – некогда, еще до поры свейского засилья, теперешнего прадед витал. Опробуем; поди наскребет что-нибудь (чем больше, тем лучше). Али в богатеи вомкнулся? только прибежняется-от? Мало ли на свете лукавых, – подержал на уме, следуя к оставленной в гавани, пока что своей, думалось крестьянину лодке. Могут, совокупно с двором, думается, челн отобрать. Тоже перейдет к чужакам! Или же отпишут на их ставленника, старосту – Немца. Инке наплевать на беду, с кем бы то сие ни случилось, что ни предложи – заберет; да уж... И, по-штатски продаст, с прибылью; возможно и так. Сей ни от чего не откажется – и даже, хапун сцапает Варварку... а то... Незачем: кобель на дворе. (Все-таки, хоть что-то имеется... не полный достаток).

Странное на каждом шагу, – вникло в размышления Парки с тем как, забывая о старосте припомнил вдругорь тихвинского выходца, Федьку:

Вновь-таки поделимся злобою текущего дня с кем-нибудь... который на веслах. То же – челноки-вездеходцы: бегают, как те тараканы по дровам, да за печью, носятся... Торгуют. Но чем?! Жизнями; воистину так. Дело ли – менять животу, бесценную по нашему времени на звон серебра? Суете расточают богатство... Умные? Да как вам сказать. Что – деньги? Уработал – проел; снова на душе и в кармане, али, там в кисе – пустота. Главное, для жизни на свеях общежительский лад, уступчивость не том, так в другом, то есть, по-иному: сообщничество (или не так, лучше: общительность душ); но, да и любовь – не пустяк. И деньги, небольшие... И дружество... И песни; а что: в песенном – душа человека. Тихвинец, по-своему прав. Двойственное впрочем, как всё на стороне, в окружающем, живое и мертвое, что есть на миру. Одно, так скажем, единственное – вечная брань за то или иное свое... да и за чужое, поскольку хочется побольше иметь; думают: чем меньше, тем хуже; кто-то небольшое спасибо – простое заменяет *большим*... Подал рукавицу, оброненную – на, получи; большое-пребольшое, ну да; увольте от подобных спасибо... сдачу то и дело давай. Лишнее словечко – назад.

В чем Федька совершенно не прав... прав наполовину: один шастает, вдали от села. Тот и скучает по родине. С другой стороны, чем же то еще как ни промыслом, какой ни на есть можно обеспечить досуг, тратимый на ту же любовь: клад выкопать, в дремучем лесу?

То же – на подворье, под соколом; и тут потрудись: кажется: и то, и не то. С чем бы побороться и с кем бы – глупости, от жиру итак. Что не подопреешь, не подвесишь вовремя – готово упасть. Чуть ли то ни всё – на подставках. Что-нибудь, Всевышним подставлено под васькиных рыб... Ну его, с китами наврал. Всё валится куда-то да прыгает, коли не поддержишь чем-то, почему-то не вверх, но, пренебреженно – к ногам. Вниз падает, положим не всё, – цены же, напротив растут; пакостей от власть предержащих, свеинов – угроз, нападений, бедности, захватов имущества – всё больше и больше. В молодости как-то не очень занимала мозги эта пресловутая двойственность, а ныне, под старь видится на каждом шагу... Песен раздается поменьше; в городе, а также по селам – около – все меньше и меньше денежников, склонных ссужать пенязи бесплатно, за так, – думалось как плыл потихоньку восвояси, к родным. – Ежели дают кое-кто, в Канцах – исключительно в рост.

Прямо хоть себя самого закладывая в сундук лихваря в сицем положении дел! Видимо, придется свернуть с тракта на Корелу, в Поохтье. Да уж; по-иному – никак. Спробуем, была не была. Тихвинец, шатун коробейник в некоторой степени свой; сыщется, в корельской земле. Даст – ладно, и не даст – хорошо: разбойники, в лесах не отымут. Худа без добра не случается.

В одном потерял, в чем-нибудь ином – приобрел; по-разному; находка, для тех, кто не убоился борьбы... Лихотко – идти к своему! Просто и легко, по-теперешнему: лишь дуракам.

Господи, за все то – борись. Ну и времена! Ох-хо-хо... Суть прямо согласуется с тем, что набормотал водяной, житель омуточка, на Мье; истинно, все хуже и хуже!.. Расстраивай бессчетные козни злобоодержимых врагов, побеждай сопротивления, то в том, то в другом. Главное, работай всedневно что-нибудь, во благо семьи, да сопоставляй по-хозяйски, труженик с доходом расход; сиречь, созидай истребляя, расточай – собирая, сказывал у домен двоюродный братеник, Жеравль. Вовремя бы вспомнить науку! Расхлебывай теперь кисели... Во как получилось: за талер, данный площадному писцу вышло, челобитчик наказан: выложи теперь восемнадцать. Тут еще вдобавок, по случаю барана купил, с тем что на подворье лишь две (третья околела) овцы... Жаль. Впрочем не овцу, а себя.

Дешево, считай, приобрел. Или же его навязали, не пойми разберешь. Большого не надо итак. Больше бы земли, подходящей – можно бы б... и двух батраков... Чуть ли не пропил, в кабаке чудом сохранившийся шлант. С жадности барана купил, ежели по правде сказать, – думалось, как штад Ньюенштад остался далеко позади. В общем, набегает потерь. Можно бы продать. Рыбакам? Кто его, барана возьмет? Прямо-таки, замкнутый круг. Как же из него выбираться?

Все происходило не так, – хуже, – промелькнуло в сознании. Причина: корабль; оберег. Исчез – и пошло-поехало к чертям, покатилося, к худшему, одно за другим: околоторожный удар по голове, санапалиною, слезы хозяйки, далее несправедный суд, пеня – восемнадцать ефимков, серебряных, – а что впереди?

Федька, разумеется даст, тихвинец... Ого залетел! Где же это – Тихвин? Ах, да, сказывал: за Ладогой-морем; за тридевять земель от Невы. Станный человек!.. неужель? Как бы, не от мира сего. Эдаких как наш вездеходец, – промелькнуло у Вершина, когда разглядел сокола на взлете, за Речкою не так-то и много – больше, занимаясь отходничеством шастают те, которые весьма ненадолго покидают родню – на год, али там, полтора; не более... Дошло, наконец. Истина лежит на поверхности: гуляй одинок. Стало быть, начто ему деньги? То-то и не слишком богат... нищ, лопатоносный шатун. Тайное становится явным...

Эх, коробоносец!.. А вдруг? Так тому и быть – навестим купчика, в его палестинах: нужное; иначе – никак; трогаем, – итожил помор, шествуя в вечернем свете с пристанки, вернувшись домой.

(Думается Вершин не знал, встарь, что перебежчики – разные. Понятная вещь, то же, в одинаковой степени касается нас. Полностью, во всем одинаковых не будет в грядущем. Неодинаковость живого и мертвого – пример постоянства, на котором стоит само существование мира.

Тихвинец, с его поведением в заневской земле, странным для крестьянина, Парки – единственный пример всяческой борьбы за свое. Глянем на себя нелукаво – и сказанное тут же дойдет.

Мало ли на свете бродяг, скитальцев – добывателей счастья одаль от родной стороны? Уйма, вещевал губернатор; дескать, таковых ни в тюрьму не пересажашь – мала, ни же нипочем не получится приставить к сохе – что, с небокоптителей взять?

Также, не сумел отличиться, в смысле умножения благ Стрелка, бургомистров толмач, в прошлом – перебежчик; *с водки на квас перебивался*. Беженцы де, рек губернатор (главы 27, 29), что, думается сущая правда-истина – и были, и будут. В течение трех десятилетий, по установлении мира¹¹ каких только там, в штаде в седую старину ни знавали приходцев соискателей счастья: от движимых надеждой на лучшее, несчастных людей до закоренелых убийц;

¹¹ Подписан в деревеньке Столбово, на тихвинщине 27(?) февраля 1617 г.

Нюен, расширяясь вбирал даже иноземных преступников, людское одонье. Кое-кто, на сотню один, впрочем выбирались наверх).

19

Тем временем, денька через два после происшедшего с Паркою на охтинском устье – в Канцах, за Невою, в судилище – в просторном доме старосты Мелкуева, Туйвы, жившего в верховьях реки под вечер собрался народ:

Подошли чинный, с брюшком Тихонко, прозванием Ламбин, беспашенный крестьянин, бобыль по имени Первуша Рягоев, сподобившийся клички Воняй, чуточку болезненный с виду – желтоватый лицом, низенького роста жилец Ладвы Старой (за выгоном, поближе к пого-сту – нарицаемой, также местными Огладвой Галузинскою), именем Прохор, в жителях – Проша Сморчок; вслед Прохору явился приятель вахнина, Мелкуева – старосты – Афонюшко Ряполов, на прозвище Князь. Далее пришел, заглянув наскоро прищуренным оком в слюдяное окошко невадали от крыльца свойственник хозяина дома Ворошил Козодавлев; «Хитрый мужичок: не присядет – а, поди-ко ж, нагадит!» – бояли о нем кое-кто жители соседних домов, злые на язык поселяне, впрочем за глаза. Наконец, прибыл некогда покинувший родину, считалось в кругу местных, чтобы жить в Агалатове, на Старой Огладве русич коробейник Галуза.

Туйво на подворье один, знали мужики сотоварищи: жена умерла, дети кто куды разбежались, не подав о себе ни самомалейших вестей; может подалися к москвитинам, вешали в домах.

Тут-то и пошел разгораться надобный как хлеб разговор, тот, из-за которого втай, по одному собрались:

«О, Мои Палештины! Не раздумал назад? – молвил с появлением Федьки, пришлому хозяин избы, вахнин Агалатова, староста – Мелкуев. – Почнем, – соборищу. – Чего-й-то, мил друг – так, без короба? с одною лопатой. Заходи, заходи. Всё перекопал, землетрудник на своих палештинах? И чего ковырять? Ну. Перелопатил – посеи. Прибыль: ни одной новгородки, ломаной. Работал, копач? Трогаем? Ну как, вездеход?»

Князь хмыкнул, пристально воззрясь на купца, как бы повторяя вопрос, Федька, ничего не ответив ни тому ни другому бросил, не спеша поздороваться растерянный взор на Прохора, стоявшего рядом: дескать, мол твои – не мои корни-привязи-от здесь, на Огладве; нам ли обрывать по живью? – «Бежим, одноконешное дело! сходим», – прозвучало вослед, ровно бы Сморчок произнес отповедь, поняв русака.

– Годь, малой! Выискался! Ишь скороход, – баял, напирая брюшком на Прохора, воспротивился Ламбин: – Молод говорить за других. Як тут, с ребяtnёю сойдешь? Думай!.. разбегутся. Эх ты. Дома-то с тремя сорванцами в преизбытке лихот. Слыхом, кое-где на Ыжоре, за Невою разбойничают, на большаках возле порубежий рогатки. Пустишься в обход караула, так совсем пропадай: ввязнешь в придорожную топь;

– Кто-нибудь зальется, – брехнул, в сторону Первуша, Воняй.

– Типун тебе за то на язык! Высказался, дурень... Эге ж; запросто, – изрек, помолчав несколько мгновений корел. – Всякое возможно. А – волки? А не то, налетишь где-нибудь на конный дозор. Тут еще, – касаясь пузцом Прохора, добавил с оглядкой на Версту, коробейника: – отстань от родных, исстари освоенных мест. Хочешь, так срывайся один, да и вообще помолчи, – молвил, отступив от Сморчка. – Плачешься: невесело жити, – а кому хорошо: нам? Туйве? Истерпи, одолей временно нелегкий живот. Як там, вдалеке – неизвестно. Где она, вольготная жисть? Выскачка!.. Постарше тебе все-таки, годочков на пять, – выговорил, чинно сложив руки поперед животка.

– Не сменим ли кукушку на ястреба, – сдается Сморчок – тогда голос вахнина, негромко пред тем что-то излагавшего Федьке, тихвинцу заметно крепчает: – Ну-ко испытай вездеходца,

своего захребетника, с которым живешь. Тихонко, тебе говорю. – Много ли хуже в соотчиках? Ответствуй, шатун.

– Лучше, короеды. Сходи!.. Чо там размышлять, – произнес, думая о Тихвине русич в сторону того, кто спросил. – На Луге, за ыжорской землею не ахти оно как, но, сказывают люди: терпимо; не вымерли, – вещал коробейник; – ну, а под Тифиною, за морем не худо живут; как же то не знать, – прицепил, чуточку потупясь гуляй.

– Можно бы и мне заодно, ежели случится исход. Зрил землю предков... Накушались по горло, досыта... Насмотрелся чудес так, что хоть к чертям выбегай, – молвя усмехнулся вослед яко из-под палки Галуза, удержав при себе крадущийся недрами вздох. – Наполнившись по самое горло; право же... Уелси прародиною. Шутка ль сказать: вытратил незнамо на что чуть ли не одиннадцать лет.

– Слышь? Правдою глаголет русак. Хуже, чем на днешной Карьяле нынеча, поди-ко не будет. Побежим, али как? – Туйво, подержав на разносчике рассеянный взгляд, внутренне сочувствуя Федьке, впавшему в немилость судьбы, медленно пройдясь по избе, думая, потрогал висок и, не доходя до припечка возвернулся назад;

«Именно: липучая мысль; докучная, вернее сказать, – вскользь проговорилось в мозгу: – Вечер наступил – и она тут же вылезает на ум; экая нуда. Принеслась!.. Явится – не выбить колом».

Вахнин, попытавшись прогнать мыслимое, *то, что не выбить*, перекликавшееся как-то с житьём тихвинца, потрянул головою; «Сыновья, сыновья... Де их там найдешь, в москвичих?» – произвел ось на уме призывком изустных речей. – Совесть, казак? Променил!.. Эхх мудрец. Наматывая на ус повидальщину... И ты, Тихонко. Терпится? – кивая на Федьку, сникшего изрек селянин: – Не вумностью, – ногами доспел!.. Так оно, Ондрейн Хуотари?¹²

– Так, вахнин; сходится, мои Палестины, – отозвался гуляй. – «Неистинно, – подумалось Федьке, – то, что казаком ни в Поохтье, ни тем паче под Тихвином никак, вопреки сказанному старостой не был. Тот ведь, казак – что: суть вольнонаемный невольник; ясно же; нанялся – продан; рабская свобода!.. Казак – взявшийся батрачить за деньги безземельный, бобыль пашет на кого-то чужих... Кормится подённой работою, – мелькнуло в душе. – Всякие бывают копатели, не каждый богат».

Кто же он, в глазах своеземцев, да и, также своих? – вскользь порассуждал вездеход: – Еже не казак, припожаловавший к ним за рубеж, в Карьялу промышлять сукноношеством, то кто же он есть? Был некогда, – припомнил, – на родине какой ни какой, все же, таки – собственный дом, около: большой огород с яблонями, одаль – борок... Вспахивал отцовскую задницу – наследный отвод, в общем-то, удобной земли.

– Эх, Настасья... – «По коням! – пронеслось на уме, вспомнилась литовская брань. – Власть... напалестинивши; но; с лихом чересчур – перебор, преизбыточно». – Блудяга и есть, – молвил в пустоту вездеход, с нежностью в глазах улыбаясь. – Вырвемся; подправим дела.

– То-то и оно, Хуотари. Нагляделся чудес? Полюби? – «Пожалуй; а что: яко бы, денек или два, с годиком... побольше в раю, выразимся так, побывал; именно», – явился ответ. – Шутись, полагаю; не то. Рай – по красоте стороны, прочее: ложись помирай... Как тут не затянешь Настасью – песенку, – заметал хозяин, Туйво, пробираясь к дверям: – Лазаря, того и гляди в эдаком раю запоешь; станется!.. Доколе терпеть? Уломали вы мене, мужики – трогаем. На Русь, так на Русь... К лучшему, товарищи.

– Ну. Одноконешно – пора; съедем, – проникаясь былою, временно пропавшей решительностью молвит Сморок.

– Людие, невзгода пройдет! выживем, – упорствует Ламбин.

– Вряд ли, – сомневается Князь.

¹² По-карельски: Федор Андреевич.

Туйво, толкнув дверь вышел, пропуская вперед малого Первушу Рягоева, по кличке Воняй – думалось, как нам представляется: проведать козу. С тем вахнин, поглядев на окошко, за которым сидел, трудно различаемый Князь, медленно спустился к земле.

Как не подивит окружающее? Вечер и день, яко бы – сомкнулись в одно! Тишь, полная, – отметил мужик, – дали, за деревней – сама, голубоватая беззвучность; еле различимое, одаль – марево, по краю земли; около двора холодок. «Тюй-тюи... ти... тюи» – донеслось от кустов. Гладь озера, за бывшей часовнею окутал парок;

Вскрикнула и тотчас умолкла, будто испугавшись чего-то зёгзица, вещунья кукушка. «Расщедрилась не так, чтобы очень: годик, – усмехнулся корел, – но, да и спасибо на том». Солнце, увидал деревенский, выходец на двор закатилось, уходя на покой где-то в занемецкой сторонке, но и, с тем наряду селище отчетливо зрилось – вплоть до заозерных лесов окоём чист на несколько полетов стрелы.

Туйво, заглядевшись на землю отчичей легонько вздохнул: «Эк-ка благодать, красота! – проговорилось в душе: – Только что заметил... Привык? Али же, совсем отупел от непроходимых трудов? Клеть валится – свиарник, пустой (кладбище для сена, хорошего), котух для козы... пашня зарастает; в избе, старой, довоенных времен – что-нибудь поправь, почини... Тут еще, не очень давно, скорбная, скончалась жена. Ветхонькое всё, разрушается. И, с тем наряду – родина, могилы отцов... Дом. Кровное, сызвеку своё! Мало ли, в конце-то концов. Главное, имеется хлеб – хватит аж до самой весны. Как там, за Ладогою? Вдруг попадешь, аки побродяга на чепь? Да и переплыть – не пустяк: море! Да и многоверстная даль. Но, а рассудить по-иному: до каких же то пор сытиться примесом в зерно крошева сосновой коры? Всё, родина. Уходим, Карьяла».

Староста, вздохнув поглядел на приозерный мысок:

«Поженка... Подале вон там, к лесу рыболовная тоня, за рекою – земля. Собственная!.. Где-то (в ларце?) грамоту храним береженную, отцову на клин – дед выправил, еще при своих, ездил тут один межевщик. Рыбное угодье не чищено, земля – перелог, вот уже четыре годка; выродилось. Да и с пожар, пашенок, по правде сказать – тот же, приблизительно прок. Лихо!.. Собираемся в путь.

«Яло херра, Яакко Пунтус...» – помнится, не слишком давно пел на переправе, под Саккулой¹³ слепец кантелист;

Русич, коробейник зовет гусями корельское кантеле, – явилось на ум: – разное, по сути: одно. Да и на миру не совсем разное, с каких-то времен; да уж: в большинстве деревень – весей, на его языке людие, корела и русь – яко бы названные братья, для которых судьба выставила общих врагов. Ну-ка мы подтянем певцу, с горя, или как там изречь; все-таки – получше, чем вой с голоду, в корельской земле».

Тут же, начав с конца медленно-предмедленно петь вахнин постепенно увлекся и затем приумолк, не взвидев, как из ближнего койвиста – березовой роши – выбрел на опушку, за кладезем какой-то мужчина и затем, постояв так же неприметно исчез, точно растворившись во мгле, а во одночасье позадь старосты, на верхнем приступке восточней, скрипнувших чуть-чуть примостился русич коробейник Галуза.

20

Местный обернулся:

«Ходец; песельник... Ондрейн Хуотари», – пронеслось в уме.

– Голову повесил, гляжу.

– Ась? Так-к.

¹³ Ныне поселок Громово на Суходольском озере, под Санкт-Петербургом.

– О чем? Песня.

– Думаю. А-а... Песня? лаулу? Да так, о былом. Руна такая, русич. Ладога поет, понимай. Кантелем – корельское море. Зов с юга, над волнами несет... Слышно. Пересказом – не то.

– Ладно уж, сойдет. Не скупись.

– Жил Яков Пунтусов-от, знатный злодырь конунг, воевода-король свеинов – руочей; ну да... в некоторый год набежал в селища корельской земли, мирные – затеял войну. Время, о котором еще помнят кое-кто старики. В песне – растоптал сапогами маленьких кричащих детей в пеленках-колыбелях... Кто эт-то он там, у колодезя? – Рассказчик примолк.

– Отнял посох... силою великой, у нищих... Кто это прилез, Хуотари? Ближе посмотри, на колодезь; он де, – уточнил поселянин. – По одежде – чужак, – встав, проговорил деревенский; – вроде бы; по-моему.

– Да? Где же он? Не видно... А, есть.

– Хювя илду! Как не говорить добрый вечер: все-таки достал, вездеходца, – донеслось от кустов. – Тервех, кореляня, привет! – Чуточку неясное одаль, саженой с двадцати, смутное лицо неизвестного в кустах, чужанина красили сосули-усы, на главе – шапка: валяный, из шерсти колпак, виделось тому, кто стоял.

– Сядь, – вахнину – Верста, коробейник, подымаясь навстречь; тут же, передумав присел. – Свой. Палка. Вершин.

– Здравствуй. Отыскался, купец! Надо бы с тобою сам-друг, наедине поглаголовати кое о чем. Вынудили. То и прилез, тропками, от самого тракта.

– Около – проселок.

– Ну д-да. Свичное, – изрек скороход в сторону того, кто присел. – Такое, понимаешь ли дело... Встань, – Парка.

– Ну? Встал. Выкладывай. Чего там, дружок? Мучаешь, задержал совсем... Ванька-встанька.

Стихло, у крыльца – отошли.

«Суд... Пеня – восемнадцать ефимок талеров... прямая беда. Тут еще барана купил... дай... нужное» – звучит в тишине сбивчивая молвь чужака; Туйво не стремится подслушивать о чем говорят.

«Слезная супруга... толмач. Оберегу нит... корабельник. Смилуйся, ну чо тебе стоят пенязи-те, дай... позарез... вытратившись» – ловит корел, часком неторопливо прохаживаясь подле крыльца, – с тем, полная уверенность Туйво, старосты в поддержке исхода большинством поселян Огладвы, а не только собранием существенно тает.

«Наш брат, мужская половина деревни... обеих деревень... да уж, так: полегче на подъем, побежит; как-нибудь, – мелькнуло в душе; – стронутся. Иной разговор: женщины, – смутился корел: – Этим переход за рубеж (к лучшему ли, в общем не важно) – пагуба. Воистину так: рушится налаженный быт... Нечто наподобие подвига. Кому-то из баб незачем срывать. И то: дескать, по словам Ворошилы, русича – добро не хотят (много ли его?) потерять;

Некоторой части хозяек, сказывали: в хотку сойти. Разные – и судят по-разному; таков человек – что ни предложи возразят... Склонных уступить, согласиться с чем-либо нигде не бывает! Каждому – своя правота. Общество людей, говорил тихвинец кишит несогласными; на то и ходун – дескать, навидался таких;

Ладно бы, одной Ворошилихе, – а что, например – сход, переселение в Русь для вдовствующей несколько лет, неблагополучной Авдотьи, даром что, с кончиною Иволги хозяйка избы злющая старуха свекровь? Терпится, вещала на днях вдовушка, утупив глаза. Что б ни повенчаться? И то. Надо бы сказать... говорил. Напомнить, поутру. Не откажется: жених как жених: обликом – не чёрт, работащ. Что еще? Умеренно ест... Можно бы, да только не тут: вымерли христовы служители, не то разошлись. И чадушки... Осталась коза.

Горестно – терпи, одинец. Выправится как-нибудь, позже. Русич, купец баивал: не люто бо есть тощему коняге упасти, горе и беда человеку (странно: с борозды?) не востати; в целом, приблизительно так. Жалостен удел – одиночество, особо для тех, которые, под скрыпы сверчков, да шорохи, да стон домовых, зимами отходят ко сну. Можно бы, наверно сказать: люди одинцы не живут, но, выразимся так, по чуть-чуть, медленно сползают в гробы. Хочется, иль нет – полезай;

Больно уж... того... перебор. Надо же такое удумати, – мелькнуло в душе: – Вот именно: и сам не уснешь – к ночи! – спохватился мужик. – Людям не дано вечновати, но когда не один, с бабой – не слышать домовых; думаешь... сползая по горочке... о чем-то ином.

Хочется – и выйдет, сорвемся. После разговора, ну да. В хотку ли – Авдотьё? Вопрос! Или не спешить, до поры? Тешиться надеждой на лучшее? А вдруг не придет... Все-таки: остаться? уйти? С нею? Без нее, самому? Ежели остаться, то с чем: с родиной? с могилами предков? С видами окрестной красоты? Она, положим не часто кажется в постылой борьбе за полуголодный живот.

Баивали, некий монах, с Господом беседа в дереве, освоив дупло – в шишках добывает кормёж; для разнообразия де, в целом живой будто бы еще, говорят, сей пустынножитель, молитвенник грызет корешки. Прав: сыт, по-своему: питается верой в лучшее. А тут, на селе: только и всего удовольствия, – подумалось: – *вахнин*; староста деревни. А – есть? Званием начальника, выборного будешь ли сыт? Кончится ячмень – пропадай. Козье молоко выручает... Лихо – ненасытный кусок! Что уж говорить про хлеба некоторой части хозяев сопредельных полей; Ламбин по весне добавлял к еде толченой коры. Тешится надеждой на лучшее; ну да, возразил. Прохору. Зачем голодать? Лучшее – уйти от бесхлебицы, чем раньше, тем лучше... Как бы, получилось: уход – нечто... разновидность борьбы там, где не хватает клыков, – произвелось на уме старосты в какой-то часец.

Все это, живое отчасти, наподобие мниха в дереве, который вдуплился, поедателя трав и мертвое – могилы отцов, дали голубые над ельником, вечерняя тишь, прошлое, включая сюда, также благодарную память об умершей хозяйке, хороводы берез – койвисто – не главный прокорм, дали голубые – для сытых. Не просто – любоваться красотами родной стороны в чаянии лучших времен, не тянет на голодный живот.

«Каждому – своя правота», – пробормотал на ходу, в ходе размышлений корел: – и в дереве который – как все; не лучше и не хуже... И сам; не каждому: накладывай жиру в еде, чем больше, тем лучше. Ну его; залез, так сиди... Не постник на подножном питании, который в дупле. Разница! Отшельник завален едевом, а что на миру, сельщине Огладвы на зуб, выразимся так, положить? Не больно-то укормишься репою!.. А – крыши текут?.. Ни рыбы, ни соленой капусты, ни, вдобавок жилья доброго почти не видать, в особенности одаль – в Галузине, на Старой Огладве; нижние венцы поменяли, впрочем кое-кто из крестьян, сгнившие по старости лет... Ряполов, да Проша, Смorchок... Там-то и живет, на подворье Прохора копач, землерой»;

Вежливо чуть-чуть в стороне прогуливаясь, чтоб не мешать встрече постояльца с приятелем, надумав идти, как ни хорошо на дворе к людям продолжать разговор, Туйво, заглядевшись на тихвинца, почти своего с некоторых мест человека, со времени, как русич помог некоторой части крестьян залежные земли поднять, встав, недоуменно похмыкал;

«Что не захотелось пожить в более просторной избе? В Прохоровой – чад, теснота, мыши по углам, тараканы. Года полтора обитал, – произвелось на уме: – Выбрался, по собственной воле к худшему. Жена не при чем. Даже и пыталась удерживать. Как так понимай? – Прохорову гниль очудачил. Станный человек; ну и ну!.. Выдворившись, Тихонке, Ламбину вскопал огород... Как бы ни забрался в гробы. Станется, пожалуй; а то; летом, вещевали разрыл земь неподалёку от кладбища, у Старой Огладвы. Сходит, на великое счастье».

Тронувшись было к деревенским, Туйво на каком-то шагу вообразил своего, в прошлом постояльца Галузу ковыряющим дерн, мешкая у восточной поохал, и, поколебавшись вовне, к людям подыматься не стал;

«Успеется, – мелькнуло в мозгу: – крик, шум; базар!.. *Вече*, говорил о таком видывавший виды купец. Право же, чужак человек: вжился в первобытную гниль; вот именно. Зачем всковырял пустошные земли окрест Прохоровой чудо-избы? Подлинное чудо: жива, все еще стоит, сохранилась! Первая ли – трудно сказать; вроде бы; похоже на то: признак, очевидный – венцы.

Некогда, в забытое время – в пору, как еще не успели нынешние деды родиться, сказывают: прибыл на Охту, к ладвам¹⁴, – пронеслось на уме, – прадед сукноноши, купца, выжег чернолесье, поставил ниже ключевин в сосняке, мшистых¹⁵, по словам видаков первую в округе избы; пашенка возникла, починок; ниже ключевин – оттого, что ладвинские земли поодаль от сбега верховых ручейков, знается любому посуше.

Прохоровы предки, сморчковы притянулись потом. Прадед копача, землероя – первопоселенец, новик... Сам на верховину прилез, вынужденно, впрочем, – а сей? Кто его заставил копать? В памятник вселился, как есть. Все еще неймется, кроту даже накануне. Можно бы подумать, в земле прадедова задница, клад – некое наследство. Чужак! Пётр к лучшему, в его понимании все дальше и дальше, в горку, на которой погост – мало, ни одиннадцать лет!.. Странные дела; ну и ну. Выдумать какую-то задницу, наследство, считай – признак небольшого ума. Будто бы? Не кажется, точно. Прадед поумнее, новик: ежели чего-то и нажил, ценное, допустим на миг: талеры – сволок, перевез; прочь выбежал, спасая живот. К Тихвину подался, по-видимому, в пору войны. Кой, там – серебро али золото, – наследство: изба. Дед Прохора, поведал Смorchок, дескать перебрался в ничей, как бы то, впоследствии ставший выморочным, двор новика, в прошлом совершенно пустой – даже тараканы в доме, с выездом жилья не водились... Правильно, что выбежал вон...»

Яко бы то меч-кладенец в пляс пустился по карьяльской земле, – думал чередом селянин, вглядываясь в белую ночь: – в некоторый год набежал Пунтус Дела-гард, маршалок; песни о набеге отца, руны не успели сложить – вслед ринулся в Корелию сын, Якобко¹⁶, такой же злодырь... Тоже, говорят, наследил кровью непричастных к борьбе князей да королей да царей за переделы границ. Чем кончился последний наход: взятием Корелы? Не только. А – пашни земледелов, под городом-твердыней Корелою, а – ближе к Неве, лучшие из лучших в отечестве, бобровые гоны? А – волок судоходный, за городом, у Ладоги-моря? Где она, Великая Русь? Нету, далеко в стороне: сказывают, новый рубеж вынесен куда-то на юг. Как бы, на печи переехали в другую страну: спать правилась под царскою шапкой, общею на всех, пробудились, тако же, под общею круной;

Время возвратиться под шапку; право-но. Приспела пора!.. Не выйдет, не получится – за ночь. Медленнее – можно; как выйдет. – «Лучше уж – в заморскую даль, – проговорилось в мозгу, – нежели в гробы, у села».

Двойственное, впрочем: а вдруг все-таки изменится, к лучшему... Само по себе? А – городовое, а – конное? Туда ж: мостовое. С лихом всевозможных повинностей... все больше и больше. Но, да и налогов не меньше. В бранники, насильно записывают, – вспомнил мужик, – лучших поселян, богачей сманивают в чуждую веру; к счастью далеко не везде, Рауда¹⁷ – отдельный пример... Церкви православные жгут. Сделали до смерти – убили ни за что, за пустяк Иволгу, авдотина мужа. Словом, набегают причин выбежать, из худшего; ну. Станется! Доколе терпеть? – думал, покидая крыльцо.

¹⁴ *Ладау*, по-карельски: верховье, верховина реки.

¹⁵ Что действительно так (по состоянию на 1964 год).

¹⁶ Шведский маршал Якоб Делагарди в пору междоусобицы, смуты на Великой Руси (1583–1652).

¹⁷ Поселок Сосново, менее чем в ста километрах севернее Санкт-Петербурга.

Сборище затеяли, сход... вече, – произнес коробейник, в сторону пришельца: – Эге ж; староста, Мелкуев назвал. Чуть не половина деревни... Дуют.

– На чего? на кого? Дай же, – говорил собеседник, вслушиваясь в молвь поселян: – Сызнова пошли словопрения! Все то же: гудуть. Громче, с появлением вахны... Кой, там – советование, – торг; яко бы – заневский базар. Чо д-делят: выгон? Пустоту, в погребях? – нищие, по виду земель. Да уж, получается так. Господи, ну что за народ.

Важно ли, что Парка ошибся? Главное: отметил в речах противоречивую суть – мнения сторонников бегства и не склонных спешить к лучшему и тут разошлись.

Разочарованный отказом приятеля по-дружески выручить, проситель издал громкопродолжительный мык, сморщился, поскреб в бороде, медленно, в тяжелом раздумьи бормотнув про себя, в сторону: «Че-го заложить?» (ой ли – согласится), изрек:

– Може бы... Конягу возьмешь? Делом предлагаю; бери. Землю на Огладвиг орать; с выгодою; но, – прицепил: – деньги! По рукам? ну и как? Временно, до зимней поры. Чем тебе, оно ни заклад. Только-то всего, за наём жалких восемнадцать ефимков.

– Дал бы, да никак не могу. Ни даром, ни под честное слово, – проронил с хохотком, больше для себя вздоход, – ни же – под залог. Не серчай. Пенязи нужны самому – во отчины, с корелами дуем.

– Правда? – подгородный: – Да? так? Это ж на которые счетом?

Тихвинец: – Смотря для кого. Некоторым – двух маловато... Сходим на Великую Русь, единственную родину-мать. Вдосталь насладившись прародиною... копкой земли – уелся, на твоих... на своих, лучше бы сказать палестинах так, что хоть к чертям выбегай. Шутка ли: впустую прошло чуть ли не одиннадцать лет. Всё перелопатил, – а прок? Выгода, считай: пустяки... Едево, за труд на полях. То ж: по деревням дуролесил сколько-то, – а где он, барыш? – меди кое-что набежало, да чуток серебра; свейские, по виду ефимки. Но, да не за этим прилез, – договорил вздоход, кончив непонятным: – Зазря!.. Выкопали, кто-то другой – местные. Увы, не нашел.

– Да? Как, как: вырыли? – прихожий: – Чего? Ну-ка продолжай говори, – сделавшись внимательным, гость.

«Рано, – усмехнулся разносчик, мешкая с ответом.

– Сказать?»

– Эт-того не хочешь? – изрек, чуть поколебавшись:

– Нюхни; даром. У-у как-кой хитрован, – нехотя откликнулся правнук первопоселенца Галузы, складывая перед лицом Вершина увесистый шиш.

«Что же, как ни прадедов клад!.. Был ли он? Вестимое, был. Не было б, – мелькнуло, – так не было б на свете (аж двух!.. в разном пересказе преданий, связанных с житьем новика. В более правдивом горшок – еллинские деньги, не талеры закапывал прадед, говорили в роду, жители окрестных дворов, местные считают: прабабка;

Противоречия, в любом понимании обычная вещь, тут же, – подивился мужик, – главное, в поверьях: сошлось!.. Каб ни опостылело до смерти копал бы еще, вплоть до замогильных низин; больше – лучше».

– На-к. Не обессудь, Пал Ываныче на малом даяньи. Более не в мочь. Прощевай! Только-то. Всего лишь... пяток. Шесть талеров... не грецкие деньги. Коли заработал, по случаю – бери, скороход; именно: не шутка – прилечь в нашенскую даль-глухомань, – тихвинец, достав серебро. – За день? Молодец! ну и ну... Сам-то не всегда, с коробком.

– Запросто; в прискокчу. За так?!.. талеры. Бывает ли так? – Вершин, поглядев на избу: – Сходят, получается; но. Стало быть – конец палестинам? восвояси?

– Ко-нец!.. Ну же, получай. Бескабально. Дание – за так, насовсем. Пользуйся, коли повезло, проговорил коробейник, вслушиваясь в молвь поселян. – Совесть человечья обосрата, – изрек, помолчав, – с тем, перед Великою Русью нетути особой вины... Убо никого не убил, в торге ничего не украл. Эх, Настасья.

Можно ли найти оправдание тому, как жилось? Чуть ли не кругом виноват. Ни, тебе – достаточной прибыли... одна суета. Где они, одиннадцать лет? Вышло: как себя самого, мысля преуспеть обобрал. Что, как ни предательство жизни? – Федька, прикоснувшись к щеке охнул. – В каждой неудаче – урок, – молвил, собираясь уйти: – Что б ни совершилось ненужного сгодится потом. Счастья и несчастья, по-моему чреваты детенышами; как бы... ну да. Беременными ходят, считай. Вылезет когда-нибудь счастье. По-иному, не так. Скажется потом, на Руси. Нынешнее-от про запас. Ничто не пропадает бесследно, – прицепил на ходу. – Бей, да бей. Дурь не пропадет, человеческая; или не прав? И воля... Никогда, ни за что.

– Кланяюсь даятелю земно, благодарствую, друг. Кто не ошибается? Все... Аз – тут, на свеях – родина, какая ни есть. Хочется, незнамо за что даже и такую любить; мало ли, оно для души? Да и не Огладва для тела – даром, что изба поглядает на реку Голодушу, к голоду пока не идет. Есть, слава тебе, Господи есть. Главное, жилось бы по-старому; чтоб не было хуже. Как-нибудь. Все лучшее – вам, сельщине, что дует на Русь. Терпится, и ладно; живой. В чем-то – королевская вотчина, с битьем пистолетами, а в чем-то – своё. Правда и неполная правда, получается: вкупь. Двоица; двойное – во всём, даже в отношении к родине. Потерпим, ништо.

– Правильно сказал. Не спеши. Бьют? Мелочь поголовный удар, бьют – везде; принято. Живется – сиди. Каждому свое понимание что правда, что ложь; разные, – итожил под скрип ветхоньких ступеней Верста. – Вслед, стукнувшись о низкую притолоку, видел помор тихвинец растаял впотьмах;

«Тут – мелочи; стволом – не пустяк, – выговорил Парка, в себе. – Скатертью дорога! прощай».

22

Вскоре совещание кончилось. Решили, зазвав некоторых женщин селения в дальнейшем сойтись в более широком кругу.

Федька, обещавший присутствовать куда-то исчез, а потом, видели, чуть-чуть в стороне от первоначального кладбища, могильных камней вскапывал саженный бугор. «Все-таки достиг своего, – изрек для ушей Прохора сосед, Ворошил, собственник улучшенных пришлым с помощью лопаты земель: – чем тебе, оно ни сокровище: прабабку нашел. Сходит, к сожалению гость; как не жаль?»

Сладили всеобщий суем в рощице Дубок, за Оглаввою; немалая часть бывших перед тем на дворе старосты на сход не пришла. Тут же, сговорившись о главном положили: сплывут, Ладогою-морем, в челнах. Сбилась небольшая станица – все, как на подбор безлошадные, не лучших крестьян. Душ тридцать вышло к побережью, дерзать; выбрались, конечно пешком.

Да уж, не весьма по нутру видь голубизны берегов! Не на тещины блинчики собрались, – пронеслось на умах некоторой части бежан.

«Слева-позади, невидомая поодаль – Корела, крепость, за которой посад, к северу, – явилось на ум выбранного миром вождя, – в нонешности то и другое, совокупно: Кексгольм, залитый в добу лихолетья кровью оборонцев твердыни русичей да наших отцов, пристань на торговом пути...»

Вырванная силой, покинула Великую Русь каменная крепость Корела, труднораскусимый орешек, и еще покрепчала, будто бы то, в несколько раз: в стены, по словам очевидцев, сказывал народ полагали рухнувшие в ходе пальбы по головам осажденных останки православных молитвениц, надгробные плиты, – вскользь вообразил предводитель, Туйво на последней вер-

сте, в ряжи мостовых оснований, матицы опор – валуны. Сплошь – камень. Далее, случился пожар, строились... Поменьше чуть-чуть городского дела. В общем, неширокий пролив Кягисалми, по словам рыбаей тамошних корелов таит уймище опасных судов, с пушками, припомнил беглец – стражей водяного пути. Дальше, у дороги на волок, в направлении моря вежи смотровые – палатки, по деревьям – глядеть в дымку берегов свысока. Тиверская крепость, поменьше, к западу, считаем – пустяк.

С полночи на юг не уплыть: Корела, боевые суда, восточнее – подозрные вышки на деревьях, смотрильни, да и чересчур далеко, – сообразил предводитель с тем, как пешеходы, устав расположились на отдых, – но и, впрочем не то – к югу от речных пристаней: там береговые дозоры, конные, возможно. Как быть? Всюду – непроходно.

«А тут?.. Спробуем! – подумал вожак, прохаживаясь время от времени в виду берегов: – Тайбола немного смущает, – промелькнуло в сознании, – по-нашему: Волок, место перевозки людей посуху на плав по воде... Волоком – на Оксу, во глубь; около, в пределах обзора – плёс, глубоководный разлив, Суванто¹⁸ – рукою подать, видел тихоненок, приемыш Ламбиных, взобравшись на ель, там же, невдали – крепостица небольшая, острог, некогда основанный русью, воинами – Волочек Сванский...»

– Нету на посаде жильцов; да уж. Никого, ватаман. Пусто. Ни солдат, ни людей, – молвил, возвернувшись назад разведовавший местность торгаш.

– Отстали коногоны от промысла, бывалые; но, – проговорил верховод. – Некому, гостям парусить. Ну, а в крепостицу входил?

– Яко же, – разведчик, Мелкуеву: – И там – ни души... сколько-то бродячих собак. С дюжину небось; не считал. Можно бы отсюда уплыть, ежели найдутся челны. Сем-ка прогуляемся вниз; около, – примолвил, – рядом.

Не было; вернее сказать, выискалось ниже – в кустах нечто наподобие лодок.

– Ну их. Не годятся, – корел. – Трогаем подальше, на полдень. К Морьину. Быть может найдем. В путь! – распорядился вожак.

Чуть позже, только-только народ выбрался на берег, к гурьбе присовокупился беспашенный крестьянин Рягоев, раздумавший, было накануне вечером пускаться на Русь; также, коло самой воды, следуя низком задержались.

«Вовремя ушли, – рассудил набольший дружинник, ватаг, слушая в толпе сотоварищей рассказ бобыля; – чем-то пригодился, Воняй!.. Первуша... несущественно дак. Дескать поутру, на заре скуда ни возмись налетел выборжец вельфебель Ортюшко, русич по природе, водырь конного дозора свеян. *Скуда ни возмись*, понимай так: с дороги направлением к Суванту – по ней прибежал, чуть не босиком, репоед. Спасся, получается; ну. Бражничали, нать полагать в корчме, на перекрестке дорог, проездом из Корелы на Выбор, – вскользь вообразил путевод, вслушиваясь в речь беглеца, – въехав на деревню, хмельные – занимались грабительством...

Чего?! даже так? Мымру, старика и еще некоторых, кто помоложе повязали, силком в бранные солдаты! ага. Тот же воевода, Ортемий, в позапрошлом году беженцев, у тракта поймал.

Тоже, наподобие малого, Первуши спаслись – вовремя покинули Ладву... Именно; ни раньше, ни позже надобного выбрались вон».

– Тут не до имущества, друг. Минет? переменится к лучшему? Надейся и жди! Так-то. Прикусил языка? – с полуоборотом назад, к Ламбину изрек предводитель. – Лучшего, чем

¹⁸ В 1818 и 1857 гг. водоем Суванто, дважды очень существенно мелел. Причина понижения уровня, почти на 12 м – произведенные весьма неумело, наспех земляные работы. В первом случае, весной, в половодье прорвало перешеек, «место перевалки судов», и вода через проран хлынула в Ладожское озеро, а во втором ток вод в сторону финляндских озер изменился на прямо противоположный. Образовалась р. Бурная. Был глубоководный разлив, стало Суходольское озеро. Преобразователь природы, человек – потребитель. Смысл последнего слова, языком старины, также: *истребитель, губитель*.

было... терпимого, подправим – не будет. Слышал? По-любю? А ты говоришь. Так бы, повязали; а то.

Тихон, не найдя что сказать главному бежан, промолчал.

«Безвременный ходец путешественник баса-королевич, воевода без воинов, победна головушка, – подумал торгаш, тихвинец, припомнив чуток песенных речей гусяра, слышанных в последний приход к городу на устьях Невы: – Як там говорится подальше, в песенном сказании? Вот. Ежели сменять королевича на Федьку: сошлось, чуть ли не одно к одному. Горюшко!.. Ты, дескать забыл на родинах, за речкою быстрой, Куялою сердечные други – вострый ножи избулатный да меч-кладенец... Малый, вестоноша не врет. На дальней на чужой на стороне... онке заборона великая! Воистину, так».

В путь, навоевались; довольно. Даже с перебором, по времени. Положим, не зря мешкал выбираться; эге ж. Кое и чему подучились. И так, вообще. Может ли пропасть нажитое... сердцем. Никогда, ни за что. Нетути сплошных неудач. Ибо таковых не бывает. Как-нибудь; получим свое. Было б до чего додираться. Ужо победим. Выдержкою. Да и ногами.

«...В некоторой мере, сгодилося: так бы не узнал, на торгу, от зарубежных людей, что в Тихвине бывала чума. Вымерли де, молвил один плаватель деревни под Тихвином. Как быть? Продолжал. Не обогатился, увы. Мало не одиннадцать лет канули собаке под хвост.

Чо етто – пускаться на Свию неизвестно зачем: дурь? Якобы – неведомо, – знал; думалось вернуться во отчество, какое ни есть, бедное – с горшком серебра. Эхнулась, – мелькнуло в сознании литовская брань¹⁹.

Попусту, выходит копал. С тем – двойственное все, на миру: каб ни продолжал заниматься, без толку тяжелой работою, на благо крестьян, копачеством – не знал бы того, что тихвинские села не вымерли, – какую-то часть сельников де, с тысячу душ (включая малолетних, по-видимому), рек на Неве Марко-ладожанин, купец вывезли куда-то на юг. Дескать, перевез курченин (воронежец?) Корнейко Гнездилов, тамошний помещик, возможно – земли от крымчан оборонити. Ой ли – под Воронеж? За Тулу?? Верится не так, чтобы очень. Более правдивый народ, местные... под Канцем один – пришлый, перебежчик вещал, что перевели под Москву. Всякожды глаголют, по-разному. Поди разберись... Как-нибудь найдутся, попроще; да уж; не горшок серебра. Эх, Настасья».

Вот как: не нажился!.. И что ж? Спокойнее; ну да: не отымут. Жаль, но ничего не подедаешь; довольно и так – хватит сорока с небольшим, честно заработанных далеров. Куда их, солить? Не надобно ни самого лучшего чем больше, тем лучше, что свойственно повадкам граждан, купечеству, – мелькнуло у Федьки, да и, собственно всем, включая горожан простецов, ни худшего, сравнительно с днешним, ни сколько-нибудь твердых надежд на благополучный исход;

«Жив, цел, Настасья. Прочее не важно, потом. Сыщутся, – подумал гуляй чуть ли не в пятнадцатый раз; – этт тебе не деньги, которых никогда не терял. По-нашему случилось, ну да: в том, что не нашедчи сокровище – кубышку, считай ровно ничего неожиданного; было, не раз: в ждании чего-нибудь нужного почти завсегда высунется вовсе не то. Нежданнами бывают, единственно лишь токмо удачи, – пронеслось на уме, – ятые с большою натугой, в трудностях на каждом шагу.

...Но, да не впустую, положим, пролетели годки: нечто наподобие прибыли: успешно мечтал. Чем ни удовольствие? Ну. За всё, что получаешь от жизни, в особенности тут, за Куялою – изволь заплати. Рассчитывались черной работою, трудом копача. По-крупному лопатил грядущее – мечтать, так мечтать. Чем тебе, оно ни успех: было-че, приедешь на родины не то что с кубышкою, что впрочем – не мало, для обыкновенных людей, оратаев, – с мешком

¹⁹ То есть Смоленская война 1632–1634 гг. Позже перебежчик, Галуза поделится изведанным вслух.

серебра; думалось: чем больше, тем лучше. На два замахнулся одиножды... Пупок надорвал... Зарвался. Если бы придумал конягу, во-время – иной разговор».

Не обогатился – и что ж; свычное, подобно тому, что нарасказал бобылёк; то же, по свидетельству местных, – сопоставил ходец, выдывавший виды: погром, ставшийся весною под Канцами, на Лисьем-Носу;

Коль скоро нападения бранных следуют одно за другим, лавиною – так в чем новизна? Не лучше бы сие называть, не мудрствуя лукаво привычным, как свойственную всем до единого, и даже в Руси, под Тихвином, вселюдную ложь. По-видимому: время такое, – промелькнуло в мозгу; – безвремение, лучше сказать; вот именно... Да нет, не совсем. Время – как во все времена, не лучше и не хуже иных. Свыклися, особенно в Канцах с тем, что происходит в миру. Не стало, говорят происшествий... Ни, даже – чрезвычайных? Как так? По-ихнему, в среде горожан: убийство – заурядная вещь? Ложь – да, обычное, считай воровство; без наглого, порою обмана сколько-нибудь честных продаж, по совести в градку не бывает. Простительно, постольку поскольку по-иному – никак. Свеженький пример: Докучаев младший да его сотоварищ Шуба, городские купцы продали на Утке, повыше города гнилое сукно, выдав таковое за лучший в королевстве товар. Кто б его купил, без вранья? И рыбников – крестьян подгородья, думается можно понять: дай самого-пресамого лучшего, как можно дешевле; именно. Изволь получи... радуйся. По-ихнему вышло? Людие погрязли во лжи...»

23

Как? Пишут челобитную за море, самой королеве! Будто бы... Ого, даже так? – вторглось в размышления Федьки. – Слыхом де, окрест, по домам с грамотою хаживат Лис, Кетунен, во иноках – Лазарь, бывший, говорили по селам коневницкий чернец...

– Правильно, выходит снялись! Прав набольший, начальник – водырь. Вокашшу заварил Ортемон. Экко же! Да ну? – произнес правая рука предводителя, Мелкуева Ламбин с тем, как вестоноша умолк: – Жалобу? Самой, репоед? Крале? арцугине корельской? Врешь, – малому. – А, впрочем возможно; верится немного. И что ж, грамоту в заморье не свез?

– Пишут, не готова, – беглец. – Можно бы, позднее.

– Як грамотоносца пошлем. Справишься. Подумаешь, дел. Там бы, за одним, передав грамоту на ней, арцугине як-нибудь, по-свейски женился; право же, – добавил под смех слушателей. – Ну... По-людски: просто и легко. Не богат? Свяжем лапоточки полутше – и бегом под венец. Выйдешь, бобылек в генералы. Выгодно, Первуша; дерзай.

Вестник, понимая, что сказанное шутка смолчал. Тихон, усмехнувшись: – Дошло? Ну-ка соглашайся. Женись. Беден – пустяки. Не чета? Глупости, подгоним. Вот, вот: скинемся по репке и рыбке – да и ровня.

– Гм... гм. Равенство не так, чтобы очень – сомнительное, – молвил старшой, – не полное – и, с тем наряду стоило б направить. А что: в будущем, коли не получится уйти за рубеж, к лучшему: заступник, в столице, – поддержал верховод. – Дельные слова, молодец. Тихонко, а ты – голова. Стоит поразмыслить; и то.

– Выдумал!.. Не надо, – изрек, в сторону вождя Ворошил: – В городе, что в диком лесу всяк зверь на собинку пасется, живет. Незачем поди снаряжать во столицу; тщета! Выберется малый в заморье – и забыл, в городе общество крестьян, земляков. Ни степенью не вышел при-служивать самой королеве, ни ростом в енералы не гожд... Ни талеров. Босяк босяком. Якобы – народный заступник, знахарь человеческих прав. Кой, там из Первуши ходец... ходатай по делам. Не болтай. Ну тебя, нишкни, ватаман. Стоит лишь взойти на корап – и всё, и поминайте как звали. Скроется. Ужели не так?

«Шпомнит, – возразили в толпе: – родина! Не ври, Козодав. Штепеню не вышел? А сам? Выйдет, всё ешшо впереди».

– Ну-кко. Расступись, мужичье. Выд-думали тут изгалятися, не к часу над малым. Тешатся!.. Не стыдно? Эх-х вы, – с деланной суровостью рек в сторону затеявших спор Ламбин, раздвигая пущом чуть пошевевлившийся круг, стяжанную Первушей толпу:

– Ты однако, милый вернись. К Ладве. Доложил – уходи. Думается-от, не опасно – сам проговорился, болтун, только что: вельвебель утек. Знаеши дорогу, Воняй... Зельно угостил! ну и ну. Рядом невозможно стояти. Нарепившись, – поморщился Тихон, продолжая вещать как бы для себя одного. – Ешь репу-ту свою во столице, за морем, жених недоделанный в толикую меру, а не то, набегут сызнова – дозорных мори. Давече язался исправиться. Эх ты, пустослов. Нате-ка, опять – за свое!.. Трудно ли словечко сдержать.

«Шправится; оставит привычку; смилуйся». – «Отстанет. Берем! Тихонко, поверь». – «Уходи!» – «Пусть, его. Не так, чтобы очень – терпится». – «Не надо таких! прочь», – загомонили в толпе. – «Свой, простим».

– Враль неисправимый, обманщик, – проворчал Козодавлев.

По-разному вещали, кто как, что впрочем не должно удивлять. Противоречия не в том, так в другом даже и теперь не редки. Спорить по великой нужде, отстаивая что-то свое и, часом возражать, на словах едва ли не по каждому поводу – в порядке вещей. Так же, приблизительно думал Федька, пробираясь в кольцо ставших расходиться бежан.

«Кончилась потеха!.. И; нет. Ну-ко мы еще позабавимся; чем дольше, тем лучше. Что б то ни помочь сотоварищам отвлечься, уйти от мыслей о мешках. Пособим. Важно ли, что Тихон примолк. Мало развлечений – добавим. Просто ли, – неслось в голове попутчика, – под грузом вещей, пожитков размышлять на ходу о чем-то не весьма злободневном и, вообще говоря без надобности ум напрягать; как-то не совсем по-людски; лучше уж, пока позволяет жареный петух, не клюет кое и куда – поразвлечься».

– Странный дела, вездеход. Задумаешься! – рек между тем, в сторону торговца корел. Припустив к чинной внешности, отметил торгаш с лихом нарочитую строгость, Ламбин озадаченно хмыкнул, как бы то в настрое ума, требовавшем сосредоточенности глянул вприщур-искоса подальше голов. – Каждому – своя правота!.. Можно ли на всех одинаково людей, подсажи, спорщиков сполна угодить? Даже Козодавлев и тот, видимо примкнул к несогласным. Во разноречивых!.. Не ждал. Взять малого, Первушу? Мозгуй. Или же оставим? Не брать? Выручи, пожалуй.

– И то. Надо бы помочь; не во труд. С малым проще пареной репы, – отозвался гуляй: – Исправится небось, на плаву; попозже, – произнес под шумок в медлившей какое-то время разбредаться толпе. – «Яко бы, слегка оживились! Продолжим, – промелькнуло у Федьки, – смехопредставлению – быть... Ладненько! И сам отвлечешься от мыслей, что сидят в голове, и людям поразвлечься во нрав. Поехала-пошла развлекаловка!.. Ну да: по-людски. Вот именно: не думать – легко; не каждому, положим. Вперед! Каждому (затейщик не прав... прав по-своему) дадим отдохнуть».

– Сжался, – проронил вездеход, – смилуйся, не то пожалеешь. Останется в деревне – пропал, напраслино – за так, ни за шлант. Ручаюсь головою за парня... Имуществом! Да да, не шучу. Исправится, отвыкнет, по-моему, – изрек под смешки бросивших поклажу сельчан; – как-нибудь пройдет, на воде.

– Думаешь? Берем, коли так. Еже поручился – не против. Там, пеняй на себя, – выговорил главный затейщик *смехопредставления*, Тихон в сторону предстателя²⁰, Федьки. – Чаятельно, всем угодил? но, – проговорилось в толпу. – Даже Козодавлев молчит. Водится-таки справедливость!.. Нету? Не для всех, Ворошил? Чем ты недоволен? Как все? Думаешь обманет? Не ври. Незачем напрасно хулити окружающий мир; сам ты, Ворошило брехун. Что ты

²⁰ Предстатель, по-старинке: заступник, ходатай по делам; адвокат.

понимаешь, тупец? Только-то всего разумения: капусту в ночи Прохорову дергать, тайком, – *сжалился* над малым корел.

– Верно, Тихон; а чего. К лучшему, вообще говоря. Ничто не пропадает бесследно. В крайности, посадим отстреливаться, буде обманет, сзади, на последнюю лодку. Дабы от погони спасал; именно, – изрек, подмигнув сборищу, толпе коробейник, вмиг сообразив что к чему.

– Ай да голова! – поддержал сказанное русичем вождь.

– Да уж... Козодав, помолчи! Пользуюсь, по праву на лучшее свободой слова. Ну так вот доскажу. Сядет, на корме – и давай... По-своему; ага, мужики. Станется, так будем считать, людие заправский борец за подлинное счастье для всех. Ну. И для тебя, Ворошил... Защитник человеческих прав на лучшее, чем было житье! Выгодно с любой стороны, – молвя, усмехнулся гуляй.

Вестник, в одночасье зардевшись, благодарный смолчал, внутренне довольный глаголами *заступника*.

– Ххи... ну и говорун, краснобай!.. истинно. Хи-хи, – просипел Тихон, покидая гурьбу, в приставленный к губам кулачок;

Стан – люди, круговая среда беженцев – ударился в хохот.

– Неч-чего. А ну разойдись. Тиш-ше вы! – прикрикнул водырь. – Экий балаган развели... Бесплатных развлечений хотца, – но его земляков точно изнутри подпирало.

Федька удалился, один.

«Во как получилось!.. Умно! В действительности всем помог, не токмо лишь, единственно малому, – подумал торгаш: Просто ли сорваться в неведомое, бросив дома? Души облегчил, скоморошеством; не лгун, словоблуд ходатай по делам богатеев Юшко Недосуг, черемис (взяточник, видать), – помогай... лекарь; приблизительно так;

Мучались, не зная наверное что ждет впереди. Разом напряжение спало, на какой-то часок; разрядка получилась, ну да»;

Сходное бывает в природе, – сопоставил гуляй: тишь, во придорожном пространстве, низовой пылегон, тяжесть на душе, в полутемь, и, наконец, в череду светотарахов с небес – чуть ли не сплошной водопад, не очень продолжительный ливень, с радугою после грозы.

24

Под вечер, на устье какой-то говорливой в камнях, за перекатом реки, не ведомой ни Туйво, ни даже исходившему край вдоль и поперёк вездеходу взвиделась рыбацкая вежа. «Вовремя!» – подумал гуляй;

Чёлн, невод, распростертый на вешалах, предстало гурьбе двигавшихся к югу крестьян, дальше, у громадного камня плосковерхая будка промысловиков, по-палаточному, а не костром, низкая, отметил водырь, подле шалаша обитателей курился дымок.

«Финцы, – углядев рыбарей сообразил подорожник, видывавший виды торгаш: – Сходное встречали на Утке – Сорса по-иному, по-фински вроде бы, впадает в Неву. Кормятся, не то – перекупщикам, – начаял русак. – Знать, береговая охрана. Пешие, по всей вероятности, занеже вблизи устья не видать лошадей... Двоица, похоже; да нет. Промышленники; вплавь добрались. Четверо, как будто. А что б...»

– Что б то ни поспробовать, вож? – проговорил коробейник с тем как, безопасности ради устремились в обход, на павечерье – к западу: – Як? Справные, по-моему. А? Лодки! – пояснил окружающим; – не менее двух.

– Стоит ли? – Мелкуев: – Аж две? Мало... А еще, говорил: честный продаватель. Эхх ты. Ну тебя, такого, – ввернул, едко усмехнувшись вожак. – Дело ли, Ондрейн Хуотари? Выдумал!.. И, кстати – светлынь. Псов сторожевых – посчитал? Сбегай на разведку. Ни ни! Стой, праведник отпетой, ни с места!.. Выискался мне, – возразил, чуть поколебавшись водырь.

Шествуя все дальше на юг, беженцы приблизились к Морьину. Еще через день, вымотавшись подле, у Носа, пройденного, к вечеру встали. Где-то на подходах нашлись лучшие, чем видел народ, с выходом на берег, челны.

Вовремя раскинули стан: подошла ночь, последняя на отчей земле.

«Токмо проскочить бы Орешек, – промелькнуло у Федьки: – Там Невою посад – избы мореходцев, под яблонями, далее тракт, тянет на восток, в зарубежь».

«Главное: держати опас от сторожевых кораблей, с пушками, – подумал вожак. – Ну, а что касемо крепости – попроще: Орех, Ноте... Нотебург, по словам русича, коли не наврал – западнее ладожских вод; якобы у самого тракта, тянущего в Русь по Неве. Просто и легко обойти».

«Всё, Палка! Выбежали, будем считать, – вспомнил соплеменника русич на отходе ко сну: – Терпится – сиди, не сплывай. Родины – твоя деревенщина, в которой живешь. Ежели чего-то случится худшее, чем случилось у ратуши, в судебной избе – дома и стены подмогнут. Не валятся, и добре. Живи... Есть есть; не голоден. Среди чужаков? Глупости какие-то! ну. Сам же говорил, на Огладве: отчины, какие ни есть. То же: кривобокая мати, сопоставил дружок. Правильно сказалося;

Прощай! Что Свия, на которую держишь сердце, что Великая Русь, – в некотором роде, одно: всюду, коли хочешь до пуза кушати, – мелькнуло у Федьки, – да не так, на суках, но по-человечески-от... ну и пуховик!.. ночевати – по-воловы трудись. Было б из чего выбирать. Поровну, считай разложилось; также, на Руси хорошо. Чуточку получше, чем тут; детеныша, отродью забыл: родина – незримый костыль, скажем для себя одного; некая опора, ну да. Тот и влечет, на восток... В лучшее, так будем, по-нашенски... угодно считать;

Жесткое легало!.. Потерпим. Больше бы суконца... сойдет. Эх, Наста... сья», – оборвалось в забытье.

– Ну-ко растолкаем народ: час, – проговорил предводитель, взвидев над просторами Ладоги рассветный багрец.

«Помогай, мати Одигитрия, путеводительница! Боже, храни!» – взвыли полусонные бабы – и, чуть-чуть погодя беженцы расселись по лодкам.

25

Вершин, распрощавшись в доме с крестьянами, довольный подарком тут же удалился на сторону, не став ночевать, и, невзирая на усталость выбрал загумённую тропкой, в меркнувшем свете на проселок, чуть передохнув за околицею, около тракта перебрел на большак и затем, следуя на полдень, в лучах утренней зари подошел к выглянувшей в проредях сосен придорожной корчме.

«Паргола считай, Озерки, – определился мужик, встав на клиновидном разбеге околородных путей: – Даже и не верится: крог!.. По-новому. Кружало и есть; по-старому-от: кружечный двор. Хапнули чужое словцо, свейское, быть может... Ну да. Лепшим показалось видать, нежели родное, *кабак*. Сельщина!.. Взялись подражать кое и кому городским. Лучше ли немецкая речь, – проговорилось в сознании, когда ощутил, двинувшись баранинный дух: – Якобы, не так, чтобы очень; равенство. Иной разговор: пахло бы в доме по-немецки... Только бы дойти, не упасть, во изнеможении сил!

Воноко... Цела, не свалилась, – подержал на уме, двигаясь все дальше вперед, взвидев на подходе к воротам вывеску; *ТРАКТОРИЯ Смен мясы*, – различил путешественник, приблизившись вплоть. – Что б ни подкрепиться жарким?.., бараниною. От-т уходились: пошатывает часом, слегка... порядочно, по правде сказать, – думал, оглянувшись на тракт: – Ну и соплеменничек! лжец. Можно ли такое писать? Оборотень, как бы; вот вот. Уж ни возомнил ли себя, с куплею гостиницы свеином? Природный русак!.. Нового все больше и больше. *Трактория*, по

сути вещей значит: придорожный каба́к, распивочная. О намудрил: нашенское слово теперь, яко бы – в чужом зипуне... Так ведь получается; но.

Сунемся! Хозяин корчмы, шапочный знакомец в былом, штатский обыватель – торгош, лавочник, – мелькнуло в душе, – чается, не много возьмет – шланты потеряем, не талеры, которых и так более, чем дважды – в обрез... трижды. Медяками расплатимся. К тому ж заодно спробуем, попытка не пытка вызнати – а вдруг повезет где ухоронился толмач. Только б не наврал; поглядим. Ведает, занеже: корчмарь, – сообразил селянин: – мало ли проезжих? – большак. Оберег, конечно при ём, вороге!..

Найти – и отнять. Чаятельно, вырвем свое! Силою... по-свейски; ага. Стронулось, идет по задуманному. Деньги – потом; вящшая забота не талеры, которых всегда, видимо не будет хватать, но – златочеканный корабль. Справимся!.. Двенадцать ефимков меньше восемнадцати? Так; воистину. Раз так, восемнадцать – большее количество талеров не всем по нутру. Зельное не всякожды лучше малого, к примеру: долги, да невыносимая слабость, – вскользь произвелось на уме. Тошненько!.. И голод, к тому ж. Порядочно-таки набралось не лучшего... Гуляю – похуже».

– Бр-р. Хол-лодно!.. «Роса на траве... Спать хочется...

И всё почему? Оберег пропал – и пошло-поехало куда-то к чертям. То к жертвенному камню шагай, то в судную палату явись, по правду, не для всех одинаковую, по справедливость, то тебя пистолетят. Ну и маета, ну подарочки, один за другим! Все – противу, – мелькнуло у Парки с тем, как устремился в трактир: – Федька лишь, единственно – за, песельник, даритель ефимков. Скидка получилась; вот, вот. Все-таки!.. Частичный успех – цапнули не всё и не сразу, то есть не совсем по-людски, но, да и спасибо приятелю хотя бы на том, что не понапрасну ходил...

Тошненько и хочется спать».

Смен, выставивший миску баранины, податель жаркого, выяснилось тут же как сел, в ходе разговора не смог, выслушав направить на след.

Ой ли? – усомнился едок: скрытничает видимо, лис. Мог бы по знакомству, как свой – русич – поделиться, за шлант, кинутый на стол, не в рассрочку. Это ж как понимай: крог менее, чем в миле от города, к тому ж – на развилке.

Странно, – удивился. Вот-на. Врёт? Не врёт? Верить? Умолчание – ложь. Правдивая, по крупному счету; правда и неправда – в одном. Сказывалось глядя в глаза, по-честному; бывает же так... Не верится! С другой стороны – двойственное всё на миру: может оказаться и так, что полное, – раздумывал гость, поклевывая носом неведение – чистая правда. Тем паче никуда не годится, поелику с такой правды ухоронка – тью-тью; подавно не отыщешь врага. Ни правда, ни брехня собачачья, откровенная ложь – не лучшее. Не лучше ли думать, что истина лежит посередке. Вот именно: в жарком. Да уж, так; вкусное, по правде сказать!.. В некотором роде – успех.

Истинная правда, в которой сельник не сумел разобраться, полная значительно проще: гостинник, содержатель корчмы о русиче по имени Стрелка ровно ничего не слышал.

«Де он подевался, злодырь? Встретится – в живых не отпустим. Скрылся, непостижно куда! Выяснится позже, постигнем – в Канцах... Неужели не так; справимся», – итожил, в корчме.

Как, по недостатку знакомых в городе Матвея искать? Ножками, – явилось на ум где-то у Поклонной горы; сельник, проникаясь надеждою на верный успех задуманного им предприятия, ускорив ходьбу дважды или трижды упал; зарвался, понимается так. Подле кабачка «На Углу», за Королевскою улицею, даром, что шел медленно, не чувствуя ног Вершин, погрозив кулаком в сторону, где жил губернатор Ингрии, свалился в кустарь. – «Не на мостовую; полегче; да уж, – промелькнуло в сознании: – чуть-чуть отдохнул».

По пути шествия к рядам, разузнав где *золотоносец* живет, сие протаскавшись на двор, заглянул походя в немецкую кирку, в ратушу, обегав торжок, полупустой снизошел, в медленной ходьбе на мосты – посетил гавань с кораблями, куда мог по временам заходить враг, потребитель покоя (то бишь, по старинке: губитель), ниже корабельных причалов, на пустом берегу, следуя кустами к долбленке приостановился затем, чтобы заглянуть под мосты – но, в изнеможении пав на глиноватый песок недалеко от своей все еще, мелькнуло в мозгу, сиречь не украденной лодки только-то всего и постиг, что Матвей после приговора суда никому из штатских знакомцев оного, ни даже писцам, с которыми захватчик общался в ратуше, работая хлеб ни очно, ни во снах не казался;

Проще говоря не нашел, зряшно истоптав сапоги.

«Нетука! Нигде! От так так, – думалось какой-то часец: – точно испарился; ей-ей... Али, по еговому действию, злыдень, в триисподнюю канул».

26

В действительности было не так. Стрелка и не думал таиться.

Кое для кого из чиновников, сановных персон крапчатая совесть слуги суший клад, тем более когда разговор касается седой старины, что, впрочем никакая не новость. Это хорошо понимал, также генерал-губернатор смыкавшейся на дальнем востоке с Русью новообразованной области Карл Мёрнер, назначенный не так чтоб давно правителем Восточного лена.

Дав распоряжение выгородить, в судной палате, что и состоялось Матвейку, ставленник Двора поместил названную выше особу, говоря языком нынешних времен, под колпак; действуя вполне преднамеренно, велел проследить единственно за тем, чтоб толмач, оправданный по слову судей, не знавших подоплёки затеянного им, не сбежал; мог скрыться, заподозрив неладное, считал губернатор. А через какое-то время, приблизительно в час как Вершин подходил к городку вызвал лиходея к себе.

Покои Гюлленшерны, предшественника (он же – посол, в прошлом на Великую Русь) были в кое-как приспособленном, громадных размеров доме у черты городка, за ратушею, близ Королевской гатан, саженьях в тридцати от новопроложенной улицы, в Свином переулке. Надо бы, подумывал Мёрнер как-то по-иному назвать. Дом нового посланца короны, резиденс²¹ обветшал, будучи построенным встарь, но его, к счастью и несчастью для Карла не стали разбирать на дрова. Чтобы, на потеху завистникам его положения домина не сполз в бурный временами ручей²² Мёрнер, поселившись в избе распорядился набить несколько пониже двора брегоукрепительных свай. Дальше, за потоком Чернавкою и скотным двором, гордостью и мукой владельца резидентских палат не было почти ничего: тын, будка огородного вахтора, покос, да еще – к западу – кресты ветряков, мелющих на город крупу.

Всё в доме, грузном по сравнению с мазанками штатских людей, как-то не совсем столичному, по-жабы пристроившемся подле ручья, черного, пожалуй не очень разом огорчало и нравилось, – подумал наместник с тем как, пригласив поднадзорного откладывал прочь несколько законченных дел: – То есть, говоря поточнее то, что подходило ему, Карлу – было не во нрав херскаринне; и, наоборот: госпожа – хустру, дорогая супруга выражала восторг чаще от того, что ему, занятому службой претило.

Редким исключением был, – вспомнилось наместнику вид, явленный однажды по случаю хорошей погоды с верхнего, под самую крышей, двухоконного яруса отлично просматривались нельская гладь, туши крепостных бастонов, западный особенно, с кольями, – представил на миг ставленник, вполне по-людски вписавшийся в подсолнечный мир, дальше – паруса кораб-

²¹ *Residens* (шв.), *residencia* (лат.) – местопребывание.

²² Суть правобережный приток Охты, заключенный значительно позднее в трубу (наподобие московской Неглинки).

лей; перед мысовым укреплением, на устьице Шварты виделась уютная гавань с новыми, на сваях причалами – и там корабли; что же, что порой назовешь речку, по-старинному Охтой?

«Можно, прибегая к услугам Ларса, неплохого помощника от дел оторваться, – подержал на уме, встав из-за стола резидент: – именно; живой человек, с тем что – генерал-губернатор... Не противоречит. Нисколько... И тогда любовался далью с королевскими флагами, казалось подчас – реяли в заморском краю.

Марта все не едет, не едет... Странно. Задержалась в пути? Осень, – привнеслось генералу, – на подходе, вот-вот. Терпится; прибудет жена!»

Двор, – думалось какой-то часец вправду не совсем подходящ для резиденции, – а что удивляться: въехали в покинутый дом – в памятник былому присутствию московских бояр... или новгородских; не важно. В некотором роде – наследство, или лучше сказать, правильное: ставший ничьим, выморочный дом, без дверей, похищенных, как думает херре Сувантский, купец мукомол, житель подгородья – богач, отпрыск, говорил бургомистр собственников этих земель. Что-то удалось обновить, с чем-то, некрасивым на вид вольно и невольно смирились. Денег у казны не хватило, частью разворованной; «Люд! Свойственно любому правительству» – посетовал Мёрнер. Как-то собирались обвешать гобеленами спальню скрывшегося в Руссланд помещика, устроить альков. (Нишу, а вернее пристройку, тесную супруга потом волила досками зашить). Только и всего переделок на подворье: кладовка, слугам, для подсобных вещей... Проще; да и не было денежек вводить новизну. И незачем, по правде сказать, – молвил про себя резидент.

Лет пять назад Ингерманландия выделилась из генерал-губернаторства Эстляндии, с приездом возник ряд безотлагательных дел. Окна заменили, единственно, – а прочее всё, ветхонькое прежним осталось. «Многое бы можно улучшить, если бы... И деньги б нашлись»;

Мёрнер, поглядев за окно, в мыслях о супруге вздохнул.

«Можно бы... А так, для чего все эти пустые хлопоты? Достаточно уже и того, что издали – дворец как дворец. Хустру, обещая приехать насовсем – не совсем искренна (лукавит? Вопрос!...) Как бы то, с правдивостью ни было – бесспорная вещь: Марта не настроилась жить тут, в *заокеанской глуши*. Словом, о каких-то удобствах, – пронеслось на уме, – столичных остается мечтать...»

– Он! – пробормотал губернатор, отступив от окна, тщетно попытавшись уйти от ослабляющих ум воспоминаний о хустру, втайне порицая жену.

27

Что это: никак подошли? Тут, – сообразил переводчик. Русич, оценив по достоинству пицаль вратаря, малого с ружьем на плече, словно бы его подвели к пыточному погребу сник, но, приободренный пинком в спину шаганул за порог и, не удержавшись упал.

– Фрам! Пристав, помогая подняться добродушно осклабился.

Вперед, так вперед;

Встав на ноги, Матвей по-хозяйски, точно у себя притворил за сопровождающим дверь. Думалось: чужое добро – то же, что, по крупному счету, в некотором роде – свое; «Вдруг переселимся когда-нибудь сюды, на ручей – всякое бывает-случается, – мелькнуло в душе.

– Вовремя пришли во дворец». – Начал барабанить, усиливаясь время от времени, едва различимый перед Королевскою улицей, у ратуши дождь.

В эти, неприятные видом издали, однако ж вполне годные для жизни хоромы, приткнувшиеся подле ручья с водою из болотных ключей²³ он, Стрелка, подчиненный правителя, главы

²³ Позже – источник минеральной воды «полуострово».

городка и троицы людей бургомистра, земский переводчик не вхаживал, и вот, наконец (странные дела!) – привелось.

– Ну-ка поживее! Вперёд! – выговорил, в сенцах приводчик.

«Вряд ли – повезло; да уж, так... Сподобились, – мелькнуло у Стрелки; – то бишь, поточнее сказать: силою в хоромины ввел, яко на допрос Олденгрин, пристав держиморда, воитель, тот, что саданул по скуле – радуга под глазом... пройдет».

Лесенка, в приемную;

Стул;

Около – восставший с него, с поднятой рукою придверник;

Груда пожелтевших от времени бумаг, под окном, – походя отметил ведомый, подымаясь наверх; троица ступеней, площадка, узкая не так чтобы очень – можно без труда разойтись.

– Пррочь! пророкотал предводитель, отстраняя с пути вактора, вскричавшего пеј, точно взговорившую вещь: – Фрам! *ду*²⁴... Впериод, *херре оверсаттаре... ни*²⁵, – более спокойно изрек нарочный, к стене отступив.

«Онде наместничь кабинетт, каммаре, что то ж: резиденс, – произвелось на уме доставленного; – так себе – видь».

Одну из подгнивающих стен красили немалых размеров, светлые оленьи рога, на другой, в сумраке – запона, ковер: сад, овцы, замок, перед оным лужайка с древом наподобие шара, в листьях, и на ней пастырёк с дудочкой – играет боярышням, поодаль, в кустах лыщерь на двуглавом коне; «Фряжская, быть может... голанска вышивка», – подумал введенный, оглядев чередом, наскоро палатный мирок.

– Год... моргон... херре, – прозвучало в тиши.

Мёрнер, генерал-губернатор Ингрии, Восточного лена – тощий, с выдающимся носом: *бушприт корабля*, по словам хустру, зналось губернатору края, сказанным в последний приезд оной в Ньюенштад как в тюрьму, напоминавшим жене ту же особенность лица юной королевы, с которой Марта не однажды встречалась обернулся к дверям; на истовый поклон толмача даже не кивнул головою.

Воспитанный вполне по-столичному, наместник лукавил; простительно, – ввернем от себя: дело, по которому Стрелку привели в резиденс довлекло разыграть как по нотам – действовал, обдумав заранее готовый начаться, с помощью клеветы *спектакль*.

– Прежде всего, херре, – произнес генерал, глядя исподлобья на Стрелку, – надо бы, наверно спросить херре... господина, пусть так, ежели угодно... спросить херре оверсаттаре, русского на что он живет – кормится... и пьет, между прочим, – вскользь приговорил губернатор. – И знает ли наемный, за деньги херре переводчик Дунаев трудности того, кто в верхах. За морем немало завистников. Неясно, любезный? Жаждущих навешать на шею слугам королевы собак. Тем более, когда приближенные на каждом углу выбалтывают важные тайны. Служащий как должно чиновник, да еще иностранец мог бы кое-что понимать. Да-с! Так.

По мановению сановной руки мрачного, под стать непогоде за окном генерала пристав, повинувшись ушел.

– Херре... – Переводчик пресекая: «Слушать!» – произнес резидент. В дверь, серый как пустая стена, мышкою выюркнул секретарь.

– Знает ли болтун переводчик, что по условиям Столбовского мира, дарованного вашей Москве нами, Швециею... можно присесть, Ларс; пожалуйста... с придачею вам Новгорода, то есть в обмен, выразимся так, на уступку Новгорода, что и сбылось, волею обеих сторон Швеции, – продолжил наместник, встав из-за стола, – надлежало, херре оверсаттаре стать владе-

²⁴ Ду, (шв.): ты.

²⁵ Господиш переводчик... вы (шв.)

лицею невских земель не полупустых, как теперь; то же, между прочим касается карельских погостов²⁶.

– Да уж, – прицепил секретарь: – Новгород – не так-то и мало!

– Надеяться на что-то – одно, в действительности, знаете сами – нечто совершенно другое. В должном зачастую скрывается правдивая ложь. В действительности видим обратное. И тут, на Неве... тоже... совершенно не так. Мир определенное благо, но и, с тем наряду, в некоторой степени зло... Думаю, понятно сказал. Что же происходит в дальнейшем? Земледельцы бегут! Договор обращается изнанкою – приносит урон. Не прибыль, как начаяли в прошлом, после заключения мира... с вами, а, напротив – убыток. Где уж, там хотя бы уменьшить траты на чрезмерно большой – («К прискорбию», – ввернул секретарь) – полк вольнонаемных солдат... бездельники, по сути – ландскнехтов, знаете о чем говорю, – нас еще, к тому же обязывают кое-когда выплачивать немалые деньги в пользу небогатых семей воинов, которые пали, в прошлом, неизвестно за что... В Германию, возможно идут денежки... по-моему, Ларс. – Выговорив, Мёрнер примолк и, повернувшись кругом около стенного ковра двинулся обратно, к столу;

«Дождь... Будь тут, в кабинете жена, вздумала б его пожалеть. Ссадина под глазом, синяк – чешет... Измордован, трепач. Так-то неплохой переводчик, – пронеслось на уме. – Да уж... но не так, чтобы очень».

Карл поглядел на стену: «Красивы рога! Больше бы размером чуть-чуть... Месяцы уж не был на травле, – промелькнуло в мозгу: – некогда в последнее время, губернатору выбраться – дела и дела. Как-нибудь; потом. Да и тут нечто наподобие травли... Лучше бы, положим ходить на четвероногую тварь».

– Мало того, что противозаконное бегство пахарей, туземных крестьян в Руссланд разоряет казну, – холодно изрек резидент, прохаживаясь время от времени туда и сюда, вернувшись к лицедейству, – так мы... кое-кто из нас, чересчур, думается мне посвященных раскрывает – да, да, так я понимаю – секрет с этим, для могучей страны Швеции позорным в глазах Европы, да и Нового Света, херре положением дел; что это: выбалтывать тайны?!

– Если бы крестьяне Карелии стремились уйти в Европу, или даже в Америку, где много всего и больше человеческих прав на лучшее – иной разговор; можно бы понять беглецов. Тут-то для чего: в нищету? – вскользь, недоуменно изрек правая рука губернатора, его секретарь.

– Так-к болтать!.. Всем, не исключая лазутчиков! Гляди-ка ты, гусь: ходит как ни в чем не бывало, да еще с пистолетом, надо бы узнать у кого, в крепости купил или, может выкрал, что весьма вероятно, – с гневом произнес резидент в сторону стоявшего одаль от него переводчика, поникшего Стрелки, – а чуть-чуть приглядишься к малому – в штаны навалил... Как вам, Ларс? Предатель; получается так. Грабит своеземцев, крестьян. Тут-то – поделом, болтуну... бит.

Вспыхнуло; раздался гром;

Лучший в королевстве оратор, как сказывал в глаза губернатору его секретарь сделал небольшой перерыв. «Помедленнее надо бы двигаться все дальше вперед. Лишь бы кое-как, побыстрее – ни к чему, суета... С оглядкою, шагком за шагом. Тут не окружающий мир. Спокойнее! – мелькнуло в душе. – Что-нибудь существенно важное в речах пропадет. Кажется довольно распёк, – предположил резидент. – Главное, считаем в кармане: дух земского плутишки, прохвоста... нужного для дела как воздух, оверсаттаре сломлен, или может надломлен – остается дожать... Чутьочку позднее; дождем. Силою. А как же еще? Не будем лицемерить: по правде: каждый победитель – насильник, с тем, что некрасиво звучит. Вынужденно – силою; иных способов еще не придумано, ни даже в среде более умелых борцов за то или иное своё.

²⁶ Не кладбище; *погост*, наряду с общеизвестным пониманием слова суть податной административно-территориальный округ и церковный приход.

Выглядит вполне по-людски... По замыслу... Не вдруг, по частям, – это лишь, единственно в сказках получают сполна все что ни захочется сразу».

– Как вы говорите? кто, кто?.. Слухи распускает? Не он, – Карл, секретарю, возразив: – Тот, как его... наказанный, Фер... Множит клевету на судей и на правосудие в целом, херре Таббельсверкеринг Вьершин. Кругом голова от речей, распространяемых им в обществе таких же как сам простолюдинов, крестьян. Обиделся на власть предержащих – наши, неподкупные в общем, порядочные слуги Фемиды не дали отсудить золотой. И множит, заодно перебежчиков. И, кстати сказать, Ларс: откуда у крестьянина золото? не кажется странным?

– Пожалуй, – отозвался клевет; – загадочка!

– И, общий вопрос в частном разберемся попозже: кто-нибудь всегда не согласен, в чем-то непременно оспорит своего собеседника, что б тот ни сказал. Вот именно. Как так, почему? Недовольные и были, и будут, сколько ни давай преимущественных прав на имущество, – изрек лицедей, в сторону стола; – не укормишь; всем – денежек побольше давай! Тут еще, вдобавок смутьяны... свирепствуют... защитники прав. То-то и бегут за рубеж, в Московию и дальше, на юг в Турцию, возможно; за чем?

– По-видимому, правду искать, – предположил секретарь.

– Не думаю.

– Что ж, как вам будет угодно... Где они, поборники прав?

– Некогда увы разбираться с тем, что натворил оверсаттаре. По-вашему что ж, Ларс: репрезентант херскаринны, королевы – наместник не имеет в краю более существенных дел? Странно рассуждаете!.. Гм. По-вашему я должен вникать, – проговорил с хохотком набольший четы лицедеев, генерал-губернатор, – не имея иных обязанностей, более важных, кажущихся вам несущественными в каждую мелочь? Увольте; ошибаетесь, Ларс.

– Исправился уже; передумал... Истинно, слова подстрекателей к побегам – пустяк. По-вашему теперь. Угодил?

– То-то же. Хвалю, молодцом.

Стелке показалось на миг: беседовали так, что в его присутствии, не очень приятном, в особенности для носача, хозяина приемной комнаты не было особой нужды.

Акт первый затейного Карлом спектакля приближался к концу.

28

Продолжим, – вещевал губернатор некоторый час погодя, с полуоборотом назад, к Ларсу, подмигнув: – Каково! Не о чем особо задумываться? Как бы не так. Подданный короны, слуга херре бургомистра – предатель!.. Платный, по всему очевидно.

– Да уж, – подтвердил секретарь.

– Вот именно. И, с тем наряду наглый, как считает истец, не выигравший тяжбу захватчик.

Преодолевая брезгливость Мёрнер подошел к переводчику едва ли не вплоть и, для того, чтоб сильнее действовало глянул, как зверь (ждавшему кулачной расправы) перелёту в глаза;

– Рюск? Свенск? Таккчтоже васс, любезнейший коррмит: передача секретов? Русским! – прорычал резидент. – Видите ли, денежек мало. Всем в городе хватает, не жалуются, – рек генерал, спокойнее, – а тут вам, один из тысячи жильцов Нюенштада, взрослых обывателей – нищ; бедствует, изволите видеть. Вот именно: к тому что предатель родины, так скажем... да, да – он же, дополнительно лжец... В мучениках любит ходить. Как вам это нравится, Ларс?

– Нисколько.

– И, тем более мне. Что уж говорить о высоконравственном, – какая-то часть общества, сограждан – ворье. В будущем таких поприбавиться... И, также убийц. Новое чреватو угрозами куда пострашнее; к нынешним, похоже на то штаттский обыватель привык.

(Нечто наподобие этого вещал, про себя тихвинец; повторно звучит).

– Сувантский, – продолжив, наместник, – пригородный житель, купец мог бы очевидно сказать: малый, что стоит перед вами, херре секретарь: прокурат.

Ларс, в недоумении: – Как?! То есть, прокурор?

– Не совсем. Аррениус, другой переводчик – лучший... к сожалению, болен там же, в деловом разговоре, в резиденс перевел это неизвестное нам с вами, варварское слово купца более доходчивым: *плут*... Стыдно! А еще секретарь. Трудно ли освоить язык сельщины восточных земель. Тоже мне страдалец нашелся, – продолжал лицедей, поглядывая в сторону Стрелки, топтавшегося подле ковра с видом беспричинно облаявшей кормильца хозяина, побитой собаки: – В обиженных приятно ходить! Шестидесяти далеров – мало? Деньги! порядочные... Ишь прокурат. Сотен захотелось? Да, так? С лазутчиков соседней державы, опытейших в мире, по-моему – с проезжих купцов сколько удалось получить? Беденьким прикинулся!.. Ложь, маска – разобиженный вид. Сколько приобщили? итак?

– Выкладывайте, сдачу дадим; по-честному, по-братски поделимся, – ввернул секретарь.

– Помалкивайте, – Мёрнер: – Итак? Тысячи? Смелее, болтун.

Стрелка не ответил, вздохнув.

«Брех, ложное все то, что глаголет Карло, губернатор. Зачем? Суе возражать, бесполезно. Нечего и думать, тщета в чем-то перед ним оправдаться, убо не дает говорить. Только для того доставлен? – промелькнуло в мозгу третьего участника действия. – Сильники, что тот, что другой. Разница лишь в том, что писец – младший, у стола – потаковщик...»

Во изнеможении сил тюкается, – видел русак, взглядывая время от времени на сумрачный свет, в коем неразумная тварь муха рвется на свободу, вовне; окна, небольшие (стекло, чистое, – никак не слюда), потные – омыты дождем;

«Тужится, с тупою как днесь пахарь, подгородный мужик настойчивостью выбраться вон... По-божески бы надобно выпустить: животное, тварь. Животное – всё то, что живет, любое, и по-своему борется, – подумал скользком третий – переводчик Дунаев, – стало быть: и звери, и мухи в комнате, и люди – животные... Легко говорить!.. Поборемся... Но как повестись? Этих не проймешь пистолетиною; крепенько влип!»

«Ззуу... дзынь!.. ззоо... ззо» – слышалось порою, в тиши.

Как – не виноват? Поделом; вздумалось, – мелькнуло, – крестьян русичей, да кое-кого местных кореляк, подгородчину – бежан порицать... В каторгу посадят, у крепости, на весла; пусть так. Можно бы, в гребцах потерпеть: кормят хорошо... Не совсем. Как бы ни отправили в копь! Вряд ли; за болтливость – в рудник?

– Простите, что вмешался в беседу, – произнес чередом полный почтения к начальнику, привставший клевет: – херре генерал-губернатор, к несчастью не знает всего; к сожалению, вернее сказать. Если бы – одни разговоры, платные, с купечеством.

– Да? – Мёрнер, обернувшись к столу недоуменно похмыкал. – Как вы говорите: к прискорбию? Гремит, не расслышал.

– К очень большому сожалению, – вздохнув, секретарь: – Утром не успел сообщить. То, что мы когда-то узнали о драгунах Черкасского – доставлено им; да, ваше высокопревосходительство, действительно так. Выяснил буквально вчера, поздно вечером, – присев, уточнил правая рука губернатора, – из так называемых писцами противника расспросных речей, старых, тридцать пятого года. Знаете; смоленский поход Шеина, который казнен. Этот, похитрее – сбежал, с пользою для нас... Не совсем; двойственно; с другой стороны, думается мне: виноват – судя по всему содержанию расспросных речей... к прискорбию... кого-то убил; шведа».

– Ну и ну! Даже так? Шутите наверное, Ларс. Прочее похоже на правду. Следует по всей справедливости его наградить – значительные, в прошлом заслуги! – В действительности, Мёрнер лукавил. По сговору служак, заединщиков на мнимую сцену с этим, не в пример поважнее прочих обвинением Стрелки, вздорных по великому счету, кроме одного – в грабеже (*весьма*

неблаговидный поступок, говорил резидент) примерно в середине второго акта должен был со всею решимостью, почти на правах старшего чинами и возрастом вступить секретарь. О пустом деле, которое воплел Таббельсверкеринг начальный игрец вычитал в бумажном хламье.

29

Вык-копали, ч-чёрт подери!..Эт-та литовская война! – вспомнилось тому, кто молчал:

Выехали, как-то в разведку, пьяные, попали в полон. Где-то за Можаем? Вдали. Пес ротмистр – Ондрияшко Микифоров, литвин (полулях?) вкинул однокашника в погреб, а ему повелел, Стрелке выведать насколько сильна конниками пешая рать. Вызвал кое-что, приблизительно – чего-то приплел: думалось, чем больше, тем лучше; выручить хотелось дружка. По-человечески, прав. На злочиние подвигнул заложник. Пес, воинский – смоленец Микифоров потребовал выкуп, злотыми. Ну да: обманул... Тож, по-человечески – прав... Теменью забрался под земь, выслобонил (руки в крови, целую неделю – пустяк). Тут же, невдолге, с побратимом, Серегою сошли за рубеж, в поисках пропавшей сестры, бо не оказалось в дому – вывезли, в минувшую брань;

«Прошлые заслуги, так думаю: действительно ценны» – услышал переводчик;

– Да уж; потому и сказал... Бесценны. Неужели не так; право, – уточнил секретарь.

– Так-то так, – Мёрнер, подойдя к толмачу: – Верно. Как-нибудь наградим, позже, – но и, с тем наряду польза, принесенная вами некогда, в минувшую пору меньше приносимых казне в нынешние годы потерь... Выставил страну победительницу, можно сказать – собственную, как бы, – ввернул с гневом, – ради барышей на позор! Главное – поля без крестьян. Как вам это нравится, Ларс? Выискался мне, опекун гильдии прохвостов, куратор!.. Не можем покрывать казнокрадов, предателей, – изрек генерал более спокойно; – да, так; не властны, – проронил губернатор, для ушей толмача. – Гемланд не прощает измен. Так-к болтать!.. Гемланд...

«По-свеянски: отчизна, – с горечью подумал русак. – Где она, хотелось бы знать: тут ли, в запустелом краю, за тридевять земель от родной, силком, в безгосударное время отсунутой на полдень, за Лугу, некогда великой Руси? Там? Больше побратим виноват; скрылся, заманив к чужакам. О Брянщина, о родина-мать!.. Оба виноваты, ну да. Поздно разбираться: ушло. Крепенько-таки нахренил!.. Далее, с дружкой разошлись, напрочь совершенно как есть; да уж. Не возмог удержать – выбежал. В пургу, на мороз... Навшивал худой тяжеляишко, дыра на дыре.

Вот-тось как теперь: одинец!.. Помнится, тогда же – зимой, выбежав Серьга уносил содранный в пылу разговора, злого побратимовский крест. Собственный; в литовскую брань как-то разменялись, по дружбе, канувшей навеки с Ненадобновым... С полу подняв, тут же – за порог, в никуда... в мир божий, – мелькнуло в душе. – Ну и побратим! Да и так: то, что и ронять не годится, поелику грешно, гадина такой, святотатец – под ноги, швырком, сторяча.»

Воспоминание исторгло из недр самобичевателя стон.

– Худо? Успокойтесь... Воды? – с участием изрек губернатор: – Самое большое – тюрьма, – вскользь проворковав; – подойдет? лучше бы, на месяц: рудник.

– Или же, на выбор... получше, – присовокупил секретарь, – можно бы ему предложить, ваше высокопревосходительство зачислиться в полк местных волонтеров, крестьян.

– Как-к?!

– В будущий; *получше*... гм гм... не оговорился – полегче, то есть, вполне по-человечески... Ну да, писарьком... Кстати, на двух, только-то всего и не больше каторгах, которые хуже, старых, доносил комендант крепости – нехватка гребцов; лучших, – уточнил секретарь, – худшие отжили свое.

– Думается вот как поступим. – Выговорив, Мёрнер примолк. – Рискованно, а все же придется. Громадная ответственность? Что ж. На то и генерал-губернатор... Белка в колесе, господа!.. Сложности – на каждом шагу. Попробуем пожалуй. Да нет, – чуть поколебавшись

вещал, как бы для себя одного: – слишком опрометчивый шаг. Русские, конечно не все, – потрагивая пальцем висок, в задумчивости, – знаете, Ларс... именно: в пример: Иванов, штадтский переводчик – подводят. И, с другой стороны – двойственное – как ни послать? Новенький, Аррениус болен. С третьей стороны, – произнес, чуть помедлив, с кивком в сторону ковра, на ходу: – полных тупиков не бывает. Можно бы попробовать... Гм.

– Понял! – воссияв, секретарь.

– Вряд ли, – возразил губернатор, напустив на чело крайне озабоченный вид, с тем как приближался к столу – и, подмигнув продолжал: – В Московию направлен гонец, как знаете не хуже меня, – молвил проявив доверительность, как будто вещал не для посторонних ушей: – Только что узнали: гонец все еще сидит в Лавуе! Вот именно: с пакетом правительства, что хуже всего; нарочный застрял, на границе. Приставленный к нему переводчик, выяснилось: перекрещенец. Можете такое представить? Я – нет. Недавно перешел в православие, а был протестантом. Ясно же, что мы отказались от услуг неофита, отступника от веры, предателя по сути вещей, нового – взамен – воевода округа, увы не нашел. Не хочет заниматься, по-видимому этим... Как быть?

– Неслыханно! – вскричал Таббельсверкеринг: – Крестили – насильно?

– Вряд ли... Да какая вам разница! – вспыхив, губернатор: – Нечего встревать в разговор. Нате вам какой отыскался поборник человеческих прав!.. Лучших переводчиков нет, как знаете, – изрек генерал более спокойно, в ходьбе, с шагом в направлении к *гостию*, – стало быть, с гонцом за рубеж, в русскую столицу – на Волге, будто бы, в Посольский приказ предлагается поехать... да, да: вам, оверсаттаре, Дунаефф.

– Можно бы, – ввернул секретарь.

– Помалкивайте, Ларс... Ну так вот, – Мёрнер – переводчику: – Знайте... Ожидается торг с русскими, о тех, кто сбежал... гм переселился. Вчера, кстати утвердил приговор. Жалобщик наказан, за кляузу; отделался штрафом. Вдруг тот крестьянин, выяснится, все-таки прав? Что это, возникнет вопрос: взяточность, ошибка Фемиды или разбойник с покровителем? бывало, спуются. Если это вправду грабеж, как утверждал потерпевший – виноват губернатор!.. Не смейтесь, господин секретарь. Вдруг кто-нибудь в державном верху, придворные, да мало ли кто, завистники об этом узнают? Столичные замашки борцов за собственный успех при дворе, общества людей укоронных, выразимся эдак известны: тут же, за подножкой – толчок... Зря подтверждал приговор! Чуть поторопился, ну да. То же, разумеется: штад: помельче, но и здесь, у Невы достаточно таких мастеров; завистники – порода людей, – приговорил резидент, прохаживаясь подле ковра, – то есть недовольных имуществом и властью, которых требуют все больше и больше, корыстолюбивых умеренно, – изрек генерал с полуоборотом к почившему в боях королю²⁷, под коим восседал Таббельсверкеринг, – а честных купцов, порядочных все меньше и меньше, город переполнен лазутчиками вашей Москвы, как знаете об этом прекрасно сами, господин оверсаттаре, кишит на торгу правозащитниками всяких мастей, как, скажем резиденс тараканами, – а тут, вам – свои, судьи подложили свинью.

– Подкупленные вашею милостью? – ввернул секретарь в сторону того, кто внимал гневному, на вид генералу. – Предатели!

– Не так... Не совсем. Перебежчики. Ну да, в королевство. Именно... И были, и будут... Несколько таких перешло, чем-то недовольных людей – грамотные, в общем; писцы... Ларс! Дома отсыпайтесь, не тут. Дайте-ка сюда, – резидент, в мертвой тишине, помолчав: – Дело, разумеется. Здесь?

– Как же; приготовил, – клевет. – Извольте получить, – Таббельсверкеринг, немедленно встав;

²⁷ Король-полководец, павший в сражении под Лютценом (1632) Густав II Адольф, предшественник Христины II.

С тем во одночасье, как встал, поглядывая в сторону полок, третьему сказалось, в дожде, снова припустившем судилище: «Базар, балаган... срам! Воистину, – подумал русак; – это называется суд? Ладилось не в пользу, но вдруг старший, председатель собрания и два по бокам судьи, молодые на вид разом, как один захворали, дружно, разойдясь по домам, вызвали каких-то иных... Чудом оправдался; эге ж. Выскочил сухим из воды. Ну, как пересмотрит, носач?»

– Тут вам не тюрьма, переводчик, – выцедил, вручив секретарь: – каторгою пахнет... галеры.

– Самое меньшее. И так? Или поезжайте один, коли неохота с гонцом. Правда что: узнают – пропал; вздернут, за былые грешки. Цель? Гм. Следовало б раньше сказать. Разведаете где обитают беглецы за рубеж. Главное: пройти города Тверь, Тихвин, Новгород-Великий, желательно.

– И, также Москву.

Нет... Лучше за Онежское озеро. Единственной целью будут поименные списки. Нужен двусторонний реестр. Для переговоров; для торга. Выведайте, скажем хоть так где они осели, сбежав. Каждая персона – риксдалер. Земский переводчик – гроши... Ларс? как? Благодарю за подсказку; и по деревням походить; безопаснее, – добавил тишком, еле уловимо на слух.

Стрелка, поломавшись для виду, хмурый как осенняя туча обликом идти согласился: «Эх бы увидал побратим: так дерзать!.. В денежки! Ну и дела, – вскользь проговорилось в душе. – Справимся пожалуй; а то».

Выслушав ответную речь Дунаева клевет улыбнулся; «Честно, по-людски сговорились: просто и легко и по-нашему», – отметил помощник – а его господин, прохаживаясь подле окна, за коим проглядывало солнце деловито изрек: – Чтоб добрые наши разговоры не кончились подобно дождю, ничем, – проговорил для ушей толковника, с оглядкой назад, в сторону девиц на лугу, красивших настенный ковер: – милости прошу повторить сказанное в письменном виде... грамотный. Бумагу на стол! чистую. Закончилась? Гм. Шутите по-моему, Ларс; лишнее. Прошу изложить, херре оверсаттаре волю. Присаживайтесь... Чью ж еще? – вашу, – пояснил резидент. – Я не принуждаю писать. Лучше на родном языке – вот вам недурной образец, – молвил, подступая к столу: – Се аз... и прочее. Понятно сказал? Подвиньтесь, господин секретарь.

Стрелка пишет;

Кончил.

– Дайте-ка. – Присыпав песком рукопись клевет изошел, скрылся на какой-то часец;

Приглашают переводчика – свеина, – отметил русак; «Аррениус? – мелькнуло в мозгу: – выздоровел? Отт чудеса!..»

Некто неизвестный письмо, – виделось Матвею проверил;

Послухи;

Толковник ушел; приложив руки, оба доброхоты – свидетели отправились вон.

– Всё, – проговорил губернатор. – Впишите в протокол совещания, – изрек генерал издали: – как только вернется – позже – предоставить ему, в ратуше, но можно и тут, херре секретарь, в резиденс более доходное место. – Выговорив, с тем приумолк, деланно, с натугою крякнул, привлекая внимание помощника и, несколько раз кашлянув, незримо для Стрелки пошевелил у вытянутых трубочкой губ, видел собеседник перстом.

– Как скажете, мин херре, – подручный, в сторону стенного ковра: – Сделано; уже записал.

– То-то же. Хвалю, молодцом.

– Деньги? – переводчику, Ларс – молвил, перебив толмача: – Денежки потом, господин; по предоставлении списков. Каждая персона – риксдалер. Мало ли? – напомнил клевет, с легкой укоризною, вскользь. – Выплатим. А как же еще? Торг – по-человечески, честный. Делом занимается Верх, то есть государственный канцлер, правая рука херскаринны... граф... Аксель... Оксеншерна. Вперед! – (Fram, – проговорил Таббельсверкеринг, понятная вещь –

молвя на родном языке). – С Богом, – произнес под конец: – Коли не случится неожиданного чего-нибудь, там... где-нибудь – в кармане успех.

30

Кончилось!.. Почти, не совсем. Дождь кончился – и только. Светлынь, – думал между тем губернатор, медленно-премедленно двигаясь чуть-чуть в стороне, около стенного ковра: – Овцы побелели, в кустах, выше мрачноватого замка, – походя отметил, – поярче – латник, на двуглавом коне. Странно!.. да не так, чтобы очень. Кажется, едва ли не все видимое в жизни – двойное. Стало быть, двуличие в нас, людях – единичный пример двойственности; ложь не порок. Что же из того, что двуличны? Правильно устроил Господь. Всяческого рода обман – средство неустанно идущей в нашем государстве борьбы за первенство, не в том, так в другом. Не было бы розни в борцах за лучшее – и не было б жизни, рвения все дальше вперед – развития, словечком жены. Кто скажет, что не надо стремиться к лучшему? Отдельный вопрос; медленнее надо идти; дабы, – промелькнуло в душе склонного впадать в размышления о будущем Карла, – в ходе оголтелой борьбы за самое большое и лучшее на полном скаку в рай где-то впереди не взорваться... брюхо переполнил – конец... Более приличный пример: общемировая резня.

То, что происходит в приемной, двойственное... лучше сказать: двойное, или даже тройное, в некотором роде – находка для неудачников... не так, не совсем; правильно: не очень счастливых. Марта все не едет, не едет, женушка в *заморскую глущь*. Все-таки, хоть что-то – спектакль. Насильники, что тот, что другой, невольные, по воле правительства, – с другой стороны, лучшей – получил удовольствие. Таков человек; не может не сражаться, увы!.. слаб. Странно, – рассудил губернатор: – сильные – и, с тем наряду не можем... не дано обойтись, в гонке за все более лучшим, то есть за мечтами без войн.

– Да уж... неборьбы не бывает, – произнес для себя, вслух, под королем секретарь: – Правильно; чем больше, тем лучше. – Мёрнеру: – Всё-всё записал. Дорожные расходы – в риксдалерах?

– Подумаем, Ларс... Ресх'елп? На дорогу? да? – рек, переспросив генерал. – Выдадим в московских рублях. Помните о главном, разведчик: наш долг усерднейше служить херскаринне!.. Тругет тьённа син херскаринна, – повторил губернатор, медленнее, вспомнив столицу и, вообразив на мгновенье призрачный вдали хувудштад представил на коверном лужке рядом с королевой жену.

– Подробности узнаете завтра, – объявил секретарь, вписывая нечто невидимое Карлу и Стрелке, вставшему поодаль. – Пустяк... мелочь, – резиденту, клевет: – Срок предоставления списков... Именно.

– Хвалю, молодец.

Грохнул далеко-далеко, где-то за стенами один, слышал переводчик, затем – ближе, с небольшою задержкой, не во одночасье другой, раскатистее пушечный выстрел: с моря приближался корабль;

«Опасный, – промелькнуло у Стрелки, – знакомо, видали; а то ж; – бранники явились, военные, тудыт-т твою мать! Русьские суда-корабли плавателей к морю – без пушек... С Волхова, от Ладogi; ну. Всякие; с товаром на Готланд. С пушками – чужие, не наши. Наши... Не наступит ли день... Всякое бывает; а вдруг как-нибудь, потом переменится? – подумал русак: – Не было ни штада, ни Карлы, чтоб ему пропасть, губернатору, ни пушек – и вдруг... то бишь не совсем, – постепенно всякое такое пришло, исподволь, незримо для глаз – к худшему, похоже на то, судя по всему изменилось. Да уж, получается так.

Двоица, скорее всего бранных кораблей, не один. Важно ли? – явилось на ум, – главное: идти к своему. Прочее, помимо денег, пенязей – чужая игра; лишнее. Чем больше в краю,

Ингрии оружных судов, с пушками, тем выше доход, с полуразоренных крестьян? Не думается. Больше того, что у деревенских осталось нипочем не прибудет. Лучше бы, взамен кораблей подати всякого рода, лишние поборы скостить. Что проку от военных судов? Брани, переделы земель с помощью оружных, солдат – дело именитых людей. Лучшего, чем есть, небольшого сельщина, увы не получит.

«По-вашему – экскурсор... прогулка, в Руссланд, – услышал переводчик: – Опасно?» – «Да не так, чтобы очень... по-моему». – «Получит?» – «Не вдруг... Сколько-то. А впрочем, как знать; выяснится позже... Посмотрим. В некоторой степени – наш... мой».

«Наш?? наш? Соббаки!.. делятся. Пол-лучим своё. Как-нибудь; потом... Неужель?»

Все-таки забавная мысль!.. Всё в мире то и дело меняется. Ну да. Погоди! – С этим, обложив про себя матерного бранью наместника толмач приосанился: – Военный корабль? Ну-ка ты подвинься, опасный! В сторону! – озлился *экскурсор*, и, в сердцах поместив рядом с бастионами крепости русский фрегат, с пушками на палубе, сник.

«Лёйтнант?» – прозвучало в тиши.

На западном валу Нюеншанца резко – дребезнуло в стекле – выгромился встречный салют;

«3-захватчики!» – подумал русак; если бы Матвей находился в южной стороне городка, он бы, в непосредственной близости, возможно увидел: с тем, во одночасье привратный воин с бердышом, алебардщик – сторож на часах у ворот крепости, за Охтою вздрогнул в ждании ответной пальбы, а неподалёку, в низах верка²⁸ с лепетнувших осин сдернуло воздушной волною несколько багровых листков.

«Чо с-сетовать на долю толковника? Чужой? Да и пусть. Главное: идти к своему... Вот именно: чем больше, тем лучше; правильно сказал секлетарь. Кажинное имя – риксдалер! спробуем. Служить, так служить... Карле? Табельверкину? Шиш... Двойственно, как всё на миру. Этим – заодно, немчуре. Поборемся, по коням, вперед!.. фрам», – определился толмач, слушая о чем говорят главноуправляющий краем и его секретарь.

– Боже, до чего я устал, – произнес, больше для себя одного находившийся по комнате Мёрнер.

«Ясно... Да и как ни устать» – голос прозвучал от стола, за коим восседал Таббельсверкеринг.

Матвей обернулся: «Быть того не может!.. Носач? кто это? – мелькнуло у Стрелки, бросившего взгляд на ковер: – Ни малый, подпевальщик во всем Карле, губернатору края, чтоб ему пропасть, ни король... павший, говорят на войне...

Странно!.. Изрекал губернатор – секлетарь ни гугу, помалкивает. Как понимай?» – Стрелке показалось, на миг: отклик изошел не оттуда, где один на один с бумагами сидел секретарь, но из генеральского рта.

– Нужно бы, наверное гостю, выразимся так, – произнес медленно-премедленно Карл, не договорив до конца: – следует снабдить оверсаттаре, существенно... пас...

В полуотворенную дверь снова заглянул, перебив начатую, было в тиши Карлю, – отметил русак, вслушиваясь в речь, – Олденгрнн.

– Что там происходит?.. шумок.

– Пришел очередной кандидат, – встав из-за стола, секретарь.

– В копи? – с хохотком, генерал. – Двое, говорите?

– Увы!.. Только-то всего и не больше, – Мёрнеру, со вздохом клевет.

– Все-таки; хоть что-то, да есть... Проще; по-людски, – резидент. – Именно. Чем меньше, тем лучше. Акселю не видно вдали что это за дьявольский труд, – молвил, подмигнув королю.

²⁸ Verk (шв.) – укрепление; и то же – насыпь, укрепление: skans, откуда происходит название крепости – Нюеншанц, у русских корабельщиков: Канцы.

– Да уж, – подтвердил секретарь.

– Можно проводить, до крыльца. По-моему достаточно, Ларс. Кончили на этом... Фарвёл!²⁹ Встретимся, – изрек губернатор, мельком обернувшись назад: – Временно свободны... во всем.

31

Чуялось, еще погромыхивало, или опять били на плацу в барабан, – предположил переводчик, выбравшись на двор из палат – мнившаяся, было в стенах дома, тесноватой коморки вечною, гроза унеслась. По краям чистенькой, в сиянии солнца деревянной дороги (новая, отметил мужик – не было в минувшем году), пенясь, ворковали ручьи; справа от тесовых ворот – желтые, не то что дворец, черный, – сопоставил скользком, шествуя вонне городьбы (новая, опять же) – разлив: маловодная, обычно – Чернавка виделось Матвею, как шел мимо вратаря, переулком порыжела и вздулась так, что на углу резиденции лизала с пяток брегоукрепительных свай – блёсткие, пониже ворот – западнее черной громады волночки с ошметками пены шли к генеральскому двору;

«Дождь кончился, – мелькнуло у Стрелки перед Королевскою улицей, – и тут же, вослед начало кусать комарье.

Улица не так чтобы очень, новая постольку поскольку; сразу же за карловой изгородью ни мостовой, к ратуше углом повернула, ни стриженных в довольную меру придорожных кустов. Это называется – штад?»

Ехать? – омрачился Матвей.

Выглянули тени Можайска: хутор с кабаком на пути в сторону Смоленска, худыш некий оборванец, корчмарь; воинство, загаженный зимник, с грудями погибших коней, вороны, Серьга – побратим;

«Эт-та мне литовская брань!..»

Вспомнив о былом, переводчик заглянул на пути шествия по новой дороге до дому, в родное село;

«Эх бы навестить межи делом Брянщину! – подумал русак: – Все еще, собаку влечет. Просто и легко, по пути: Новгород Великий заказан... Двойственное что-то; ну да. Можно бы проведать – одно, а пойти дальше Новгорода – нечто иное; как бы то: всеячески разное, с любой стороны; Брянщина подалее Новгорода в несколько раз: конному доехать – умаешься и, кроме того вряд ли, – промелькнуло, – сестра мешкает все там же откуда вывезли, в отцовском доме».

В городе, считаем – один; вот судьба!.. Все полуприятели, трое – перекатная голь: слушающие; Фликка – не в счет; богатая, постольку поскольку – таможенница, Криговадоць. Был друг, Ненадобнов Сергей... Офонасьич – скрылся, неизвестно куды... Бросил одного, в немчуре – и поминайте как звали. Предал своего земляка!.. Двойственно; и сам виноват; меньше, разумеется; ну. Ели, на путях в никуда едево на талой воде, кашу – на двоих котелок, там же, у границ побратались; Ненадобнов сие предложил, скрывшийся куда-то земляк... Изотечеством не вышел? Зато надобен бывал на войне, да и кашевар хоть куды... Где-то на шляхту, за деревней Клепики менялись крестами. Вслед... позже навестили родных, Брянщину, и после чего выбрались, тайком на Литву. Канула родная сестрица!.. именно. Нигде не нашли.

Ладим, побратимо на Выбор, сказывал однажды Серьга после занапрасных шатаний одаль, в померанской земле. Выучив язык немчуры, легкий – не поддался на зов лучшее чего-то искать... В позапозапрошлом году снова появился, вдругорь; с тем, канул, видимо уже навсегда, скрылся в окружающий мир. Дважды приходил в Нюенштад: осенью и, другорядь в лютот, то б то: февруарий, по-новому – в разгаре зимы; так-то не суровая бысть.

²⁹ Прощайте; *farvöl* (шв.)

Ну и побратим называется, – мелькнуло в душе: – бросил! А, с другой стороны: в чем-то примыкает к чему-то самопроизвольно раздваивающемуся на половины: лучшее, чем было упущено? А кто виноват? Лучше было бы не отказываться от приглашения? И тот нахренил, бывший побратим, однокашник...»

Далее пошла, впережку с выкриками словная брань. «Ну, так оставайся, один, – сам...»

Сам, дескать наживется, раз так... Сиденем назвал, осердясь... «Или уходился искать, тля крестовая? Закис, перелётчик? Выдумал сестрицу затем, чтобы изменить господству нашему, Великой Руси? Использовать надумал товарища для собственной выгоды? А, так? Вот так так: хитростью склонил, земляка выбежати вон, за рубеж». Зрачник, получилось – предатель...

Вот как: по-еговому: вор. Надо же такое сбредить, будучи, к тому же в гостях. Лжец? Тля крестовая?! – задержался он; как забыть? «Грязью облепил сотоварища, бывшего дружка, – вскользь проговорилось в мозгу: – Выместил свои неудачи – не нажился, увы», – думалось как взвидел за ратушею, одаль кабак. – «Яз? крестовая?» вскричал под конец в сторону неожиданного гостя – и, во одночасье рванул с шеи побратимовский крест... Ай нехорошо получилось! Дурно, по великому счету правильнее было б изречь; да уж так. С тем, гнусная собака, вспылив – под ноги швырнул, сгоряча».

Синие, глаза побратима, бывшего... К чему вспоминать? Все еще сидит на уме; каб ни Табельверкин, с драгунами (в уланах дрались, путаник) – не стал бы... Глаза бывшего, Серьги побелели – в ярости, не зная, по-видимому что говорить некогдашний друг онемел; «Покаешься еще, святотатец» – выразился, вздев на плеча стеганный кафтан тягилай, тот же, что купил у жидов Брянщины в минувшую брань; (ну и крохобор-эконом! – рвань сущая, дыра на дыре). Только-то всего и сказал, душу волевою свою, твердую по-прежнему взяв накрепко в железную руку. Выговорив, тут же – в метель... Заваялся куда-то, ушел. К Выбору? Не важно итак. Или же пустился на Брянщину, в родные края... Лучше: сам себе господин.

«Эх-х поворотить бы назад был-годы-время, взвить трубам, так, чтобы стеколье тряслось, – думал, нерешительно встав подле кабачка «На Углу»: – Вновь? Зачем? Противу кого? у Невы?? Где-нибудь подальше отсель. Заново – иной разговор; важно ли в какой стороне. Главное, понятно зачем. Каб ни угодили в полон, пьяные – достали б уже как-нибудь, по случаю в брань воинскую славу, почет, злотые, поболее тех, коими ссудил на шляху денежник жидовин, корчмарь... Жертвою несчастного случая, с напарником стали.

Мог бы раздобыть на поля дюжину рабов. А чего: некоторым, кто не в пример нищему Сереге Ненадобнову, кто понаглее да посмекалистее бранный поход – благо; неужели не так; именно. Таким на войне жалуется верный успех... Не то, что – путешествие в Русь, *экскурсором*. Придумает, Карл!.. Нечто наподобие сицевого, брани: завод прибыльного дела купцом; Юкко Невалайнен – в пример, собственник поставленных им новых, для кирпичной работы обжигальных печей;

Рать выгодна, обмолвился Карл в ходе разговоров и тем, что непроходимый раздор, межплеменная борьба по установлении мира, Столбовского какого-то впредь (что кажется, единственно правдою во всем что сказал) будет продолжаться века; ежели угодно, изрек: сицевое, брань благотворна кое для кого из людей, праведных, что есть полуправда... Или же, что то же: неправда полная; воистину так, – думалось, когда, постояв некоторый час передумал сунуться в кабак «На Углу»: – правильны глаголы о бранях, поелику военный, все-таки – самих по себе.

Мата, по-еговому: снесь? ясла кормовые – корыто? Кормушка; приблизительно так; именно... Не каждому – плен. Мог бы, совокупно с рабами, дюжиною вязней коров сколько-то – поменьше, с пяток (реже попадались) пригнать. Худо ли? Не то, что теперь: нищий, по великому счету, земский переводчик – гроши; маль... Что б ни переделать судьбу?

Девка пропадает на выданье, не бедная – дочь главного таможенника в штаде и под городом, Фликка... Рядышком, не так далеко – за Охтою. Наследство: Карвила... И, чаятельно Красный Кабак.

Тяжко? Наплевать, победим; коли замахнулся, так бей. Жаль, что не совсем по-людски – не просто, не легко и не вдруг. Тяжко, а, с другой стороны: хошь по-генеральски питаться – по-воловы трудись, – думал на подходах к жилью. – Справимся пожалуй; а то. Памятен, не стар, предприимчив делавшись, когда выпадал где-нибудь, в минувшую брань случай заграбастать свое. В сече за Можаем, под Клепиками, в свальном бою действовал не хуже Серьги; так же, приблизительно (пеший, без коня – по-драгунски), было, на обочине тракта, Нарвского на днях воевал.

К лучшему – поход за рубеж: Фликку... белобрыся курица... не важно какая (мыза, на Карвиле – существеннее, да и кабак) голыми, за черные кудри, сказывал хозяин поместья, нонешный руками не взять. Что за иждивение: срам... стыд. «Поз-зорище!» – изрек, постояв под вывескою «Завтра – бесплатно».

32

Каждая собака – в борьбе, – думал, победив искушение зайти в кабачок: – Вывеску сменил, сатана. Во изобретатель... Каков! Там, через недельку, не завтра что-нибудь набавит, шельмец; простительная ложь; по-людски – в гражданах, и даже окрест, выше пристаней городка. Выд-думал!.. Туда же – купцы; в ратуше, иные... да все. Хотят безостановочно денег, талеров – на каждом шагу. Безумие какое-то, дичь... хворь. Больше, больше! Ни удержу, ни совести. Гм. Странно; это ж как понимай? Некогда особо раздумывать.

Бороться, бороться! По-своему, не так, – подержал некоторый час в голове: – Кончилось военное время³⁰, да не кончилась брань, мирная, так будем считать – холодная, без пушек война. Коль скоро неборьбы не бывает, по словам секретариуса (прав Табельверкин!.. – будем воевать за свое, упущенное встарь кошельком; не саблюю. – «На то и подряд, – вскользь проговорилось в мозгу: – По коням, застоялись. Даешь Клепики!.. Большую Карвилу».

Якобы – по-новому, – старь; вот именно: нелжи не бывает; честная борьба за свое, по правилам – бесстыдная ложь. По-честному воюют лишь те, кто немощен, не может сражаться за большее, чем есть по-людски. Что это – казистая брань, ежели не гнусный обман? Приглядная не стоит гроша. Неблагопристойно? Плевать. Честно состязаться в миру стяжателей богатства и славы, штадтских обывателей глупо: выведай соперник в борьбе по правилам, в открытую цель иных поползновений на лучшее – и всё, и пропал; шиш тебе, с придачею шишки... Да уж, так... По-людски! Тем же наградят в ратоборстве по-честному за некую власть.

Фадер белобрысой, таможенник по-своему прав: пенязи – всему голова. Нетути, так будут; потом, по предоставлении списков. Главная помеха женитьбе невеликонькой чин. Стало быть, по Сеньке и шапка – невеликий доход. Как не согласиться с родителем, все так... И не так: в случае успеха экскурсии, добычи реестров беженцам – завидный жених, думается Карло не вран; тысячи сулил. О-го-го!.. Фликка – приложение к мызе? А, пожалуй. И тут кажется вполне по-людски...»

«Вот еще, забыл сообщить» – рек, нехорошо усмехнувшись, из-под короля Табельверкин, – вспомнив, чертыхнулся *жених*, – «наш высокочтимый таможенник, хозяин Карвилы, зоркий на досмотре судов с товарами, решительно всех в том, что не касается службы поразительно слеп»;

«То есть? Не понятно. И что ж?» – Карло, у рогатой стены.

³⁰ Уточним, от себя: в ту же приблизительно пору как вспомнилась литовская брань шведский генерал Кёнигсмарк хозяйничал в разграбленной Праге.

«Дочь этого хозяина, Фликка встретилась» – клевет, генералу – «можете представить себе, с кем бы вы подумали, херре (высокоосиительство?) – с ним... беседовали... был не один».

«Да? вот как» – произнес губернатор, продолжая ходить мелкими, в пол-альма шажками от стены до стены; «С этим» – лепетнул Табельверкин: – «видели».

«А с кем же еще: с вами, господин секретариус?» – едва ли не в крик молвил вне себя резидент, оборвав на полуслове и так еле уловимую речь: «Где благовоспитанность? А? Стыдно, Ларс! Личные дела оверсаттаре, да будет известно», рек в негодовании Карл... «Тоже? И, тем более вас, херре шелкопёр не касаются. Понятно сказал? Ну, так соизвольте молчать!» Рыкнул, показалось на миг, в сторону стола – королю...

Видимо следили за ним, сволочи, – подумал русак: – в гавани, скорее всего, вечером, когда провожал девку от причалов домой. Тропками ушли, на Дубок, верхом крепостной стороны... Посветлу спровадил, отец.

«Нате вам накинули службишку! – явилось на ум некоторый час погода: – Цель жизни – получать удовольствия? Раз так, потрудись. Лучше бы, что видим в купечестве, среди горожан: вкладывать в работу грядущего, во имя утех в будущем поменьше трудов; или, по-иному сказать: больше раздобыл – хорошо, меньше утрудился – отлично.

Станется, добудем свое, мызу-ту Большую Карвилу!.. за год; на Великой Руси. Якобы – изменщик, – не то; пред... Предприниматель, ну да. Юкко Невалайнен – в пример... Так ли? Не совсем. Да и пусть. Главное: имети в дому риксдалеры, чем больше, тем лучше.

...Лучшие места у свейн, неоткуда браться деньгам. На руку подряд, по-людски. Нечего сказать: изоброчили! А все почему? Голь. Двойственная правда? проданся? Вроде бы. Причиной – зависть. Эх бы наиболее знатных, тысячников города – в копь. Враз бы отыскались вакансии. Положим, не всех. Мёрнера бы можно не трогать: в некоторой степени – свой; ну; работодатель итак.

Бодатому козлу да имети, к норову такому покрепше виденных у Карла в приемной, чтоб ей провалиться, рога!.. Коли отказался бы ехать на Великую Русь денежки – чужие; тю-тю. Выгодный, считаем подряд...»

Чается добудем успех, – произвелось на уме с выходом за площадь; ну да; выбьемся из подлых низов. Истинно сказал резидент: бейся – и получишь своё... Или не получишь. В любом случае – иди до конца. Твой час пробил! Как тут не использовать случай в знании своей правоты? Прав можный пересиливать слабь... Можется! Раз так, победим. Было бы за что воевать. Видели, – припомнил мужик, в кухне воеводы Ензера, сыщика с чем кашу едят.

Случай, или можно сказать, также: корабельник помог правиться на лучший удел; так бы не сподобился чести побывать в резиденс. Издавна хотелось нажиться – и, таки повезло. В некоторой степени; ну.

...Хоть двойственна, по сути вещей. Можно говорить: слабина, можно – сила. Свойство человека стремиться к лучшему, побольше иметь даже у богатых в крови, тем более все больше и больше хочет маломожный, толмач. Тешиться прибавкою жалованья в будущем – вздор, лучшее – усадьба под городом, Большая Карвила. Совестно? Да как поглядеть. Истинное проще простого: вила, на хорошей земле – кригово поместье... и лес, к северу, и Красный Кабак все-таки значительно лучше жалкой половины домка с видом на соседский забор. Как-то не совсем по-людски выглядит – владение малым. Фликка, говорила однажды – склонна окрутиться, по-свейски (люторскую веру блюдет), фадеру, без денег – не нужен. Будут! Неужели не так?

«...Се аз магистера Нейштада толмач брянский переходец Матвей сын Дунаев, – промелькнуло в мозгу то, что написал в резиденс, – будучи во здравом рассудке, волею своею одолживаю ся возвернути есмы взятые на ратуше в долг тысячу и сорок риксдалеров, к чему приложил собинную руку...»

«Поз-зор!.. Беженцы помянуты, Русь...»

«Всё... будто бы» – вешал губернатор, шествуя от замка с девицами к рогатой стене и, проговорив несущественное что-то, для Ларки благодушно изрек: «Только-то; всего лишь. Эх вы. Мелочь. Долговая расписка»; «Вексель» – говорнул секретарь. – «Более понятно по-вашему, – носач: – каббала. Привязь, поводок. Пустяки. Сразу же за тем, как вернетесь, выполнив задачу – сожжем. Это не должно беспокоить». – «Да уж» – подпевала, нотариш. – «Насилие? Да нет, господин: вас не принуждали расписываться, мы в стороне. Вижу наконец-то решились» – проворчал резидент и, во одночасье умолк.

В дверь сунулся приведший в комнату околоточный пристав, тот, что залепил, на торгу (чешется еще!) кулаком; «Выдь» – проговорил в тишине, встав из-за стола секретарш.

«Конь есть, как будто бы» – глаголовал Мёрнер, «добрый, по словам знатоков, да и неплохой пистолет. Верните переводчику, Ларс. Где вам удалось раздобыть? В крепости, похоже на то?»

«Выменил» – звучало в ответ; что отдал и кому за оружие, с придачей коня, к счастью не пришлось говорить.

Странно получилось!.. Эге ж: противоречивая суть прямо-таки лезет в глаза; именно: свейанский лазутчик, мало не предатель отечества, с другой стороны: труженик, – подумал, вздохнув. Совесть несовместна с богатством? Да как понимай. Двойственно! И прав, и не прав. Стоит ли вдаваться в раздумья что это, для бедного – честь. Двойственное – то, что воюет, как бы, вообще говоря. Выгода и совесть – в борьбе. Вряднее, по-нашему: прибыль. Сходно рассуждает богач Сувантский, допустим... Да все.

Глупо – не использовать случай, раз такая удобь сунуться в среду богачей. Вот-т, оно, – явилось на ум, – жданное – игральная кость! Выпадет шестерка, не выпадет – иной разговор, главное: по-крупному в зернь, выразимся так, поиграть. Что – добропорядочность? звук. Благочиние – бесстыдная ложь. Чем тебе, оно ни костарь? Карловы палаты, считай, в некотором роде кабак... Нечто наподобие; ну.

Проведенное у Мёрнера время показалось на миг большей половиною жизни, – думалось какой-то часец в лужах на краю городка. Что принесет вторая половина: успех? разочарование? смерть? Как бы то ни вышло: вперед!

В пажитях церковной усадьбы, видел переводчик – изба, ветхая, никто не живет, годы с довоенных времен; селятся у самого штада, в жилах корабельной слободки.

– «Пасторов сенник... подойдет. Бывшая лачуга Софрона... тоже укатил, за рубеж... Там», – произвелось на уме. Завтра, но и может сегодня – в хижину ее, на сенцо! Худо ли? Кругом чистота, сухонько, народ за черту скошенных, по счастью лужков, занятый своим не ходок.

Силою возьмем, по-людски, – думалось как взвидел избу. Тысячи когда еще будут, – а, случись на путях в лучшее соперник? Отдать? мызу?! Ишь чего захотел. Шиш ему, собаке. Своё! С фадером на днях столковались (тысяча – прибудет), – а вдруг кто-то загорится желанием затеять торги? Сувантский, допустим – богач, деушник завзятый, вдовец. Далеры лопатой гребет. Станет ли свадьба – вопрос. Выкусит однако; «Ышш ты!» – буркнул на каком-то шагу. – Самая доба подкрепить устное, глаголы вещественным; ужели – не зять? В будущем; ну да, по весне. Чаятельно, будет по-нашему. Добьемся, в трудах. Ну-ка мы попробуем сделать фадеру невесты внушка. Обрадуется, будем считать.

Одаль – в позаречье, за Охтою Большая Карвила, временно чужая; пока, – думалось в проулке, у дома, в хуторе главенствует Крит; там же золотая денга; смотрится, на женской груди! Славный подарунок! И что ж, что небескорыстно вручен... Ближе, на другой стороне Охты, на мысу – пасторат, устье полноводной Карвилы, суднышко, – увидел мужик.

«Начали – по крупному счету. Понеслось, наконец! Да и хорошо, что не знаеши чего впереди. Боязно – и, с тем наряду кажется возможным успех. Будущее непредсказуемо, глаголет молва. Предвидети худое в грядущем значит обрекать имоверный (не неимоверный, по

счастью, – верится!) успех на провал. Единственно, что можно предвидети: невзлазный забор где-то на пути к своему. Важно ли в конце-то концов; где-нибудь найдется пролаз. Или же, на выбор, что также правильно: пускайся вокруг... Як же по-иному? Эге ж: проламывать забор головою или чем-то еще как-то не совсем по-людски. Двойственное – ход наобум!.. Яко бы: союзник. Предаст? Будущее непредсказуемо. Идти наугад все-таки получше предвещенья. Хоть что-то, да есть; вера и надежда имеются. Предвещенье – вздор. Нетути его и не будет. Коли вероятно – дерзай. В сторону ее, прозорливость!.. Да и не опасно... не так... не очень, – промелькнуло в мозгу. – Как-нибудь; на то и борьба: и прибыльно, и шишек набьют».

33

Жил в саваках³¹ среди богачей Выборга имевший корабль гость, мехопромышленник Фрол, проименованием Птах, единоутробный братеник Сокола и Кречета – Парки, бывший красногорец. Ходил, летнею порой на Стекольно – в свейскую столицу, на Готланд, в Ригу и однажды к Неве; сани снарядив побывал, также на Великой Руси, правился по льду, напрямик в села новгородских бояр или же куда-то еще. Рухляди какие-то мягкие – пушнину возил.

Всякое бывало: ино езды по морям задавались, иножды, говаривал люд, саваки да знавшие Фрола свейны торговля не шла. (Непротиворечий, коль можно выразится так, на миру – согласия без тьмы оговорок, существенных порою ни встарь, ни в наши времена не бывало; надо ли дивиться тому, что граждане вещали кто как). Грабили, возможно купца³². В случаях, коли упускал выгоду не очень расстраивался – дескать доправим пенязи, подумывал вскользь как-нибудь потом на своих.

Лет десять плавал, наживая богатство, даже в Померанию хаживал, и после чего, выкупив невесту женился. Выпало ему полюбить сведенную из брянских земель в Нюхесен и далее в Ригу, баивали кто-то завистники в рядах, немчура необыкновенной красоты женщину, к тому же еще, якобы – дворянскую дочь; правился зимою, по льду за море оставленный им, якобы залог выручать.

Зажил с молодою женою Фрол-Птах, в достаточестве (каменный дом построив за какой-нибудь год, вместо деревянной избы) как заново на свет народившись; чем тебе ни *малая родина*, явилось на ум в некоторый час бытия. Словом, как теперь говорят, на некогда могучей Руси – бывший красногорец, отстав от родины вполне состоялся. Жил, можно бы сказать припеваючи в заморском краю. Малая, подумывал родина не там, где жилось так себе, а где хорошо; в знак трудно выразимой глаголами душевной приязни к Выборгу явилось на ум. Ах любовь! – радость пожилого на вид, крепкого здоровьем торговца шкурами не знала границ...

«Во как преуспел! Ну и ну. Кто б мог подумать, – пронеслось на уме жившего под соколом. – Бр-р. Все время хорошо не бывает... Надо же такому стрястись: дома, среди белого дня! Дескать, говорили в торгу: только половина осталась; лучшая, так будем считать».

Лучшая ли? Как для кого.

В некоторый день приезжал, сказывали позже в рядах к Вершину богатый жилец Новгорода Кирил Нахалюк долг править на заморском купце – думалось, хоть крохи вернет, бояли рядские, в торгу. Ай нехорошо поступил! Птах. Чем тебе, оно ни преступник: будто бы, вещали по лавкам недруги оставил в заклад несколько плавильных печей в ездах по Великой Руси. Там, произошел разговор.

³¹ Племя, совокупно с другими (летописные *сумь* и соответственно, в русском написании: *емь*, и в некоторой мере со шведами) образовавшее, в дальнейшем ядро финского народа.

³² Одно из хроникальных свидетельств о грабежах у побережья Финляндии (самоназвание: Суоми), в начале XVI века помещено в сборнике опубликованных документов – депеша главы администрации Выборга и Савонлинны королю (Копенгаген, 1857 г.).

Байкали, особенно гость, нагрянувший неожиданно, как снег в пору сенокосной страды, хмельной заимодавец не дружески, вдобавок истцу – Кирилке, по словам горожан, соседей приглянулась, увы птахова красуля жена. Двойственное, впрочем *увы*. Третьему, кто не был в застолье пламенная страсть иноземца предредила успех трудного пути к своему. Быль, не быль?

Верится, похоже на правду. Клялся, де Кирил Нахалюк, думается пьяный в дымину фроловой жене раскрасавице, каких не встречал прежде на Великой Руси полное довольства житье (сказывался хмель) учинить – горы золотые сулил. «Сжался, на коленях прошу – тысячи отдам, полюби! ну же, – а не то, – вещевал под вечер, изыдя на двор, – Птаху твоего разорю, а тебя в путях выведу, привада-краса. – То есть подбивал на побег. – Смилуйся, пожалуй, Марийко!» – сказывал в припадке любви.

Ан не согласилась красуля; сходят ли к добру от добра. Тут-то и случилось несчастье.

Полголовы снес Кирилко своему должнику – бывши, говорили властям Выборга свидетели пьян. «Добре хоть не всю целиком», – сказывал в семейном кругу некто заборборник сосед; как бы, посочувствовал Птаху.

Женщина осталась вдовой.

Ах любовь! – не токмо один заимодавец, – трое оказались в накладке – поровну, примерно урон... Лихонько!

Утек душегуб. Словно-то и не был в гостях. Долг, баяли в соседах простил.

Выбралась вдовица на родину погибшего Фрола, к деверям, начая призвать к выделке пушного товара исполу кого-то из них. Что б ни поделиться имеемым, коли припекло? Вынужденно тронулась в путь. Не было такого – делиться? не по-человечески? Что ж. Не было, так будет пример; не всем же, – рассудила вдова полюби, единственно – брать; вот именно. И, с тем наряду скоры не убудет, на торг. Бабе, в одиночку не справиться с ордой мужиков, занятых неведомо чем; худо ли – завод на паях?

Раньше бы пустилась в заморье: сразу же за тем как уехала, ни свет ни заря выбежали вон скорняки, варочный котел прихватив...

Братья убиенного, Птаха (выяснилось позже, у Стрельны) – оба кто куда разошлись. Кречет оказался под Канцами – рукою подать, около, на устьях Невы, Сокол (говорили по-разному, кто как) изошел к Выборгу, а может на Русь, третий де – братанич, двоюродный, Жеравль упорхнул вовсе уж незнамо куды. Парка лишь, один отыскался.

«Ехать? в несусветную даль? – выговорил Вершин вдове: – Прибыльно, по-твоему? так? Только половина – не всё. Выгодно не так, чтобы очень. В Канцах кое-кто из купечества имеет побольше. Так себе – доход, пустяки, да и чересчур далеко». «Разве далеко? Не совсем. Сто верст каких-нибудь», вещала Марийка, выслушав ответную речь; видимо причиной – супружница, мелькнуло в душе, жадная не в меру. Как так?!

Суе, понапрасну заботилась – не хочет в купцы, – думала, вернувшись домой: люд; не хорошо и не плохо. Вряд ли назовешь неудачей, вполне по-мирски: что необходимо тебе прочим, рассудила в торгу, сродственникам даже – не надобно... Придется самой! надо бы, вернее сказать. Что ни происходит вокруг двойственно, и стало быть – к лучшему, – явилось на ум; – кончится лихая доба. Ездил к Неве с перепугу... Приблизительно, так. Лучшее, что можно придумать в сием положении дел – выглядеть как можно милее. Равенства среди горожан, владеющих каким-то имуществом, считай не бывает, лучшее, по нашему времени: чем больше, тем лучше; глупости – завод на паях. – С тем тут же, приодевшись по-свейски новых скорняков наняла, более надежных людей.

Сватался к несчастной Марии, разглядев красоту женщины под слоем белил среднего достатка, не вдруг выбившийся из нищеты, голубоглазый мужик по происхождению русич, выходец из брянской земли, менее известный среде граждан именитых промышленников, нежели Фрол. Будучи вполне обеспеченным, увидя к тому ж то, что представляло собою неко-

гда скорняжный завод, чаем не на шкуры польстился. Думается, впрочем: хотелось большего; таков человек.

Судя по тому, что хранит веками всенародная память о седой старине сватавшийся, что имоверно в рай по головам не карабкался, – годок за годком шел себе и шел помаленьку, всматриваясь кое-когда в зримое глазами души, умственно в дальнейшую цель. В чем-то иноземцу везло, часом спотыкался и падал, встав на ноги, упорный в трудах, снова продолжал торговать. Медленно давался прибыль!.. Главное, считал, прошагав чуть не половину Европы на путях к своему, в лучшее не скорость ходьбы, что кажется похожим на правду, но невероятная вера, или, можно сказать: ложное по сути вещей знание того, что успех рано или поздно придет.

(Больше получать с наименьшей выкладкою сил – хорошо? Не очень? То есть, говоря не лукаво, не по-современному: плохо? Как такое понять? Не правда ли забавная мысль? По-прежнему все то же, все то же: побольше, покрупнее, получше! Что это: *все дальше, все выше?* Все, что происходит в миру и в человеке, продвинувшемся (что не бесспорно) к лучшему, что, также – вопрос вертится вокруг одного: дай! Больше, больше! Ну-ко, нахапуга делись! На тебе (хорошего) – платно. Делиться – не всегда означает проявлять доброту. Платная услуга: *откат*; отбояриться – в порядке вещей. Ради безопасности в будущем успешный борец за счастье для себя и родных – и только, что вполне по-людски – жертвует значительно меньшим. Отданное, как бы – залог верного пути к своему, в лучшее, чем было житье.

Так же, приблизительно думывалось, в прошлом вдове. Что уж говорить о стремлении к значительно большему ее земляка. Русич, полюбивший вдову, стало быть такой же как мы. Что это – побольше иметь? Неисповедимая тайна. В будущем стремление к большему, чем есть сохранится. Споры за свое и чужое – данность, вековая старь. Днесь также никаких перемен; по-старому – все то же и то же. Лучше ли: *как можно быстрее?*)

Коль скоро не дается узнать доподлинных причин повсеместной гонки человечества к лучшему – продолжим рассказ:

Осень подступала.

Делец среднего достатка женился. Годы напролет продвигаясь к полному довольству имеемым достиг своего. Да уж, получается так! сгребом, выражаясь по-старому, говаривал люд купчики, по-нашему: оптом, просто и легко приобрел шняву – мореходный корабль, славную лицом без румян женушку и скорный завод.

34

Вечеряли однажды. – Че-го?!.. Братеник, говоришь? Чудеса! – Ненадобнов, хозяин поморщился, вздохнув, помолчал. – «Во как получилось!.. Ага: волосом похож на сестру; черен», – промелькнуло в душе.

– Знаемы? – хозяйка.

– Чуть-чуть; шапочно, не так, чтобы очень. Виделись недавно, разок... в гирлах – у Невы, понимай... Был... пеши, – сотрапезник, Серьга.

– Виделись? – Мария: – недавно? Сказывай получше, супруг. Летом?

– В середине зимы; в лютот, – уточнил собеседник, – очень-очень давно. Как-то, на войне прилюбилися один к одному... В Канце бургомистру толмачил. Думается жив, не горюй. Там же, у Невы разошлись. Як ни жаль. Было-че: «Марийко, сестрица!» выкулит; ага, под хмельком. Эх-х Матвей. Далее градка не пустился. Тут бы, на земле савакотов и тебя и семью... и дом под черепицею, каменный... А так, не нашел. Изверился тебе отыскати. Мог бы, да не стал продолжать. Счис, выдохся, – итожил Серьга. – Землю на другой стороне, за морем, едва ли не всю зрили, забираясь все дальше в немцы аж до самой Курляндии!.. Проснулся; пищит... «пасынок», – мелькнуло в мозгу. – Пошастали... Теперича – всё... кажется. Немало загреб.

Як ни тяжело приходилоя порою – шагал. Все-таки достиг своего. Слышь? Встань да покачай колыбель.

В горнице почуялся вскрик.

«Слушает однако; задумалась. Младенец утих».

– Умница! – вещал в тишине, с полуоборотом назад и, повременив произнес: – Кончилась пора выживания – теперь надлежит, разве что слегка подкреплять то, что накарманил в страду. Чтобы ничего из добытого не сплыло к другим. Як, ты говоришь подкреплять? Не торопом. Трудясь по чуть-чуть. Вкладывая в скарбницу малъ. К тысячам – по шланту, по талеру... И так ежедень. Выработал – вытратил; ну; денежный приход – на расход: маслица немного купил, меду, огурец, молока... Тысячи не трожь, серебро. Да и не разбрасывай медь: грошик золотой бережет, золото главу стережет, баивал когда-то на Брянщине отец, Офонас; мало ли чего впереди... Словом, получилось; добился. В тысячниках будем ходить. Так бы, окажись во товарищах – и твой... да и мой: родственник теперь! – ай да ну: в шурины пробился, делец... чо-нибудь в карман положил. Под лежач камушек вода не течет, – вымолвил, вздохнув собеседник и затем приумолк.

– Чо же ты? Не рано ли спать? Ешь, – вообразив Ньюенштад скопищем базарных ларей пролепетала жена.

– Сказывай... О нём, о себе.

– Мало? Да ить вроде бы всё. Тако на Неве и остался. Не схотел верстовать. Ссорились порою. Затем, вдруг – под Рожество разбрелись. Ой нехорошо получилося. Ушел.

– Почему? как? – проговорила жена.

– Тоже соцепились... Як те. Разница, однако; эге ж; тут был, по-видимому повод поссо-риться: причиною: долг, в общем-то не очень существенный, – а там, в городе вовсе уж неведомо что. Сам не понимаю... Вот-на.

«Можно ли кидаться людьми... дружбою, рожденной в боях. В прошлом приходилось едати едь из одного котелка! – произвелось на уме бросившего ложку Серьги. – Птаха притянул, невзначай... Эк-к: смертоубийство напомнил. Отчего б ни смолчать». Белесоватые, над синью ресницы беззащитно смигнули, сотрапезник вздохнул, чуя перед ладой вину, и, покатав на столе крохоточку хлебного мякиша досадливо крякнул;

«Говори, говори. Як мати? Здравствует?» – услышал супруг.

– Чаятельно; сказывал-от... некогда, – купец; – на Руси. – Переводя взор с круглых, наподобие пуль глаз угодника – святого Николы, взвиденных в лампадном углу на еле различимую зыбку с вякавшим спросонья младенцем, собеседник зевнул.

– Как же то: жива или нет? На тебе!.. – Хозяйка поморщилась: ответ прозвучал так, как если бы супруг, затруднясь что ему сказать, промолчал.

– Так-то, – пропуская услышанное мимо ушей, рек самодовольно хозяин, повернув к своему: – С денежкой! Таки удалось. Яз – яз, не то что кое-кто из моих в некогдасти верных товарищей, предавших свою, в первости совместную цель. Цель – цель, – не что-нибудь такое бес-трудное навроде мечты выбиться из меньших людей. В тысячники выйдет не всякий... Вышло. А с чего начинал? С горсти медяков, на еду. Нетрудного труда не бывает, прочее, считаем – работа, вообще говоря. Выпало испытывать болести, едва не утоп, мерз, голодовал. Охо-хо-о. Надо же такое снести! Муж, временем казалось Марийке сказывал не былъ, а какой-то, длив-шийся недели и месяцы, причудливый сон. Вышло, из еговых речей: сколько-то, неведомо лет погоревал на Вуоксе, думая, когда уходил в странствие из Канцев сыскать в тамошнем краю бедноты высокодоходных делов... суе! Из корельских погостов, речками подался в каяны – племя наподобие саваков какое-то, финцы, в коем, пробираясь болотами в Корелу – назад, мученик, едва не погиб...

– Что еще? – изрек под конец повествователь, завершая рассказ: – Чуть не позабыл: и еще сардий кое-где, сердолик... Медь... Жемчуг. Можно бы – пудовыми бочками... Чего только

нет! Разве что бесплатного золота, – вздохнув произнес, думая о прошлом супруг. – Всякое... А рыба: лосось, стерляди, таймень, осетры! Прямо хоть на стол королям, к ренскому вину подавай.

– Но и привозил бы, – жена.

– Можно бы, на пару с твоим, то бишь, – уточнил собеседник, – с нашим, что застрял в городке. Будь рядом, около надежный сотрудник – вывезли бы чой-то; эге ж. Но, да и спасибо на том – выжил кое-как, вездеход, шастая в каянском краю. Всякое видали... Оброс чуть не до колен волосьем... Года полтора околачивался... вши завелись.

– Чой-то удалось прикопить?

– Маль. Туточки, в поморье нажился. Видимо, по чистой случайности. Вот, вот: повезло; в ратуше, и тако ж на пристани, – добавил купец. – Бывши не один, як в лесах. Взялся за дела – и пошло, выгоревши несколько раз. Продавал полосовое железо, сабельное кое-кому. Но, да и еще кое-что. Спорым оказался товар! Надобен везде. Для войны. Больше торговали пшеницею и, также вином; выгодно не так, чтобы очень... Двожды, на чужом корабле за море ходил, во столицу; видел королеву; а то. Ехала к попам, из дворца; в кирху, – пояснил *мореход*.

– Красивая?

– Не понял, – супруг: – церковь? королева? Кто, что?

– Краля.

– Не особенно, – муж: – Нос великоват, показалось, – ответил купец, видевший проезд королевы на ходу из-за спин. – Як бы-то, слегка подговнял. Но, а в достальном хороша. Без-мужняя однако, на жаль.

– Ну? От так так. Скор на ноги... Домина, корабль; хват, – проговорила тишком, думая о брате, сестра: – Вот как: на Стекольну ходил!

– Як же по-иному? – купец. – Трудно ли поднять паруса. Ригу посетим, Колывань³³, далее, не в спех – Нюенштад, – рек, вообразив на мгновение того, кто служил в Канцах толмачом; – как-нибудь; позднее, ну да. – Вытворил судьбу, понимай ровно бы какую-то вещь, либо же то – переиначил; получается, так. Вышло не само по себе, – ратовал. И вот те, успех. Стоило, оно побороться за такую судьбу. Высунулся!.. Впрочем, не так – судьбу не переделать, за долю.

– Хорошо говоришь!.. Складненько. А як же другим? як бабе ратиться? за лучший удел.

– Задумаешься-от... Да никак. Женщинам – детей нарождать, муженьков тешить, а нам для того, чтобы не остаться в долгу жен за таковое любить. Мир, в обчем-то не худо устроен, даром что не каждый богат – радуйся тому, что имеешь, да своих весели. Жир, то б то изобилие благ дается, голубо не всем. Тут, тебе – и хватка, и лют, и выдержка, терпение надобны, порою – лукавство; хитрость, – прицепил собеседник, вслушиваясь в то, как звучит. Разница; не наглый обман. Думалось: долби и терпи – доля беспрременно придет. Жир – некоторым. Так-то, в миру каждому охота иметь лишнюю копейку в мошне.

Высказав такое суждение, купец приумолк, самодовольно похмыкал, встретившись нечаянным взором с огоньками лампад перекрестился, и, не замечая того, что окончательно впал в непозволительное даже и тут, в обществе любимой супруги, как хозяину дома и деловому человеку многоглаголение, молвил: «Пожди. Не перебивай, замолчись. Главного еще не сказал».

«Вот как, – подивилась Марийка, вслушиваясь в мужнину речь: – Вслух думает, научный скворец. Ну и говорун... Языкаст. Можно бы сказать: исповедовался, кое-когда лишь перед собою... Опять; то же; про себя одного. Эжкой самохвал!»

– Почекай. Сызнова проснулся. Пожди... Брат, брат!.. единственный, – вещала тишком, в мысли покачать колыбель.

³³ Современное название: Таллин.

Все в естях, – продолжал говорить муж, самодовольно похмыкивая, дабы отвлечь женщину от тягостных дум: дом, каменный, палатка в рядах, шнява, корабельный причал – но, не завершив разглагольствия услышал о том, что не всё, всё-таки, что можно иметь, *лучшее* попало в семью;

«Голос прозвучал не из люльки, – пронеслось на уме: – пасынок, укачанный спит. Проголосовала жена... кто ж еще?» – придумал супруг. (Вставила-таки, ухитрясь высказаться несколько слов).

Что же получается: жить, пользуясь добытым в трудах, об руку с богатством – недоля? горе? – возмущился купец, выразив наумное вслух.

Можно ли, – вещала супружница, Серьгу остывив быть всесовершенно счастливым в зрении чужих неудач. Полностью доволен судьбою? – Ставить ся таким, – изрекла: – не по-человечески, муж. – С тем, во одночасье подумалось: у брата невзгоды – в ратуше начальник заел всяческого рода придирками, жену потерял, нищенствует, будем считать – и она, чуть ли не рабыня – служанка, у четы прусаков, бездетных перед тем, кто ее годы напролет обыскался, рыская повсюдно, в долгу. Коли разобраться по-честному, – явилось на ум: брат из-за нее пострадал. Пекся о сестринской судьбе; выручить хотел, да не смог; так ведь... Не сумев отыскать – собственную долю сгубил.

Чтоб-таки ее благоверному ни съездить? Легко; да уж, – рассудила хозяйка, встретив ускользнувший к божнице, все еще обиженный, взгляд: он тысячник, а шурин его, может – перекатная голь.

– Съезди. В Нюенштат; на Неву... Сызнова пищит, немовля, – молвила Марийка, всплакнув, смахивая пальцем слезу. – Бедствуют, – вещала, – не только за морем, но даже у нас. Кто-то, в совершенном отчаянии от нищеты, бедствуя, быть может готов руки на себе наложить. Всякое бывает... и наш. Думается, где-то за печью, или же в сарае живет... Горенько витать у Невы тем, кто не сумел охоромиться. Не легче и здесь. Взять бы, для примера хотя б наших Козаков, что живут, голь на шкуродерном дворе, около собачьих конур; травятся в зловонной среде, яко покупные рабы – и за то, бедные, оглодки едят. Беженцы, похоже на то, брянские ли – трудно сказать. Видела, на прошлой неделе: из-за кучи мослов, кинутых на едево псам чуть ли не пошло в топоры. Так-то – ежедень зубоежь, ссоры с покусанием ног... Як тебе? Чего там делить? Только-то: хрящи на костях.

– Пусть себе грызутся, собаки, – беспечно, Серьга: – делали бы то, что велят. Яз – чо: наймався, голодранцев откармливати? Кто их призвал? Выказалась... Рок, не судьба... Мученики... надо жалеть... Як? – договорил с холодком в голосе и взоре Ненадобнов.

– Известное, муж: плату бы давал шкуродерам, а не бычьи хвосты. Пять шлантов, праздничных – сходить на кабак. Щедр... Ну и ну. Тоже-от, як те перебежчик. Позже – повезло, – а тогда? Ведалось, к чему поскакал? Вряд ли.

– Выбежал – не зная зачем?!

«Ври, баба!» – внутренне озлился купец – но, сообразив, что пред ним, как ни возмущайся в душе сказанными ею глаголами сидела жена, самый дорогой для него с некоторых мест человек, спрятав за долонью глаза, дабы не увидела в них люти снисходительно хмыкнул и миролюбиво изнес:

– Ну их, несмышленишей, ладо. Глупы – оттого и живут як полуголодные псы. Стоило ли ради мослов лезти в зарубежную даль? Но, а что касаемо нас, шествовал за тельным крестом, собственным: еговый ношу. Сидню норовил. Побратимствовали. Як не уйти? – друг... Бывший. Разбежались, увы. Мог бы, по своей хитроватости нажиться и дома, – прицепил говорунок; – так бы, ни к чему выбегать. Чается, когда возжелал большего – пробиться в верха, к лучшему – сказалась порода; брянские! – напомнил купец: – Наш рок, Ненадобновых – як ни ослаб, временно – идти, да идти. Деял несмотря ни на что, иноди пускаясь в обход... Впрочем, на поверку и тут водятся такие.

– Кто?

– Именем? Да хоть, например... Вот тебе, изволь получи: Колт, местный тысячник, подканецкой житель. Слыхивала, или же нет? Знаемы, с каких-то времен. Мельницы на Охте содержит; водяные, ага, – молвя с добродушной ухмылкой, продолжил купец. – Три или четыре... Игде? Охта? Около морских пристаней. Тамо же, под Ньюеном, в пригороде колтовский двор. Выяснилось, тако же – хват. Ни Пипера, главы городка, ни даже самого губернатора нисколь не страшится, даром, что – природный русак; вхож в карловы палаты як свой... Сувантского знают везде.

В чаянии скрасить получше мрачные раздумья жены о горестной, быть может взапрямь судьбине своего земляка, выбившийся (волею случая) в гостиную сотню, напустив на лицо веселообразность нехотя, с трудом улыбнулся и затем, помолчав, деланно, с натугой смеясь проговорил:

– Тоже хоть куда молодец. Ну Кколт: ототроду таких не видал! Ростом невелик, борода венником, почти до пупа, голос – гром. Из окна глянет – конь, перепугавшись отпрянет. Зверь. Страх божий – человек, да и только. Правда; человековедмидь. Хах-ха-ха. Гвозди зубовъём вынимал, сказывают люди, в рядах. Тысячник, поэтому – пан. Грошики – начало всему; злотые... И то же, почти: свейские риксдалеры.

– Нет... Брось; вневременное. Не взвеселил. Служит, говоришь? В городе?

– Там.

– Съезди, – попросила вдругорь, думая о Канцах, – Трудно ли? Сама запрягу; свычное... с недавних времен. Едь, миленькой дружок, Офонасьич. Може бы, якщо, говоришь были в пограничную зель, Брянцину – о матери скажет чо-нибудь яснее, чем ты.

– Съездим; занапрасно поссорилися, – молвил супруг: – Да уж. «Но зато, наконец – во как вихлевата судьбинушка! – любимую встретил».

«Часто человеки сообщничают, соединясь перед лицом чуждых сил даб, соополчась на противника удвох нападать; вынужденный, худший альянц; победили – и готов, развалился. Ихний, получилось – для радости, – подумал купец, вскидывая взор на венцы около святого угла. – Только что, на Постного Ваньку, в собственном доме поженилися. На память висят. Свадебный союз нерушим. Все есть для радости: и хлеб, и любовь. Но, да и в былые года, в общем-то, не очень тужил. Радость николи не развалится, покуда живой». – «Ладно уж, Марийко. Не плачь. Сто верст каких-нибудь, не так далеко. Еду – не чужая судьба, – рек, полюбывавшись венцами; – просто и легко угодить... Фрам!»

И через день, на коне выбрался-таки, в Ньюенштад.

35

Ночь; темь, не темь; близь – четко различимые с пристани громады валов на крепостной стороне, даль – не до конца растворившийся в прозрачности аера, с чутком загустевшей на левом берегу, у Песков голубизны и затуманенности невский простор.

Штад Ньюен спит, изредка тревожимый брехами дворовых собак – бодрствуют одни сторожа, за исключением тех, кто приноровился, похаживая спать на ходу, нетопыри³⁴, конокрады и какая-то часть призванных держать караул в крепости солдат-часовых. Людные о светлую пору, пристанные кладки пусты. Кроме здоровенных эстляндцев, нанятых под Нарвой стеречь выгруженный из корабельных недр на крытые площадки товар около судов – никого. На сберегателях собственности под балахонами, топорща одежду – меховые поддевки, на плечах батожьё.

Тишь, призрачность во всем окружающем. Ее наводил, царствуя ночной полусвет;

³⁴ Нетопырь, по букварю XVII века и в современном словоупотреблении – летучая мышь.

Изредка в тиши перезвон якорных цепей на судах.

Небольшой неослабевающий ветер, холодок от воды.

Быль-небыль; в хрониках о сём удивительнейшем времени суток, и о многом еще, связанном с когдатошной жизнью стертого по воле Петра с географических карт, в давнишнем городка Нюенштада – ни единой строки. Но, а что касаясь крепости самой по себе, тверди на путях кораблей – можно, при желании выкопать чего-то, из книг. Избы у валов Нюеншанца, по старинке – посад.

Быль-небыль, как-бы: вовлеченная в плоть повествования вторичная правда; лучше ли чачоточной правды неправдоподобная ложь?

Вей, ветер!

...Холодок, от воды.

На валу крепости, у главных ворот с чернополосатой будкой, где сидит алебарщик, точно изваянный недвижим, видится от пристани вактор: голова на руках, кои обхватили ружье, или то склонилась на грудь; издали могло показаться, что солдат на часах вглядывался в дульный глазок. Вряд ли бы такое затеивал, вообще говоря. Как же понимать: задремал, грубо нарушая устав? Замер чтобы лучше прислушаться к речам сторожей? Думает, о чем-то своем? Надо полагать, что последнее вернее всего.

Что же ты задумался, воин: вспомнил об отцовской земле с горами камней по углам? О матери-старухе? О детях? Или не успел обрести? Может быть тайком проклинаешь хемланд – родину, за то что велит стоя в карауле не спать? Надо ли на это сердиться? Отчина не всякожды пряник, говорил на стерне, жвикая серпом подгородный, Парка, но и, в совокупности – кнут.

Что бы ты ни думал об отчине и как бы ни мерз, мысли, обращенные в сторону родных палестин, за море, и ты это знаешь, временем, способны согреть душу сорванного с пашни крестьянина не только в гнилом воздухе постылой казармы, но и даже, подчас, ночью – на промозгом ветру; это приблизительно то, что для бывших мореходцев образ путеводной звезды, или, как во все времена, не исключая теперешних – высокая цель над тьмою каждодневных суев.

Выстоишь. Во всех пониманиях, – не только в борьбе противу дремоты. Взбодрись! Двигайся. Когда-нибудь ты все-таки вернешься домой. Вынесешь и голод, и холод, и постельных клопов. Главное – задача задач, или же – и так говорят с некоторых пор, сверхзадача: вытерпеть, стремясь к своему. Земли, на которых стоит Нюен для такого как ты бранника по вольному найму вовсе никакая не родина, Поневье – чужбина. В штаде не твои терема, в бухте не твои корабли. То же – за спиною. Везде. Вплоть до приграничных украин твоего – ни на талер; даже ни на ломаный шлант...

Ночь; тишь, перемежаемая кое-когда поплесками охтинских вод о сваи корабельных причалов. Замерший столбом часовой. Далее, внизу, под пятою круто ниспадающих в ширь невиского пространства валов, на плоско-остром носу, вклинившемся в зыбкую гладь, по временам притухая светится маячный костер; надолбы, повыше огня, пред мысовым укреплением;

Площадка – раскат, с еле различимой пушкой, направленной вдаль;

Малость опаленные искорьем подросты осин;

Вешала, для сушки сетей, лодка, на песке – перевернута, подальше чуть-чуть, крытая – поленница дров.

Так немо, что всплывающий в тишь перезвон якорных цепей на судах слабым жестяным шелестком, перелетая реку взносится наверх, к часовым. Вот-вот настанет самая глухая пора коловращения суток – межень, час непродолжительной тьмы, разъединяющей ночь на светлые от зорь половины;

Безмолвие – и в нем человек в медленной ходьбе, на валу... Город, погружившийся в сон... Изредка на право-бережья, у товарных клетей, с грузами пройдет дозор. Безмолвие – для тех, что прохаживались по пристаням на городской стороне, за Охтою, поблизу рядка

дремлющих до светлой поры около мостов кораблей, – как знать, не полнился ли тот человек, что виделся ночному дозору с противоположного берега, низменного криком души?

Чуть смерклось, но еще хорошо зримы, в негустой синеве пристань, частокол на мысу, чернополосатая будка сторожа, у главных ворот, малый с бердышом – алебардщик, замерший в ходьбе по верхам крепости солдат – часовой. Скоро ли наступит межень? Август на исходе, а ночь, как бы – ни туда, ни сюда. Всё замерло, и даже обвис только что слегка шевелившийся повыше трубы флаг на комендантском доме; в крепости.

Но вот, не издав ни наималейшего звука, в полуосвещенных костром из-за частокола вратах приотворилась калитка, и за этим вовне выказались двое людей.

Миновав будку, где уснул алебардщик, сходие на татей³⁵, особы следуют ко взножью валов, и уже вактору, что был наверху, в свете маяка не видны. Грюкнуло; качаются в лодке.

Точию пробившись наверх, к двоице качавшихся в лодке с того света – желтое пятно, у кормы. Еле различимый дозором, сторожами подъездок – чёлн неудержимо плывет, противу течения Охты к городской стороне. В свете мысового костра, озолотившего часть околобережных клетей балахонники с трудом узнают сборщика таможенных пошлин – Крига; спереди, на веслах сидел сыщик губернатора края, воевода Ензер.

Стук паузка о сваи мостов, под которые заглядывал Вершин; далее, заречные гости взлазят, с фонарьком на помост; скрипнуло, разочек, другой.

Люди сторожа замечают: направляются к ним. Неистовые в праведной злобе, сатанеют собаки. Только что стоявший за валом, у пороховых погребов крепости детина с ружьем, воин починает ходить.

Тыкая на мачты судов пальцами команде дозорных, двоица людей с фонарем кажет подорожную память – грамоту с печатями, pass на беззаборонный проход шкуны с огоньком на борту к Ладоге; чуть-чуть погода судно подтянули к мостам; сколько-то матрозов, сарынь втаскивают бочку смолы, пятиведёрный котел, с дюжину брэнчавших железом, трехаршинных тюков – и через какое-то время судно покидает причал.

«Эккая вокруг тишинища!.. полная, – отметил, вздохнув некто равнодушный к тому, что происходило, чужак: – Можно бы сказать, гробовая; именно. А где-то вдали около незримых во тьме к югу от границ королевства местечковых жилищ ходят сторожа с колотушками, – явилось на ум, как переместился подальше от людей, на корму. – Толку-то!.. Не хитрый снаряд; звуки производит свинец, бабка на коротком ремне, быющая, по воле обходчика в пустую доску... цку полую, сказал бы Серьга. Всем любо: и владельцу мает, имущества, какое ни есть, коли стукотня уловима, слышится, и вору; эге ж – оный стукача обойдет. Можно ли таким устроить? Вряд ли отпугнешь; суета... Секирою – куда бы ни шло. Нечто наподобие этого – собачья брехня, слышимая где-то поодаль, в городской стороне. Схожее; одно к одному.

Впрочем, в зарубежной земле слышимое в темь – пустяковина, – в дневные часы лупят, потрясатели аера куда посильнее, крепкого вина перебрав; бьют, пьяные как есть по всему, что ни попадет на глаза... Русичи, поскольку; эге ж: принято, с каких-то времен... Злачная держава-страна, дьявол ее распобери! Каждому достанет закусок, едева, к любому питью.

Нету батьковщины – сплыла, кончилась, хотя не совсем... Сонное видение – маль мальская, по суги: ничто.

Эх-х, поворотить бы назад годы-время, взвить трубам, так, чтобы дрожала земля... Помнится. И, шляхом – вперед, в сечу. И – рабов, на поля. Жил бы корольком. А теперь? Ни доброго жилища, ни денег, ни, тебе человеко... выразимся так... почитательства ни с чьей стороны; право же. А кто виноват? Сам? ротмистр – Ондрияшко Никифоров, проклятый поляк, взявший, под Можаем в полон? Выбежавший наприконце лютого в метель побратим? Бросил своего однокашника! Гм. Или не так? Двойственно. Быть может сестра, – вскользь проговори-

³⁵ Тать – вор, грабитель.

лось в мозгу, – встала на путях в богачи? Тоже не годится... Никто. Думалось, когда уходил с Брянщины в Литву, за рубеж где-нибудь ее отыскать, еже не вблизи, так на свеинах – и вот, не сбылось. Винен, получается – рок; именно. Такая судьба. Выполним-таки поручение! Достанет сил. Земский переводчик – гроши; временное, будем считать...»

Мыс около, – увидел чужак;

Течение относит корабль к еле различимой Чернавке: устье затерялось в суках неистребимой ольхи так, что над поверхностью зрим только пешеходный мосток; тут же, для проезда в твердыню, с флагами на башенках мост, высвеченный со стороны левобережья костром полнотью, до башенок, взводный.

Шкуна в серединном пролете; вздыбленная часть полотна, озолоченная пламенем, узрил караульщик-воин, что стоял в стороне от пороховых погребов медленно скрывает корму. Что это: задержка? Да нет; благополучно пройдя створ судно приспускается далее – опять на виду;

В отблесках маячного пламени на черной воде Охты, прыгающих близ корабля на корме зрятя, втягиваясь в жидкую темь полуаршинные буквы. «Малая родина!..» – вздохнул бы солдат, видевший название судна, если бы возмог прочитать надпись, ускользнувшую вдаль.

Это, прибежав из заморья уходила на Русь гётеборгская LITEN FOSTERJORD.

Проминовав мост, судно vyplывает к Неве;

Тут же на нем поставили во весь разворот, видимый отчетливо парус. Накренившись чуть-чуть к противоположному берегу, «Литен Фостерйорд» замерла и, преодолевая напор встречных вод медленно, но верно пошла мимо бастионов твердыни, противу течения вверх.

В тот же приблизительно час как воин, не умевший читать, неграмотный увидел корабль в распахнутые настежь ворота придорожной корчмы, где завтракал бараниной Парка въехал, отклонившись в межень, по темени с приморского тракта перед Коломяжской заставою – на Лисьем-Носу, в прошлом небогатый, купец.

Именно – марийкин супруг; Ненадобнов.

Чуть-чуть запоздал выбраться, по слову жены к месту нахождения шурина – не полная правда. Полная: не сбейся, во тьме к северу на несколько верст мог бы, допустимо увидеть скрывшуюся шкуну вблизи...

С тем, конный спешил, под лай собак и, пренебрегая жарким, бараниною лег почивать. – «Успеется, – мелькнуло в душе: – Поздно. Или, может быть, рано? Самая глухая пора. Но, да и, помимо того... главное! гостиница, крог чуть ли не в самом Нюенштаде; около, вернее сказать».

36

Едем!

На корме подувал свежий до того, что прокрадывался под меховую безрукавку и кафтан ветерок. Слева колокольня, в Песках, справа – мысовой бастион. Исподволь уходит во тьму, прячется маячный костер – отблески неяркого пламени, – отметил русак то, попеременно показывались, то, подброжав несколько мгновений скрывались в черное, играя в зыбях.

«Мечутся... бегут врассыпную. Вон как: помелькало – и нет! Канулось куда-то. Затем вспыхнет, перепляскою вновь. Нечто наподобие совесть. Как бы, умерла... Оживет; к будущей весне, али может, к лету; деньги допомогут воскреснуть, – подержал на уме в общем безучастный к тому, что происходило на судне созерцатель огней и, с очередным, на глазах водоприемлением рек: «От-т и хорошо-хорошенько!»

– Что? – переспросил рулевой и, не дожидаясь ответа выговорил: – Херре? йа, йа: отшен коррашшо отошли. Поздравляю!

– А? Чего, капитан? Что это решил перейти на чужеземную мольв? Руссландом не пахнет. К тому ж знаю-понимаю по-своейски, плаватель не хуже, чем ты.

Стрелке не хотелось беседовать, но все-таки он, дабы не обидеть молчанием главу корабельщиков, а также избыть горько-никчемушных теперь, думалось ему размышлений разговор поддержал.

Вот как проходила беседа:

Пришлый: – Да и ветер хорош, дует, показалось на юг, в сторону родных палестин. Свеж, дьявол!.. Айв меховом телогрее, чуется, собака – знобит. Во как натянул полотно!

Свенссон, корабельщик: – Зюдвест; с моря, – пояснил рулевой. – В спину.

Стрелка: – Юго-западный; так. В спину, говоришь, капитан? – «Тоже хорошо!.. А потом? Только б не срубили главу», – произвелось на уме. С тем, вслушиваясь в сердца биение лазутчик вдругорь, мельком оглядел паруса, переместил чуточку рассеянный зор на левобережье Невы, различив одадь – в стороне, на Песках видимую в белую ночь с противоположного берега колоколенку Спаса хмыкнул и затем произнес: – Тут – в спину, а потом, на Руси будем получать по спине.

– Как? Как, как? Понял! – затруднившись на миг, с живостью откликнулся кормщик: – Или же чуть-чуть повернет. Думаю, что ветер не сменится. Ну да: по спине; можно выражаться и так – тонкость языка, да и всё. Как бы ни повеял потом, херре Неизвестный – вперед! Фрам! На, йа. С Бог в помощь, как у нас говорят ваши мореходы, пловцы.

«С Богом? А коли не поможет? – услышал судовщик: – Скажем, наступило безветрие; да мало ли что может приключиться в пути. Незачем особо надеяться на помощь Творца, – молвя, усмехнулся толмач. – Мы не из таковских; вот, вот: правлю сам. Изверился и в Бога, и в черта. Начали по крупному счету! Ни страхи нипочем, ни труды; будущие, скеппаре; ну... Бог платит, коли сам заработаешь. По-моему так. Что это за жизнь? Трын-трава!.. Тьф-фу». – Кончив говорить, переводчик обернулся на крепость, за которой лежал канувший во тьму Нюенштад, напустил на лицо гордо-независимый вид и пренебрежительно сплюнул.

– А вот так-то нельзя, – Свенссон, отвлекаясь на миг, с выкриком: «На вахте! смотреть!» – Тут вам не кабак, господин некто неизвестный, – вещал, вглядываясь в ночь рулевой. – Помните, что мы на воде. Как вы говорите? Житье... *дрын-дрова?* Что за выражение? Брань? Что-то не слыхал до сих пор. Стыдно, пребывая в гостях так нехорошо выражаться! – молвил с укоризной, в сердцах: – «Литен фостерйорд» не притон для штатских попрошаек, воря. Собственно а кто вы такой, чтобы, находясь на борту даже и пускай по прямому произволению каких-то людей, по-видимому, власть предрежащих столь высокомерно держаться?

Стрелка: – Переводчик... Живем. Платят понемногу.

– И всё? Только-то? – купец.

– До поры; хватит для начала, – русак: – Вскорости судьба переменится... коли возвращусь. Так-то. Для того и плыву. Есть определенная цель.

– Да? Вот как? А нельзя ли узнать в чем же то она состоит?

– Именно? Какая? – изрек, думая о списках толмач. – Крупная. – «Почто б ни сказать? Лучше бы не впрямь, инословно», – пронеслось на уме. – Цель... Цель, – ответовав, замявшись чуть-чуть, – грубо говоря, по-мужицки: выпростаться из-под дерьма.

– Оч-чень любопытно. Так, так; догадываюсь; можно постичь, – вскользь пробормотал капитан, ровно ничего не поняв. – О, вы не из тех молодцов, у кого ветер, так сказать – в голове.

– Правильнее было бы: хмель, – Стрелка, повернув разговор в сторону от скользких речей. – Риддера имею в виду... Этого. Который остался.

Шкипер: – Да и я... Повезло. Сядет на обратном пути. Олаф, разумеется выгадал. По-моему, так. Шельма, – хохотнул капитан, тешась разговором. – А что: ешь, бражничай до самого вечера, гуляй до утра. Выплатил ему, накануне сколько-то за месяц вперед. Как не подчиниться властям? Сгреб талеры с такой снисходительностью, будто ему подали на паперти шлант. Но, а что касается вас, херре Подставное Лицо, едущего вместо матроза, Риддера –

сочтемся потом... позже. По прибытии в Сясь. Жалко ли чужого, риксдалеров. Как только придем, херре, под расписку – бери; так распорядилось начальство, – присовокупил рулевой.

«Ресх'елп, – догадался разведчик; – даве губернатор сказал – выдадут в московских рублях. Славно: путевые расходы!»

– Сколько же? – Матвей.

– Не считал... Два... много! Да ведь как понимать: две мухи на коровьем блину, сказывал однажды знакомый ладожанин, купец – мало, в щах – много. Каждый понимает по-своему значение цифр в случае, коли говорят... ваши о каких-то деньгах.

– Два та... два талера, по-твоему – деньги? много?! Сволочи! – взорвался толмач.

Выяснилось, кормщик везет спрятанные им до поры по указанию свыше, письменному два кошелька; полных, уточнил капитан.

– Правда? – услышав сообщение сказал, поморгав, с видом простеца собеседник – даже, показалось на миг Свенссону, когда обернулся к слушателю рот приоткрыл.

«Ах-х шельма: притворился не знающим! Да кто он такой все-таки?» – подумал купец; с тем, взглядывая то на восток, то севернее правого берега подумавший выговорил: – Нечего врать. Тут вам не ряды за Невой, торжище. Зачем, не пойму строить из себя дурака? «Что же то, в конце-то концов дельное за этим стоит?» – произвелось на уме. Кормщик озадаченно хмыкнул, вглядываясь в темь, увидел: крепость отошла за корму, слева, на пути – огонёк.

– Судя по словам побывавшего на «Литен» таможенника, что досмотрел судно не заметив котла и сабельных полос, – проворчал шкипер, с полуоборотом назад, – поднятых в ночи на корабль не взвешенными, то есть бесплатно вы, так называемый Риддер далеко не простец. Лучше бы наверное вам, приятель, подставному лицу, как я подозреваю – лазутчику на время пути собственное имя – забыть.

– Вот как? Не хочу, старина. В плаваниях, даже и тут, не говоря о морских, в Ригу, или, там в Померанию полно неожиданностей – знаешь, бывал...

– Четырежды? Раз так, молодец; похвально, – прицепил собеседник. – Пускать из-под воды пузырьё – кончатся, да еще под чужим именем какого-то Риддера, пьянчуги матроза, думается мне, ни к чему; лишнее, покамест; ага; помню о чистилище, скеппаре. А вдруг у того, пьяницы побольше грехов? Так я и в рай не попаду.

– Вы не попадете и так, из-за своего языка, гадкого, – откликнулся шкипер, бросив неприязненный взгляд на подставного матроза, и, не видя причин сдерживаться перед навязанным властями попутчиком сурово сказал:

– В рай не попадают непрощенно – *нахалом*; да, да; вроде бы и так говорят, в Ладоге, – припомнил купец. – Каждый, кто идет по воде должен быть готов ко всему. Ясно, что и нас, как любых плователей, даже и днем подстерегают опасности – так надо ли их, с вашей болтовнёю плодить? а, так называемый Риддер? – Выговорив, Свенссон примолк. – Действуйте себе на здоровье, что б ни собирались творить, но не забывайте: успех может оказаться... Не всё – рвение к тому, что задумано, включая сюда целенаправленный труд. Тем более касается вас... лжепредприниматель, по найму. Ладога – понятное дело: бури, смертоносные камни; то же, приблизительно – реки... даже в маловодном ручье множество, незримых камней.

– Бури да камни – не каждому. Авось пронесет; как-нибудь, – заметил русак. – Нынче повсюду опасно. «Разве? А, пожалуй. Всё так, – слышалось, вещал рулевой: – Риддер, господин путешественник, по правде сказать, общем-то не очень умен. Как бы, окажись приведённым к губернатору края, – проронил капитан, – вместо моего забияки, да еще и, к тому ж лентяя поступили бы вы? Что б выбрали: возможность роскошествовать, по выражению того кто остался в городе с шальными рейхсдалерами, или тюрьму?»

– Так же поступил бы, как твой... выгодно поскольку... матроз. Я уже и так поступил... Сам, по своему изволению. А как же еще? Думаешь под палкою выбрал?

Свенссон, отомщенный за дерзости незваного гостя, *лжепредпринимателя*, приснул: выскулив останний глагол Стрелка покривился в лице, ойкнул, и, склоняясь вперед-вбок туловищем, словно от качки препотешно задержался, как червь на крючке.

– Так-то, господин экскурсант, – проговорил судовщик: – За всё необходимо платить. Хочется того, или нет – выкладывай. По-моему, так.

Высказался, в общем без хитри – нечто наподобие этого, у Нарвского тракта, вспомнил переводчик недавнее и сам говорил; в стычке с вислоусым крестьянином, по имени Парка. Там – правильно и тут – справедливо, даром, что весьма и весьма нелицеприятную речь кормщика не тянет сравнить с ложкою забелы для щей; или же, иначе: глаголы, сказанные только что Свенссоном – всего лишь одна муха на коровьем блине.

– Что б ни отдохнуть языкам? Оба уладились... беседую. Ведь так, господин? Больше, разумеется вы. Нет? – проговорил мореходец, высекая огонь для нераскурившейся трубки, а его собеседник вытянул, в досаде свою.

37

За кронверком, вблизи укрепления проплыл в тишине, видимый поодаль от берега кирпичный завод Юкки Невалайнена, приезжего финца – тегельбрук, с двумя тегелладами, сарай для сушки лучшего, на обжиг сырца, ближе, у Невы, хорошо видимый в заречье – Дубок: несколько едва различимых в полумраке берез, дом, четырехстенный, поветь, баенка – внизу, на отшибе, чуть ли не у самой воды.

Как-то, в соловьиную ночь Фликка проводила сюда, к хутору, от ихней Карвилы, – подержал на уме, вглядываясь в сумрак, Матвей. Помнится, расстались на горке, саженьях в тридцати от околodворных берез. Перебредя чернобыл за пряслами, вблизи огорода с чучелом, спустился к Неве и с тем, разоблачась донага выкупался, чтоб остудить плотское начало любви. Проще выражаясь, в реке мужескую похоть унял;

То же – у двора, в слободе... Дважды отказалась идти, как ни домогался, в постель, дьявол ее распобери.

Вспомнив молодую девицу Стрелка, непонятно для Свенссона, увидел купец, взглядывая в сторону, хмыкнул.

Даже уходила, змея от непреднамеренных ласк; впрямь, – вообразив на мгновение Большую Карвилу подивился Матвей, с тем как хуторишко исчез; – ни поцеловать, ни обнять. Ставила себя недотрогой, невесть для чего. Месяца четыре страдал от неразделенной любви. Там, поопосля – на сенце, в брошенной лачуге Софрона – беженец на Русь – овладел крепостью почти без труда; только приголубил ее, курицу, – и та поддалась... К фадеру потом, на причал медленнее прежнего шли, берегом, – припомнил мужик – тропками, у всех на виду...

...Знай наших! Сделано – трава не расти. – Стрелка, представляя сенник самодовольно похмыкал.

«Август... Разродится в апрель. Так-то, фадер. Сталось! Уговор на словах подкреплен целенаправленным действием, – изрек про себя, выколотив трубку жених. – Все произошло по умышленному, волил – сбылось. Что это: как будто «ау» слышится сквозь поплески волн!.. Яко бы младенец попискивает; во чудеса. Нетути считай переводчика. Отстался, пропал. Есть, как бы: на три четверти зять. Славно!.. Подложились-таки.

Чаем, старикан заподозрил, провожая в поход, что его падкая на лакомства доченька явила себя столь равнодушной к сенцу... Мелочи, в конце-то концов...

Странно; это ж как понимать: зрится почему-то не Фликка, в поисках потерянной шляпки чуть не по стреху затопившая слезами сенник, а ее чваньющийся дочкою фадер, таможенные книги, весы... Чуждое! Однако, не всё: кажется, в неверном свете ва́жни, весового анбара,

прикреплен ланцюгом в руку толщиной, на цепи, доверху наполненный золотом, таможенно-вляр... Временно, положим – не свой; да уж, так... Дуростью вомянуло в мечты».

Едет!.. Почему не другой? Скажем, коробейник Галуза, тихвинец, ходил до Невы сукна покупать на торгу. Баивали, сей дурушлеп хочет возвратиться на Русь. Хочет, а не может; ну да: где-то изблизи рубежей двжды оказывался пойманным, палачески дран, вкинут в земляную тюрьму. Что б ни подрядиться в разведчики? Обманом... а то ж. Взял бы подорожные талеры – и скрылся. Колпак! Ломится в запёртую дверь.

Шли правым берегом, но все-таки-то левобережье узнавалось в ночи; вон только что уплыл за корму остров с рыболовными тонями на устье Судилы, называемой также Волковкою, дальше, на юг – Купчино... Бывали и там. Вот, как на ладони Рыбацкое, оно же Каллуево; простой перевод: кала, по-туземски – рыба, – сопоставил Матвей; чуточку повыше Рыбацкого появится Костино, у самой Невы. Изб, как таковых не видать – нет-нет, за чередой берез явит сероватый покров та, что под скалой, берестяною, да кое-когда взвидится прибрежная клеть. Берёста хорошо упасает сельские дома от дождей, – а случись – видели – пожар, с ветерком? Разметет огонь на несколько полетов стрелы!.. Справа по движению судна деревенек побольше, нежели на сей стороне – по левобережью идет, тянется, отсель невидомый в сумеречном свете, большак; ваген, по-иному сказать... памятник седой старине. Тянется, на дюжину миль чуть ли не у самой воды.

«Ваген тилл Нотебург», изрек рулевой. Может захотел, старина возобновить разговор? Нет... Нет, так нет. Кто б спорил; помолчим, капитан. Вот новость; знаемо: ландсваген идет в некогдашний город Орех, принадлежавший Руси... *Ключ-город*, говорил губернатор. Получается, так: тамотко, на острове – крепость. Отобрали... Ну да. Свей. – Наблюдатель зевнул. – Ключ, вставленный в замок на двери, запершей проход по Неве. Где только судьба не носила!.. Побывали и там. Ездили в предбывший Орех, правда на посад, а не в крепость и водой, и горою, трактом – всякожды, – припомнил Матвей. – Далее, за Нотбургом ваг стелется к Лавуйской заставе, небольшому острогу, на реке Лавуе; Лава, говорил губернатор – межигосударский рубеж.

(Несколько позднее по тракту, о котором держал внутреннюю речь переводчик, вызвав кое-что от людей, вхожих во дворец генерала ринется всугонь верховой – но пока, сбившийся по темени в сторону с приморского тракта выборжец, легко догадаться во изнеможении сил крепко, по-младенчески спит, и ему снится бедолага шурик, в прошлом, на войне – побратим; он в кроге, у Поклонной горы, там же, где с неделю назад завтракал бараниной Парка).

Что ни говори о житье, ставшемся на устьях Невы покидать сторону, в которой пробыл около двенадцати лет, пусть наполовину никчёмных, – пронеслось на уме плившего: не водочку пить; радости – кот Васька наплакал. Именно; не так, чтобы очень. – Стрелка, отвернувшись от Костино, прибрежной деревни, плившей за корму вздохнул. – Все-таки-то было чего-то стоящее в том, как жилось: мазанка, с единственной печью, на двоих одинцов – плачено давным-предавню, поровну, сарай, погребок... Два полуприятеля... Фликка, фрекен – молодая девица... Жалованье. Кое-когда выпадет случайный доход. Есть люди-жители не токмо безносые, альбо в лишаях – в ком-то шевелится, терзая коликами плотские недра наконецник стрелы! – видели такого на Сорсе, в позапрошлом году, недозастреленного... Сиречь, на Утке; только что, – мелькнуло у видевшего, – веску прошли. Усть-Сорса называется; но. Живут за рубежом, привыкают, ежели тоска по Руси... Брянщине жирком заплывет. Всякие бывают на свете судьбы да людские виталища; и мы поживем.

До побаченья! Фарвёл, Ньюенштад! Свидимся. И ты не горюй, суженая... матть твою так.

Вадило когда-то мечтанье, странное довольно-таки, мягко выражаясь – теперь, в нынешнее время предателей и жадных дельцов штада... и наемных убийц, – молвил чередом, про себя, криво усмехнувшись, Матвей, – родственную душу найти...

Думалось, что если иметь с кем-то из простых обывателей сердечную общность, скажем так: двуединство – с женщиной, а лучше с мужчиной, таким же как сам, легче воевать за какой-то мыслимый тобою значительным житейский успех, с тем, что у тебя за спиной будет обеспеченный тыл; мир – скопище готовых на всё худшее в погоне за лучшим ангелов с ножами в руках... То же, приблизительно – сам: коль не подсидишь иногда в чем-нибудь, на службе приятеля, так он, негодяй, пакостник тебя подсидит.

Кончилось, прошло наваждение – нетути бесплатных друзей!.. Умерли. Туда и дорога. Люди, не способные быть сколько-нибудь долго в приятельстве промежду собою, и тем паче в друзьях – недруги уже потому, что заживо друг дружку хоронят; именно; расстались – пропал, выветрился напрочь из памяти... Ага, насовсем. Или же, встречаясь по-прежнему – глядят исподлобья; чем тебе, оно ни враги? Всякое бывало; подчас кто-нибудь из мнимых приятелей бесплатно уйдет, якобы по малой нужде, с пряником в зубах, винолюб... Жданко, из людей базарян предал, в кабачке «На Углу»...

Добре, что приятельства кончились! – единственно жаль, что не сохранился в друзьях, в прошлом однокашник Серьга; с ним повеселее жилось, трудно объяснить почему. Реже ощущал одиночество? Порою оно сказывалось даже среди столь же обойденных судьбою неженатых людей, – что уж поминать семьянистых. Да уж, получается так: тем на одинцов наплевать, ибо-то у них на уме только и заботы – кормить выводок, детей; по-людски. Дабы не испытывать зависти, к таким под конец вовсе перестал заходить. Было, пригласит повечеряти какой-то делец, лавочник, петух своего, чуть ли не святого семейства – притворишься больным. Верили. По сути вещей не было притворства, поскольку в людях, на миру одиночество – тяжелая скорбь. В пустынь бы с такою хворобою идти, а не в люд. Можно б – на Холодное море. По-божески б ему, отщепенцу от родины своей, батьковщины – самая пора в Соловки... ежели туда, в монастырь перекрещенцев берут. Лучше бы, конечно дружить с кем-нибудь таким, как Ненадобнов, – итожил Матвей.

«Странное-таки ощущение... В будущем – богатство и власть!.. Рано – в бургомистры... потом, – вскользь вообразив нареченную, подумал жених: – Чувствуешь себя на чужбине яко за Можаем, под Клепиками, в пору войны!..»

Что ж, не получилось в одном, в дружестве – займемся другим; да уж. Обеспеченный тыл в противостоянии с недругами, в лютой борьбе по значимости для человека, устремленного в будущее, как таковой, все-таки – существенно меньше, нежели конечная цель. Станется уже благоденствие!.. В довесок – любовь; даром ли вручен корабельник.

Стрелка, вспоминая невесту на какой-то часец вообразил в далине, над берегом Карвилы усадьбу. Мыза, на глазах переводчика, увидел Матвей тут же превратилась в кабак. «Очень хорошо... Не совсем... не очень, – пронеслось на уме: – Только-то всего и достоинства: доходное место, сказывали – Красный Кабак... Тоже пригодится... берем!»

Любят не за черные очи, сказывал отец нареченной, выразив прозрачный намек на иждивение, кошт – дескать, добивайся руки, союзничества чем-то иным. Подразумевалось: деньгами; ясно же. Таможенник прав.

Благоденствия, увы не достать с помощью одной красоты. Да и таковая – не очень; взлзысины маленько наметились, бель на висках... телом худоват... не купец. Ладно уж. За главное: цель. Деньги, разумеется будут! – красота и уда, тельная, которой пришлось действовать на днях в сеннике только предваряют успех. Вящная работа – за Ладогою: сошлых крестьян, беженцев за Лугу искать. Эта белобрысина, Фликка и ее старикан вскорости узнают почем будущие наши труды!.. В мае. Или, может: июнь. Надо – предоставим реестры. Выгодно; ужели не так? – «От-т жизнь собачья! – пронеслось на уме: – Хочется любовной обнимки... Костино, так будем считать... проехали – а вместо нее черная работа.

Увы! То же – в померанской земле; Брянцина, опять же... Во всем – та или иная браньба. Как бы то, выходит на деле: обречен воевать; жив – борись. Видно уж таков человек, зверь по своему естеству, то бишь по природе; ну да. Чем же то сие объяснить?»

...Хочется побольше? Не то; вряд ли подоплёка³⁶ борьбы за лучшее, чем есть, еже есть достойное, так скажем условно существование – людская душа; вящшая причина вовне. Будем выколачивать правду исходя из того, что каждый, по великому счету, нашему как перст одинок. То-то же и тянемся к Богу... Еже не в прямых неприятелях, то в чем-то еще, как бы, заменяющем их люди, покопайся поглубже в человеческой душе, темной, – промелькнуло у Стрелки, – в бранях ощущают нужду. Как это ни кажется странным на поверхностный взгляд истина предельно проста: человек, аже ли не борется – мертв. Лучшее тому доказательство: заневский погост, за Охтою, вблизи городка. Тот, кто не согласен – проверь; стоит побывать за околицею сразу дойдет... Каждый человек, сообразно этому – невольный борец. Тяга то и дело вступать в противоборства будит, получается так внутренние, скрытые силы, дремлющие где-то внутри – то есть, изначальный порыв к действию приходит извне. Да; так, так: жажда побороться за что-то, али против кого-то, важно ли во имя чего приходит, рассудил переводчик то, попеременно от Бога, то от губернатора тьмы; равные права, понимай. Вот именно; ужели не так? – истина, с которою может согласиться не только читывавший кое-когда книги бургомистра толмач, но и подгородный орань, еже таковой не тупец. Просто; проще пареной репы.

...Егда покопаться еще глубже... лучше, – родилось в голове с тем как, утомясь рассуждениями, в полудремоте поплевал за корму, – противостояние с недругами, в сути – добро. Так бы, не имея врагов человек выродился, лучше б сказать: расчеловечился; впадая в застой во изнеможении сил, ослабленный борьбою за мир – он бы превратился в скотин. Главное отличие людства от четвероногой среды тех, что на подножном корму, питающихся травами в том, что люди не способны прожить без драки, затевая подчас ту или иную борьбу даже и когда провидением, по воле Творца оной предрешен неуспех. То бишь, по еговой природе, псу – не воевать не дано.

Любится тебе, али нет – пренебреженно борись, нету неприятелей, ворогов – ищи таковых. Главное не то, как бороться, честно аль не так чтобы очень – важно, занимаясь борьбою настоять на своем.

«Да уж; за словами – дела, – вскользь проговорилось в мозгу: – В общем, оказалось: пустяк – взвидеть подоплёку борьбы... Ох-хо-хо. Вся-то наша жизнь, до успения – сплошная браньба, где б ни воевал; по-людски. Что ж, за неимением лучшего придется сказать: истинно-то: счастье – в борьбе; то б то, в упоении действием... И только? Ну да... вроде бы... Не густо, делец.

Шагу не ступить из-за тьмы разнообразных препон. Тут еще, влюбляйся в невесту! – пронеслось на уме. – Справимся ужо, победим. Тоже, называется – счастье, – усмехнулся жених. – Вроде приручил, наконец эту белобрысую курицу, но, паки душа к бабе и теперь не лежит. Надо же: ко внешним врагам – внутренний; выходит, борись противу себя самого... Переделывайся. К маю; эге ж. Запросто! С таким-то приданым, станется полюбишь не то что Фликку (далеко не красавица), – худую козу».

Сорок! Неужели-то впрямь этикие годы – его? Да. Да и нет: сложа и разделив пополам собственные годы и век семнадцатилетней жены, с чем-то небольшим – двадцать восемь; юноша... Почти молодой. Что уж говорить о другом: более существенно: крог, с винным погребом, у Нарвского тракта; вящшее богатство – Карвила. Хрыч... фадер будущей супруги скончается, не рано, так поздно – пятидесятилетен! Ого! Якобы – чем больше, тем лучше. Думается, что не заставит с этим, старикашка себя слишком продолжительно ждать.

³⁶ Подоплека – часть крестьянской рубахи, нечто вроде подкладки. Образная речь селянина, в прошлом, Стрелки не должна удивлять.

«Душенька, сизоворонушка, – итожил: – не плачь. Стренемея ужо, не тоскуй. Жди... В мае. Возвернусь, и тогда...»

Что вообразилось в грядущем невозможно сказать.

Дом, недалеко от реки;

Ястреб над крылечком, резной – крылья по аршину, вразлет;

Мокрая – по пояс – трава, утренний туман, холодок, лаище встревоженных псов... Далее, в низу, на ключах – женщина: цветастый передник, маяльники, в ряд – погремки, золото, – представил жених.

«Нате-ка: и тут, на воде!.. Прошное: вожанка; угу. Вспомнишь – голубые мечты мигом разлетятся, как дым. Эту и без денег полюбишь: краля! – пронеслось на уме. – Вырвалась, когда поволок эту свирестелку в кусты. Чаятельно, как-нибудь, позже сдастся и сия крепостца, даром на пути – вислоус, Паркою зовут, на селе. Кто же, як ни ворог... Мамай. Встретится – пощады не жди. Вспомнит, как его pistolетили, и тотчас... Да, да: может получиться, в отместку, пахотная лошадь убьет, насмерть, – да и как ни убить: трижды, колпаку насолил: с корабельником, у тракта, в суде... Выгородил Карло; ну да...»

Ночь, тишь... В Гудилове, на устьях Славянки промигнул огонек; вон кажется, правее берез, в селении, повыше – другой, около торговых рядов. Там крог, как водится; кружало, кабак.

38

На заре, после прохождения судном видимых довольно отчетливо Ижорских Рядков Свенссон повернул «Фостерйорд» к южному побережью Невы. За Бродкиным подводные скалы, река суживалась, и боковой ток, двигавшийся где-то в глубинах от наносной гряды правобережных песков сваливал, бывало корабль в направлении на Каменный Зуб³⁷; «Первая угроза», – вещал, в сторону Матвея купец.

Для преодоления скал требовался знающий русло судовой проводник.

В Тосне, у которой пристали не дойдя до скалы таковых проводников без числа, но почему-то, игрой случая, на всходе к селу первым повстречался Таруй, с некоторых мест приходившийся – опять-таки, случай – родственником Вершину, Палке; зять старого ижорца, Окима ежживал порою на Тосну, к свойственникам рыбу ловить.

Зыркнув на товарищей кормчего бегучим глазком, знахарь водяного пути дольше, чем того бы хотелось подорожнику свеев, Стрелке поглядев на него задержал несколько рассеянный взор на корабельной оснастке, выведав какая у «Литен» глубина погружения слегка покривился, пробуя послушность кормила, повертел колесо, тронул приводные ремни, полюбовавшись на флаг, реявший недолгое время около него, над кормою неопределенно похмыкал – и затем судовщик после невеликого торга сунул продавцу безопасности лопату-долонь; произошло рукобיתье; Свенссон повелел подначальным подымать якоря.

«Ско-оренько, дельцы сговорились! – отметил попутчик с тем как, опасаясь поймать взор путеводителя сызнава узрел водопад: – Воно-ко несущий угрозу плавателям – пагубный – зуб!.. Ровно посреди водоската. Видимо, оттоле идет слышимый за поприще гул».

...Отдвинулись подводные скалы, отмель на другом берегу – кара, произнес проводник, выше зеленца – островочка с гривой намытых песков, на левобережной стране заводь в полукружье осок, устье – вливается Святка. Здесь, недалеко от заросших чернолесьем развалин православного храма, у деревни Петрушино затем чтоб ссадить с «Литен» корабельного вожа, лотсена пристали опять.

³⁷ Последние камни *Ивановских порогов*, как потом называлось это водопадное место взорвали в 1977 г.

Плавание малость задерживалось и потому, что работяги матрозы, да и сам капитан, вымотавшись на водоскатах, у порога устали так, что временами пошатывались, ровно бы им выпало сходить на кабак. Для восстановления сил, потраченных на борзине, у многочисленных скал требовался, как ни спеша, пусть непродолжительный, сон;

«Право же, нелишне вздремнуть!» – проговорилось в мозгу кормщика за тем как Таруй вышел на Ореховский тракт – благо водопад оказался пройденным сравнительно быстро шкипер, откликаясь на просьбу нескольких матрозов об отдыхе поспать разрешил.

Стрелка было, после того как расположились на роздых вякнул капитану о том, что умалется ветер и надлежит поторапливаться, но судовщик, выслушав, лишь токмо поохал и, взирая на спутников рукою махнул.

Ветровеяние впрямь утишилось, к полудню пропало совсем, и когда, под вечер холсты парусов стали шевелиться опять ветер переменялся на встречный. Жаль-таки, посетовал штадский, выразив наумное вслух: встали, не доехав до крепости лишь несколько миль! Долго ли, с попутным: вот-вот Аннинское, дальше, за ним выкажутся красные сосны – тянувшийся около тракта на версту али две с чем-нибудь, нетронутый бор... Невская Дубровка; эге ж. Марьино, считаем – фурштад, проще говоря: подгородье; пригород, с рядком пристаней.

Что это? – мелькнуло у Стрелки, бросившего на суету, разом охватившую люд более внимательный взор: – Кажется... никак при таком ветре, с Ладоги, противном – снялись? Аще ли не так, для чего было бы вздымать якоря? Вот как! – Наблюдатель похмыкал.

Трогаем, как будто... Куда? К тосненским порогам? А, нет, – в сторону морских пристаней. Встав у колеса управления, ведец, капитан выкрикнул кому-то из плавателей: «Рею бра-соп! вправо; притяни на бакборт. Кливер! шевели бородой! Ход... Так держать!»

Судно, поплескав парусами, по косой подошло к правобережной стране и, возвратившись назад, к левобережью реки выше святореченской заводи, свернув, понеслось в даль правобережья опять... Ветр вынудил вести «Фостерйорд» переключаясь с галса на галс, как говорит капитан; ехали то влево, то вправо. Двинулись, – увидел Матвей, кверху – не назад, к падунам.

«Все-таки пошли! Ну и ну: вот бы никогда не подумалось, что можно идти вверх напекор течее с помощью противных ветров! Надо же», – явилось на ум.

Аннинское... Сосны. Вдали, около Дубровки – пожар.

Последнюю, треклятую милю ехали едва не в слезах. Круть-верть; тоска... у левобережной страны чувствуется легкий чадок. Вот кажется и встречный пропал. Чу – мельница лопочет, колёсная... никак Тростяной? Марьино! Пришли наконец.

В шорохе одрябших ветрил с берега слышался лай.

Вовремя успели: фурштад! Ладога – чуть-чуть в стороне. – Всё же победили, с трудом, – главный корабельщик: – Сбылось. Так же вот, частенько и в жизни, херре неизвестный делец... промышленник – не важно, – вещал в сторону лазутчика Свенссон в пору, как сошли на причал. – Мне бы, дуралею прислушаться к словам господина... к вашим, – уточнил судовщик, раскуривая трубку;

– Чего?

– К тем, что говорили на Святке... около развалин. А я, – с трубкою в зубах, капитан, – выслушав отличный совет пропустил сказанное мимо ушей. Надо было, впрочем доставить сотоварищам отдых.

– Как же по-иному? – толмач: – Так же поступил бы.

– Да? так? Ой ли. Но и вы молодец: предсказывали... Ветер, ну да; в спину, выражаясь по-вашему, – примолвил не вдруг, посасывая трубочку, свей: – Правда что, за этим подвел: стих, переменялся на встречный... вынужденно шли в бейдевинд. Хочешь, чтоб сбывались желания – умеи парусить. Просто ли дается успех? То же приблизительно здесь. Плавания вверх, да еще при сопротивлении ветра несколько труднее, чем ход с помощью течения, вниз; так будет,

полагаю и впредь, – присовокупил судовщик. – Флаг в руки! Действуйте в дальнейшем, за Ладогой подобно тому, как по временам поступают, преданные ветром пловцы.

«Хвалит? Насмеялся? Да нет – вроде бы, слегка похвалил; тоже молодец, старина, – произвелось на уме разведчика, польщенного тем, что изговорил капитан, встав неподалёку от Стрелки в ждании своих земляков. – Нате вам, таки удостоился его похвальбы, сказанной не всем для чего... Маль малая; приятный пустяк; именно; как будто тебе сунули, в гостях у свеян косточку, а ты облизал. Но, да и спасибо на том. Нравится; победка, по-нашему, какая ни есть».

Плавание вверх, – рассудил: – тоже разновидность борьбы. Флаг в руки, также и тебе, судовод! Что ж, что в разговорах подчас вспыхивал какой-нибудь спор? – главное, что в целом сошлись; там – воля в голове... на уме, целеустремленность, и тут; да уж, получается так... В сущности купец не его, Стрелку, а себя похвалил.

В Нотбурге, у южных исадов, только что построенных свеями, речных пристаней выпало, при полном безветрии с неделю стоять! – Стрелке показалось, мотчали с выездом в заморскую сторону не менее двух. В ждании хорошей погоды шкипер, отобедав однажды, на корчме, пошутил: «Как-то не привык до сих пор, херре Неизвестный, бросать в плаваниях деньги на ветер, а теперь вот готов. Думается лучше отдать дань благоприятному ветру, нежели-то, встав на прикол обогащать корчмаря». Было от чего приуныть!.. Тут еще, одно к одному, при совершенном безветрии стояла жара.

Тишь. Пыль. Солнце, иногда притускняясь от кочующих дымок иссушило листву околодорожных дубов, даже несмотря на поливку привозной водой на огородах мещан, перевозчиков на остров и лотсенов хирели сады – деревья никли, зарастая паршой, сбрасывали с веток в траву мертвый зачервивленный плод. Где-то в Ярвосольском погосте горели мхи. Смердное охвостье пожара, подобравшись к Неве заполонило Дубровку и затем, отступив двигалось на летний восход. Коло пристаней – пустота, сонные собаки, в тени. То же на товарном дворе. Сунешься от скуки на торжище – и там тишина, в будочке воротников – храп. Жар чувствуется даже у Ладоги, в версте от предместья, где, у перевоза на остров, около твердыни посад. Чуть-чуть полегче дышать только у морских пристаней. Всё, кажется прониклось безвремением... Ветра! Дождя!

Тучки на летнем западе порою сгущались, ночью раздавался гром. То же, понимай – живота, – думывал попутчик свеян: вечно-то – чего-нибудь жди!.. Вот уж седина кое-где... в брудях, а почти ничего, можно говорить, не достиг – нету ни богатства, ни славы, ни жены, ни друзей... Дожили. И хоть бы тебе кто-нибудь хоть в чем-то помог! Сам, да сам. Был... бывший побратимко, Сергей – выбежал, незнатно куды. Жаль. Право же. Подчас побратим, яко бы – плечо подставлял... (друг, некоторым образом – ветер, дующий в твои паруса; можно бы сравнить). Ох-хо-хо. Как яблоки от зноя в садах, лучшие годочки – в бурьян... Тысячи? Вот, вот: а потом? далее? Нахапал – и все? Душу не укормишь богатством, ужели не так – одинокому и деньги не в радость. Может получится, милок, с тысячами – некуда плыть. Эх, Серьга!.. Можно бы, чего-то – ему... нищенствует... Позже. Дадим.

Что ж тот, Ненадобнов?

Желая догнать бывшего дружка-побратима выехал, как знаем вослед, малость задержавшись под Тосною, а также у Мги вершник прискакал на посад, наскоро обследовал пристани с пятком кораблей, там же, на пустом берегу моря-озера слегка отдохнул, полюбовавшись на крепость, напоил скакуна, выкупался, после чего, видя пред собою один только прибережный камыш потрусил невдалеке от воды, Ладогою к Липкам³⁸, на веток – и затем, выбравшись на тракт, закусив найденным в суме колобком, веруя в успех предприятия направил коня в сторону граничной реки.

³⁸ Это селение исчезло в ходе боев за Ленинград, в январе 1943 г.

То есть повернул к Лавуе, предположив, что корабль где-то изблизи в стороне; думалось, при полном безветрии не смог убежать далее пределов страны.

39

В Нотбурге, как видим, каких-то сколь-нибудь заметных событий, исключая проскок выборжекого гостя, Серьги не приключилось. Так же обстояло на устьях, даром, что вблизи от просторов Балтики, Соленого моря не было особой жары – этому частично способствовал, давая прохладу стлавшийся все ближе и ближе к Ньюну от гирла Невы околбережный туман.

Кто-то из поморских жильцов сеял зимовое обилие, Парка, насушив карасей начал обмолачивать рожь; только что, в канун Симеона летопроводца выплатил в доход магистрата восемнадцать ефимков, дань за возведенный на Стрелку, якобы неправый, поклёп.

В один из таких дней к полунощному берегу острова, на старом пути к Невскому исадищу, в Канцы близился груженный товаром новгородский карбас. На взморье по всему подбережью пала, отемнив окоём волглая завесигда мги, свет наполовину померк, и лодье, чтоб не заблудиться в проточинах незримого гирла следовало где-то пристать. Люди гребли вот уже вторую неделю, несмотря на заход в гавань, на какой-то причал Выборга, ночью порой – силы подходили к концу.

– Вроде бы чего-то виднеется, – изрек носовой: – Дерево, как будто. Земля? – Всматриваясь в заморосившую с какого-то времени белёсую мгу плаватель, восстав приумолк. – Цётто? Пропавши? А, нет, – кажется. Доподлинно: твердь, брег, – удостоверился кормчий, повелев приставать – и, через десяток гребков суднышко вонзилось в песок.

Низодол берега казался безлюдным, сажень в сорока, еле различимый в туманище, проглядывал дом; оттуда, с плосковерхой горушки двигалась неверная тень. Лошадь? лось? Нечто, продолжая спускаться уходило в кусты.

– Геи на берегу по куста-ам! – проголосовал носовой, собственник торгового судна, Кошкин в направлении призрака, приставя к губам сложенную лодочкой длань.

Сшествие, как будто замедлилось; из ближних раки, в горочку шарахнулся птах – листья, качнувшись под крыльями стряхнуло капель.

Тень-призрак, видимо – хозяин избы; местный своеземец, чухна? – предположили в лодье. – «Хы-вя-хя пайва, пой-га!» – взлетело с воды, и затем, то же – на другом языке, ясном для заморских пловцов: «Парень!.. Доброй день, мужицёк!»

Тишь; только что принявший, как будто человеческий вид призрак в одночасье пропал; «Де ты задевался, мужик?! – вскрикнул, проявив нетерпение другой мореход: – Ну-кка покажись!»

– Це-ло-ве-ск!.. Менниша! – с повтором по-свейски возопил носовой – и, одновременно с выкриком из гущи раки на берег, к воде изошел впрямь-таки, похоже на то ведавший свеянскую молвь некто иноземный людин; первое, что взвидел старшой: на выходе была безрукавка – именно в таких, с меховой выпушкой в торгу на Стеколье, за морем, и также на Готланде, припомнил Степан позапрошлогодне плаванье шустрят маклаки, перепродавая товар; голову, отметил пловец красил дыроватый колпак. «Пригородный кто-то, из местных; юноша годочков четырнадцати... старше, ну да. В общем-то, приятный парнёк», – думалось, когда рассмотрел отрочье лицо изблизи.

Не дошед сколько-то шагов до крутца, берегового обрыва с плетевом подмытых водою, оголенных корней малец, обернувшись ко взгорью продолжительно свистнул и, чуть-чуть обвалив скрытый на долонь, полторы свисшею дерниной откос вежливо отвесил поклон.

«Русич», – произнес в пустоту ближний от Степана гребец.

– Думаешь? – откликнулся кормчий: – Сем-ка мы сие испроверим... Далеце ли, приятель до Канцев? – молвил для ушей паренька.

– Ближко, говорят корабельщики: без мили полмили, – прозвучало с крутца на знакомом главою артельных, Кошкиным с младенческих лет, вызвавшем слезу языке. – Кто буите?

– Не ведаю, брат. Кем бы то ни стали позднее, волею Иисуса Христа – взвидится, коли доживем. Днесь, – проговорил носовой: – плаватели, новгородци. Правимо к себе, от Стекольна. Цё яно такое за твердь? А? Як: Хрестовой? – «Ну», – произвелось на уме. – Остров, – повернувшись к артели объявил судовщик: – Стало, бисюкарню объехали в туман, невзначай – Ваганово, таможенной двор.

– Мытницу? Ах, даже и так?! – вскрикнул, услышав сообщение один из гребцов: – Лизей-мейстера, выходит надули – сборщика таможенных пошлин! Так бы то платили ваганное, за взвес да проход. Ну и молодчи, ай да мы. Стоит записать происшествие – на то и дневник. Де она, тетрадка?.. Нашлась. Графья недалече, цела; к счастью не сломалась; но.

– Я т-тебе, писатель! Нет, нет. Стой, Васька, укроти нетерпение, – промолвил старшой, мельком поглядев на гребца: – Эк-кой у тебе, доморощенного писаря зуд, висельник бумагу марать!.. Думаешь сойдет, пронесло? Да и неплатеж невелик. Вящие врата впереди – охтинская гавань. Забыл? Ну-ко убирай писанину, – молвил с оборотом к юнцу:

– Таможенники есть на заставе? Мытари, по-нашему-от, – вскользь приговорил судовщик; – рекомые по-вашему, в Канцях: бисюкари. – «Есть. Четверо, – услышал Степан: – Главной лиценц, пошлинник по-вашему – Криг... у коего, – ввернул собеседник, – на выданье красавица дочь. Ежели вечер не утек... Тут? на острове? Никого. Церковка, без пенья – и всё; можно бы сказать, пустота. Беспшлинно проехали, кормщик. Не придут, вылезай. Мытари на том берегу».

– Да? Уговорил, коли так, пёс тебя куси, подстрекателя, – итожил купец. – Ну-ко выбирайся, матрозия! Живее, сарынь, – в сторону: – Вставай-подымайсь, трудники, работою народ. – С тем, начал разуваться Степан, следуя примеру *писца*; вот-ко и берег, низок.

Люди подступили к бортам. «Навались, навались, товарищи!» – прикрикнул старшой. Стронулось; пошло помаленьку. Тяжкий в мелководье, карбас на четверть долины, как не более, отметил подросток вытянули, скопом на сушу. Сколько-то людей, привязав судно к дереву, один – босиком вышли обозреть бережок.

«Дома! – вешевал, про себя крепкий, с небольшой бороною клинышком карбасный гребец, названный начальником Ваською: – Ого чудеса! Прямо-таки сон наяву! Скрывшийся под сумрачным пологом Крестовский рукав чуеться, незримый с крутца, разве что по слабому плеску бьющей под корягу волны – видимость настолько ухудшилась, что кошкин корап кажется сдалеча кустом. Ровно бы Поддонное царство, не хватает узреть канувшего к рыбам Садка, гостя новгородских былин!.. Тут, на нежилом острове древнего купца-гусяра, как бы, представляет собою главный корабельщик Степан, столь же именитый пловец. Что это, однако на взлобчечке, повыше раки: терем? Не похоже. Овин? Вряд ли; на морском берегу? Что-то не видали сушил да молотильных токов, ставимых вдали от поселков и страдомых полей». Малость отойдя от своих остробородый взгляделся: «Вроде бы... Постой-ка, постой! Отрок поминал о святилище, откуда пошло, может быть название суши – даром, что уже без креста и с прохуdivшейся кровлею, – подумал босяк, – зримое вдали, за ракитами – старинная церковка, молитвенный дом...» «Де же ты живешь, мужицёк?» – проговорили позадь.

Вслушиваясь больше в себя, нежели в ответную речь Кошкин, разминая ходьбой несколько затекшие члены, потеряв кулаком ноющий хребет, приумолк; «Старый – потому и болит», – произвелось на уме. – Около градка? у Невы? Ась? – переспросил судовщик.

– Но-о. Далее, у Нарвского тракту; подле, – отозвался юнец: – По-за Голодушею-от, коло подгородных кружал; наискось, напротив – таможенничей, в коего дочь, Фликкою зовут, – прицепил, выговорив, Красной Кабак. «Н-ну!.. Круг, трактория! Оттоль занесло? Чуть ли не на Выборгской тракт... к важне, – уловил *мужичок* молвь остробородого, Васьки. – Чо же ты в моление забыл?»

– Ври, отрок! Ой ли то? Не верю, обман; скажет, – возразил бородач, слыша *ничего* паренька. – Не страшно, отшельник? Един? Али-то с личентовой дочкою?

– Сам-друг, – паренек; – двое, с прошлогодного вечера. Тебе-то чего? Вовсе не страшусь. Попривык. Боязно бывает когда, часом, разлетится туман.

– С девкою-таки?! Отвечай. Звать? именем?

– Попович... Юрейко званием; приемной попа Спас-Преображения сын; некогда отец Онкудимище служил на Песку.

– А-аа... Тот.

– С товарищем. А ты говоришь... Девку для чего-то приплел. Надо же такое навыдумать, – примолвил юнец. – Ну тебя.

– И то, Василек; делом говорится, отстань. Цё ты на милашку насел; нече, – подступив к собеседникам вмешался купец. – Ён для обнимания с девками ешшо младоват. Рыбные ловцы? Угадал? Сем-ка мы с тобой поторгнем, – подмигнув пареньку, молвил корабельщик: – ага: рыбы, на ушицу неси. От тебе, Юрейко алтын... Талер? Живоглот! Ай да ну: мастер загребать!.. Полуцый. От те талер. С пошлинных, – изрек мореплаватель, достав серебро. – Думаю лиценц подождет. Боек торговать, милухна. То-то, гляжу в Нове-городе о нынешней год рыбные ряды оскудевши – выловили невских сигов! – мал привоз. Уловисты немецкие тони?

Сунув за щёку талер, паробок собрался идти.

– Стой, погодь. Отроче!.. – Гребец помолчал, искоса взирая на Кошкина. «Спросить, не спросить? Можно бы – а только зачем? Никогда никуда не возвращайся... на Неву. Для чего? Лишнее – расспросы; а то ж. Спросим», – заключил мореходец – и, поколебавшись чуть-чуть, в мыслях о родной стороне выговорил, местному: – Ты... Есть еще... стоит ли у вас, подле Голодуши изба?

– Но-о; жнам, штоит. Да и не одна и не две, – более десятка... с пяток, – высмеял невежество малый, порываясь бежать.

– С соколом, – хватая рукав треснувшей у локтя рубахи уточнил мореход; – сокол над крылечком, резной.

– Так бы то и рек. Отпусти. Кто ее, такую не знат, паркину ижбу, на Ключах – лутшая на весь околоток. Выстроил, себе – и живет; жнаемо. Тебе-то – зачем?

Вырвавшись, Юрейко ушел, унося чудом заполученный талер, и через недолгое время появился опять. С рыбою.

Пока, в стороне чистили, подумал Степан чуть ли не бесплатных сижков прочие надрали берёсты; запылал костерок. Часть кошкинцев направились к судну загодя отыскивать ложки: – остро почувствовался голод.

Не скоро доберутся до Новгороду!.. Право же, так. – Набольший дружины вздохнул. – «Эх бы то успеть на причал в осень, до Филиппова заговенья, перед постом, – вскользь проговорилось в мозгу: – прежде, чем на плесах, под городом появится лед. С выездом слегка задержались. И то хорошо – в непогодь, при полном безветрии достигли Невы». Далее, отправятся к Нотбургу – еще переход: семь, с малостью какой-нибудь, миль. Верст семьдесят. За Ладогой – Волхов: крепость, перед нею пороги... Доставай кошелек... Лотсены, порою неопытные могут шутя-походя на мель посадить. Видели на устье таких деятелей множество раз!.. «Двожды», – проворчал корабельщик, подгребая к огню россыпи чадающих суков. – А и в Запорожье полно всяческого рода препон. А бури, а подводные скалы, на море? А шайки воров? Дело ли, при этом – загадывать какой-нибудь срок? Двожды и трожды – нет. Где она, кончина пути? В будущем. Отчальный денек, выход в плавание все еще зрим, помнится, – подумалось гостю, – а конца не видать.

Как двор? Как чадушки, особенно – Лещ? баловень! Как лавки, в рядах? Двор, в общем-то, довольно богат: светлицы, погребца, солодовня. В подвале у Бориса и Глеба огнепасимое добро. Из веку в век в храме творят память по убиенным при защите отчизны от врага земля-

кам; в синодике церкви писано: покои, Господь павших на войне во Ъжере от рук свийских немец княжих воевод и ново-городицких и также иных иже с ними воинов незнатного роду, в том числе – ыжорских собратий. – «Бились, – промелькнуло у Кошкина, – по слухам как раз где-то в понизовьях Невы. Может, на Крестовском³⁹; в лесу?» – Бранники былых поколений виделись очам корабельщика при блеске мечей, рослыми – повыше, чем люд в торжищах, его современники, у каждого вис около плеча мушкетон.

Ах родина, отеческий дом!.. Стоит из него отлучиться – на душе непокой. Главная тревога: семья, недоросли; что же еще? Старшему из деток, Лещу за море давненько пора, – с нежностью подумал Степан, чуть пошевелив костерок. – Хват-парень!.. Да и Тимофей не простец; Ерш. Схож в чем-то на сего рыбака. Станется, что он поплывет. Но, да поживем – поглядим.

40

Сумерки перетекли в ночь, а едва свет рыбаков островитянин, с товарищем зашли попрощаться. Вовремя: старшой корабельщик, выяснилось только что встал.

– Трогаемся... Тоже? домой? – вымолвил вполголоса плаватель, призвав к тишине: – Пусть есё цютоцек поспят, – бросил, озирая артель.

– Будь здрав. Привет Нову-городу, – глаголал Юрейко. – Много там, чать наших! Было, изоброчат кого-нибудь не в меру – сойдут. Верно говорю, не наврал. Даже и с Корелии бегают, не только с Невы.

– Да? вот как? Е-асть; водятся, – прервав позевоту, подтвердил судовщик. – Цё же то ни быть таковым. Русь-мамка всех переварит – не подавится, откуль ни придут. А уйдут, скатертью дорога, не жаль. Всем хватит едева – и нашим, и вашим. – В сонных незадолго до этого, глазах корабельщика явилось лукавство: – Мыслится себе ускакать? – Мельком поглядев на приткнувшегося обочь товарища, издавшего храп кормщик, возвращаясь к беседе выговорил: – Так? Угадал?

– Не-а, – произнес паренек.

– То-то же, – купец: – Не спеши. Как бы ни пришлось в русаках, выбежавши локти кусать; истинно, – добавил, стрельнув оком на другого гребца – остробородого, прозванием Васька: остробородый, дергаясь во сне застонал. – В цём-то утеснят, претерпи. Бьют везде... В каждом господстве по-разному. А ты и не знал? Видели таких, кто, сбежав ходит по сей день промеж двор. Бедники!.. А тут у тебя, в свеинах имеется дом, – проронил в сторону подростка пловец, – промысел, какой ни какой. Мало ли?

Попович кивнул: – Стерпится. Вдобавок – друзья: Крик, Шершень... Четверо.

– А там – никого. Истинно, приятель; сиди. Но, да и, бывает с друзьями, не имея серебряных, рублей – пропадешь.

Кто-то из моих соколов думает: богатство не скарб, нажитый горбом, не казна в скарбнице, а некая цель, внутренняя, знать бы какая, вроде путеводной звезды, – пробормотал корабельщик, вскидывая взор на гребцов: – Нечего блажить, потрудись. Лутсего не будет, зятек... бегатель, – ввернул мореходец и, легонько вздохнув, больше для себя, произнес: – Главное: утек, али нет из дому – здоровье души.

– Но, – изговорил собеседник, попытавшись на миг в слышанном хоть что-то понять.

«Умница; схватил на лету, даром что с лица простоват!.. В точности как Ерш, Тимофеюшко, – подумал Степан; мга, виделось, частично растаяв отступала к воде. – Надо бы его возбудить», – промелькнуло в мозгу плавателя, как перевел взгляд с призрака лоды на артель. –

³⁹ Скажем от себя: промелькнувшее в сознании гостя можно бы назвать отголоском битвы новгородского князя Александра Ярославича (Невского) с воинством ярла Биргера при устье Ижоры, левого притока Невы (15.7.1240 г); плаватель, как видим ошибся.

Остробородый, выговорив что-то задвигался, протяжно взмычал; выдвигавший всякие виды, порыжелый треух спящего, покинув главу переместился к ногам. Снова полегла тишина.

Вскоре навестивший артель юнец островитянин откланялся – покликнув дружка, посвистом ушел восвояси. Кошкин, отойдя от товарищей возжег костерок.

«Ну, П-палка: перебрался под сокола! Каков молодец! В общем, хорошо получилось; не пропали труды... Слава тебе, Господи – явь». – Остробородый, пробудясь потянулся, хмыкнул, стряхивая сонную одурь огляделся окрест.

Эк-кой же препакозный сон: чем-то похожего на брата колотили пистолью – по главе, по главе! Схожий на братеника, Палку дергался, поматывал ею, точно балаганный плясец, он, Васька силился бедняге помочь, тот падал на колена, вздымался – молотьба продолжалась... Преодолев немочь сделавшихся ватными рук, в знании что спит, ухватил склизкий от руды санал и, попытавшись проснуться плотно сомкнул веки, тут же, в одночасье расплющил – и, таки удалось: в следующий миг пробудился. Думалось, вот-вот разорвется или выскочит вон, с перенапряжения сердце, чужое, но обошлось... Жив! Ну и чудеса в решете.

Васька взглянул на руки: да нет, не в крови. Где ж треух? Вонде; отложился к ногам... цел.

В Красном, бывало, в молодости он развлекался тем, что, записав на бумагу истолковывал сны; то ж, по красногорской привычке, въевшейся до мозга костей, захоронясь от жены, Анницы проделывал в Новгороде – и вот теперь, как новоявленный гость морепроходец Офонасей, тверитин вписывает в приобретенный летошне по случаю в Риге, за морем походный дневник виденное ими в пути. – Васька, различив сквозь туман правобережье похмыкал: – Почему бы и нет? Самая пора настроичить то, как обошли бисюкарню, да и сон – не пустяк. Только бы старшой не узрел; сердится. Писать, не писать? Боязно, и, с тем наряду некоторый зуд обуял. Спробуем; того и гляди пальцы, – пронеслось в голове сами заберутся в дневник... Где же то? Не выйдет; ну да: скрылась мореходная книжка!.. Вонде. Забралась под кожу.

Вытащив подённые записи, пловец оглянулся и, пока не забылось лётном изложил в дневнике ставшее тускнеть и сменяться окружным сновидение и тут же вослед оное, как мог объяснил:

«Грамотно выходит! Эге ж. Сонный пистолет, самопал, – проговорилось в душе, – образно – крутая судьба, сиречь богоданная женушка, Степанова дщерь, иже, оказалось – не дар, но исподнебесный удар, божий, балаганной плясец, коего лупили стволом по голове – аз, Васька, Сокол, многотерпеливый супруг. Бить Анне Ваську до скончания века, или до случайной загибели кого-то из них... Ест поедом, вернее сказать».

– Благодарю, Господи, за все что ниспосылавши! Идет, старикан... тесть, – пробормотал новгородец, убирая дневник. – Досыть на сегодня. – «А что: складно получилось. Ей-ей. Всё происходило как в жизни. Так!.. Но почему, почему тот, во сне смахивал на Кречета, Палку?! Странно», – заключил про себя.

О том как обошли бисюкарню предпочел не писать.

Сон, произвелось на уме был, определенно навеян усталю, отчасти прошедшей, мгою и, быть может остатком страха потерять берега в час как опустился туман, видом окружающей местности, закутанной в мрак – островом с рухлявой церковкою, – подумал гребец; с тем, немаловажной причиною недавнего бреда видится, в ряду остальных давешний приход рыбачка, именем Юрейко, туземца: родину, Поневье напомнил. Можно ли сравнить с животою на Великой Руси? Трудно веселиться в зятях; сходное – когда пистолетят. Он, Васька, бывший красногорец железодел, съехавший в Калинку, под город, а теперь, во купцах, яко бы ничей-никакой думал о своем положении, порою во сне!..

Кошкин говорит: рыбачок только что убрался... Увы! как не жаль: мог бы, расспросив безрукавого побольше узнать. Как он там хозяйствует, Палка?

Ну и бесовщина! А то ж. Чуть было и сам не схватил по голове – спасся лишь, единственно тем, что удалось пробудиться.

Что это?.. Похоже, действительность.

– Недужеешь? Хвор? Ась? – переспросил судовщик.

– Нет, здоров.

– Ой ли? – усомнился купец: – Выглядишь – как будто подмок, альбо схлопотал цем-то, без вины по башке.

– Аз??!

– Да, да. Кто ж есё, – промолвил старшой, думая будить остальных.

– Правда? Пистоле... неуже... Вот как! – подивился гребец.

Васька, прикоснувшись ко лбу недоумённо похмыкал: «Так-таки – досталось? А что: может быть... Начальствам виднее», – промелькнуло в мозгу – и пока, чтобы не казаться большим тщетно вымучивал улыбку некто неотчетливо слышимый в глубинах естества проговорил: «Не в радость тебе, Сокол промена мест!»

«Как бы то, судьба переехала телегою-от, с тем, как переехал на Русь; тяжко веселиться в зятях!.. Ну и сон», – с горечью подумал пловец.

Вскоре приударили в весла, и затем, покосившаяся в сторону берега, к полночи (где все еще вис, кроя бисюкарню туман) утлая, уже без креста церковка Крестовского острова пропала в дали. Позже ее или разберут на дрова или же исчезнет со временем сама по себе, остров, на котором стояла нарекут по-иному, а пока что сие тронутое гнилью молитвище, мелькнуло у Васьки – памятник былой принадлежности отпавших на Свию, некогда русийских земель.

Двигаясь полуденным берегом проминовали Каменный, затем, по дуге, петлями – Березовый остров, по старинке – Фомин, и, обойдя оконечность, затруднившую ход множеством придонных камней выгребли в Большую Неву. Сзади, освещаемый солнцем воскурился дымок, выдав деревеньку Вигору, справа, за двором Одинцовых, коло самой воды взвился кирпичный завод.

Мгу сдуло. Ветряки на мысу – мельницы Березова острова, отметил старшой стали на глазах оживать.

Судно, развернувшись пошло вдоль правобережья на восток.

«Ветрено!.. Не так, чтобы очень, но-таки порядком свежит. Море-окиян, да и только. Ну и широта! О-го-го. – Вершин, передернув плечами походя поправил сползавший на затылок треух, мельком оглядел оком. – Даже то и в шапке не жарко, – шевельнулось в мозгу. – Прямо хоть влезай в козуха».

Стерпится... Надеть, не надеть? Можно бы... А где он, козух?? Но, да и в шерстянке, с дырою (как бы то еще не с двумя), вздетой на исподнюю срачицу не будет знобить, ежели идти напрямик противу такой течей. Лихо, – поплевав на ладони усмехнулся гребец.

Жив дом под соколом! А все-таки жаль, что не удержал островлянина... И днесь, поутру можно было поговорить. Дрых. Проспал. То и поплатился, вдвойне: ровно ничего не спознав, как бы то и сам заодно с Палкой, сонным, али как там сказать... с призраком... побит пистолетиною. Верно, Степан; правильно подметил, старшой. Точно подсмотрел!.. молодец, – чуточку задумался Вершин, пропуская гребок. – Брат, брат... Проехали. Вон там Калганица. В миле от градских пристаней. Вот бы заглянуть на денек. Впрочем, не последний проезд – свидимся когда-нибудь, Палка!..»

– Спишь, Востробород? шевелись! – рявкнул, на корме судовщик. – Выбрались в новой фалватир.

Васька встрепенулся.

Ого: Враловщина! Как не узнать?

Далее, припомнилось Вершину – Подгорье, Песок, или же, что то же – Пески:

Спас Преображение, церковь (с некоторых мест заколочена), Богдановский двор, Есипова-от – развалюха, памятник забытых времен, выше по реке, за погостом – смоляные амбары. Пригород. Вернее сказать околотородье; ну да – штад, как таковой расположен у правобережья Невы, то есть на другой стороне... Близко виловатой сосны, у переправы на Охту, коли то еще не ссекли оную по старости лет, некогда стоял кабачок, – проволоклось на уме. – «Ясти приходил, на уху. Прочее – лишь кое-когда... незачем», – подумал гребец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.